

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Александрова Марианна Артемовна

**РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ИСТОЧНИК РОССИЙСКОГО ПРАВА**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
доктор юридических наук, профессор
Лазарев Валерий Васильевич

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ПРИРОДА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	17
1.1. Научная полемика о решениях Конституционного Суда Российской Федерации в контексте понятия и классификации источников российского права.....	17
1.2. Нормативность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.....	53
1.3. Статус решений Конституционного Суда Российской Федерации.....	89
Глава 2. ПРОЯВЛЕНИЕ КАЧЕСТВ ИСТОЧНИКА ПРАВА В НОРМАТИВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ИНЫХ РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	125
2.1. Виды решений Конституционного Суда Российской Федерации.....	125
2.2. Нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации.....	147
2.3. Иные решения Конституционного Суда Российской Федерации, имеющие позитивное содержание	171
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	194
ПРИЛОЖЕНИЯ	246
1. Приложение А. Таблица 1.....	246
2. Приложение Б. Таблица 2.....	247
3. Приложение В. Таблица 3.....	249
4. Приложение Г. Таблица 4.....	250

5. Приложение Д. Таблица 5. Признаки нормативности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.....	252
6. Приложение Е. Анкеты социологического исследования от 20 мая 2014 г.....	255
7. Приложение Ж. Анкеты социологического исследования от 27 января 2017 г.....	256

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема признания за решениями Конституционного Суда Российской Федерации или их частью официального статуса источника российского права со дня его создания была и остается одной из наиболее дискуссионных. Законодательно этот вопрос не разрешен, несмотря на то, что есть все предпосылки для такого признания, исходя из тех функций Конституционного Суда Российской Федерации, которые за ним закреплены ст. 125 Конституции Российской Федерации: официальное толкование конституции и возможность признания актов или их отдельных положений неконституционными, что влечет утрату их юридической силы вне зависимости от того, когда их отменяют соответствующие органы или должностные лица, и будет ли это сделано вообще.

Природа решений Конституционного Суда Российской Федерации напрямую связана с пониманием самого понятия «источник права». Общеизвестного определения этой научной категории нет до сих пор, как нет и единого подхода к его трактовке. «Неоднозначность толкования понятия «источник права» возникает в первую очередь по причине одновременного обозначения с помощью единого термина содержательных (материальных) и формальных источников права»¹. В настоящее время в юридической науке «формально-юридическое» представление об источниках права является наиболее распространенным и часто употребляемым. В диссертационном исследовании понятие «источник права» также будет использоваться в формально-юридическом аспекте.

Дискуссионными остаются и вопросы о том, какие именно акты Конституционного Суда России являются источниками российского права;

¹ Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 97.

следует ли относить к источникам российского права правовые позиции Конституционного Суда России.

Между правоведами ведутся споры и по вопросу отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к определенному виду источников права. Чаще всего они относятся учеными к таким общеизвестным источникам права, как судебный прецедент, нормативный правовой акт, правовая доктрина. Другие правоведаы определяют их исключительно как самостоятельный источник права, наряду с уже существующими.

Бесценен и зарубежный опыт в вопросах официального закрепления за решениями конституционных судов статуса источников права. Несмотря на видимую правовую определенность данной проблемы в отдельных странах постсоветского пространства, тема остается актуальной, поскольку недоработанность некоторых вопросов создает новые пробелы и разногласия в правовой оценке явлений¹.

Исходя из вышеизложенного, представляется объективно оправданной задача современной науки определить юридический статус решений Конституционного Суда Российской Федерации. Привычная для исследователей дискуссионная позиция должна уступить место поиску путей юридически закрепленного признания за его нормативными решениями статуса источника российского права, что существенно повлияет на разрешение проблемы их исполнения, а также позволит им официально занять в системе российского права свое фактическое место среди других источников права.

Принципиально важно определить конкретные виды решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые будут признаны источниками российского права. Исходя из опыта зарубежных стран, ошибочно признавать все решения конституционных судов источниками права.

Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения, формирующие концептуальные начала, идейно-теоретические

¹ См.: Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан. Минск, 2016. С. 76-77.

взгляды и нормативно-правовые основания конституционного правосудия и его результаты.

Предметом исследования являются источники права, регулирующие деятельность Конституционного Суда России, решения Конституционного Суда России и лежащие в их основе категории и принципы, являющиеся предметом доктринального анализа, характеризующие содержательную сторону конституционного правосудия и позволяющие признать особую природу решений Конституционного Суда России и, как следствие, возможность их включения в систему источников российского права.

Цель и задачи исследования. С учетом научного и практического значения проблемы, в диссертации поставлена цель: исследовать юридическую природу решений Конституционного Суда Российской Федерации; доказать, что определенные категории решений Конституционного Суда Российской Федерации являются источниками российского права; установить их особенности в этом качестве.

В ходе работы решались следующие задачи:

– проанализировать различные научные подходы к понятию «источники права», классификацию источников права с целью доказать наличие в решениях Конституционного Суда Российской Федерации их признаков;

– сопоставить признаки нормативности с каждым видом решений Конституционного Суда Российской Федерации, раскрыть содержание понятия «правовые позиции» Конституционного Суда Российской Федерации с целью разграничения актов Конституционного Суда Российской Федерации, являющихся источниками российского права, от тех, которые таковыми являться не могут;

– доказать, что источниками российского права являются постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании Конституции Российской Федерации; о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании;

о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними; подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции; о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

– обосновать отнесение нормативных решений Конституционного Суда Российской Федерации к самостоятельному источнику российского права;

– предложить в целях усиления правовой значимости нормативных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации путь юридического закрепления за ними статуса источника российского права.

Методологические основы исследования. В процессе исследования использовались всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы познания. Сложная природа процесса становления Конституционного Суда Российской Федерации и развития правового регулирования его деятельности, трансформации компетенции, структуры, порядка формирования, практики и, как следствие, статуса его решений потребовали комплексного изучения, опирающегося на совокупность научных методов, составляющих основу правового исследования. К ним относятся диалектический, функциональный, структурный методы, метод системного анализа, конкретных социально-правовых исследований, правового моделирования, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Эмпирическую базу исследования составили решения Конституционного Суда Российской Федерации за весь период его деятельности, вынесенные в том числе в связи с применением норм права российскими судами и Европейским Судом по правам человека. Эмпирическую базу исследования также дополнили опросы судей Новгородского районного и Новгородского областного судов с последующей обработкой статистическими методами собранных данных; результаты опросов согласуются с позицией диссертанта.

Исследуя проблему, автор руководствовался диалектическим пониманием процесса исторического развития конституционного судопроизводства, системным анализом источников российского права, признанием причинно-следственной обусловленности законодательно-определенных полномочий Конституционного Суда Российской Федерации и статуса его решений.

Комплексный подход потребовал включения в сферу научного анализа как самих решений Конституционного Суда Российской Федерации, так и исторических, социально-политических предпосылок, определивших их юридическую специфику.

Принцип научной объективности и достоверности обусловил необходимость глубокого и всестороннего изучения и анализа документального материала, проверки и сопоставления мнений и суждений, их критической оценки с позиций имеющихся в современной науке достижений.

Большое значение для исследования имела опора на сравнительно-правовой метод. Решения Конституционного Суда Российской Федерации были рассмотрены в работе через призму соответствия таким источникам права, как судебный прецедент, нормативно-правовой акт и правовая доктрина. Это позволило создать объемную картину решений Конституционного Суда Российской Федерации как правовой категории.

Теоретическую основу исследования составили концепции, положения, теории, изложенные в трудах известных ученых-правоведов в области теории права, конституционного законодательства и государственного строительства. Несмотря на многолетнюю научную полемику по вопросу определения статуса решений Конституционного Суда России как источника российского права, научная разработанность темы остается недостаточной, поскольку исследования велись в русле конституционного права и, как правило, не выходили на уровень теории государства и права.

Обобщающие труды по теме источников российского права, в частности, принадлежат С.В. Бошно, П.А. Гуку, Т.В. Кашаниной, О.Е. Кутафину, В.Н. Синюкову; по теме решений Конституционного Суда Российской

Федерации – В.И. Анишиной, Г.А. Гаджиеву, В.А. Кряжкову, В.В. Лазареву, Л.В. Лазареву, Б.С. Эбзееву, и другим ученым.

Среди трудов российских авторов по теме диссертационного исследования фундаментальными и наиболее значимыми являются работы Н.С. Бондаря, Н.В. Витрука, В.В. Лазарева, Л.В. Лазарева, М.Н. Марченко и Т.Я. Хабриевой.

Необходимо отметить, что большой массив работ по изучаемой теме принадлежит судьям Конституционного Суда Российской Федерации: М.В. Баглаю, Н.С. Бондарю, Н.В. Витруку, Г.А. Гаджиеву, В.Д. Зорькину, В.О. Лучину, Т.Г. Морщаковой, В.А. Туманову, Б.С. Эбзееву. Между тем их мнения и взгляды порой противоречивы. Несмотря на общую тенденцию признания за решениями Конституционного Суда России статуса источника права, расходятся их точки зрения по вопросам того, какие именно решения являются таковыми, следует ли относить к источникам права правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, к какому виду источников права их необходимо относить?

Целый пласт исследовательской литературы посвящен разработке понятия «правовая позиция» Конституционного Суда Российской Федерации. Правообразующая роль и значение в формировании официальной доктрины правовых позиций, на взгляд ученых, столь велики, что позволило сделать их предметом специальных научных исследований. Особого внимания заслуживают труды Н.С. Волковой, В.В. Гашуляка, О.Н. Кряжковой, К.В. Ображиева, М.С. Саликова, С.Н. Чернова. В связи с этим в юридической науке не утихает дискуссия о том, являются ли правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации источником права. Диссертант ставит своей целью внесение вклада в решение этого вопроса с учетом новейших изменений в законодательстве.

Автор полагает, что необходимо принятие мер, способствующих изменению отношения законодателя, судейского сообщества и практикующих юристов в целом к нормативным решениям Конституционного Суда России как прямым и непосредственным источникам российского права. Его акты должны

по праву занять свое место в иерархии источников российского права и не быть игнорируемы в ходе правоприменительной деятельности.

Основу **нормативно-правовой базы исследования** составила Конституция России. В ней закреплены основы статуса Конституционного Суда России. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г.¹ конкретизированы многие вопросы его деятельности, а также в нем содержатся отсылочные нормы к ряду других нормативных правовых актов при регулировании некоторых отношений. В него многократно вносились весьма существенные изменения. Их анализ, порой небесспорных, представлен в работе.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что ранее решения Конституционного Суда Российской Федерации исследовались диссертантами в научных трудах как источники конституционного, административного и иных отраслей российского права. В данной работе они изучаются с точки зрения теории права и государства в контексте понимания источника российского права как такового. В общетеоретическом аспекте, в русле научной специальности 12.00.01 рассматриваемая тема в диссертационных работах почти не исследовалась. Отдельные работы были защищены более 10 лет назад; их выводы не учитывали новейшие значительные нововведения в законодательстве, внесшие существенные коррективы в состав решений Конституционного Суда Российской Федерации, их правовой статус.

С учетом изменений 2009-2016 гг. в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» автором предпринята попытка доказать, что часть решений Конституционного Суда Российской Федерации – так называемые нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации – является самостоятельным источником российского права в формально-юридическом смысле. Общетеоретический аспект настоящего исследования потребовал выявления

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

соответствующих качеств в сопоставлении решений Конституционного Суда Российской Федерации с иными источниками права.

За годы деятельности Конституционного Суда Российской Федерации подвергался изменениям и юридический статус его правовых позиций, которые также рассматривались в диссертационном исследовании на предмет соответствия их признакам источников российского права. Правовые позиции Конституционного Суда России, на взгляд диссертанта, не являются источником российского права как имеющие самостоятельное значение в этом качестве.

Автором была предпринята попытка доказать, что нормативные решения Конституционного Суда России не могут быть отнесены ни к одному из общеизвестных видов источников права и в связи с наличием всех признаков источника права как правовой категории являются самостоятельным источником российского права.

Основным критерием признания за решениями Конституционного Суда России статуса источника российского права было признано наличие в них нормативной новизны; рассмотрены законодательно предусмотренные и фактически используемые полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, реализация которых влечет принятие им решений, обладающих, как следствие, нормативностью.

Диссертантом внесено предложение законодательного закрепления понятия «нормативные решения Конституционного Суда Российской Федерации» и их статуса как источника российского права в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» и отраслевом законодательстве с предлагаемыми формулировками.

Исследование имеет системный и комплексный характер, нацелено на преодоление схематичности и односторонности в освещении и оценке рассматриваемых вопросов. В нем даны конкретные практические пути решения затрагиваемых в работе проблем.

Основные положения и выводы, выносимые на защиту:

1. Автором проведен системный критический анализ теоретических подходов в решении дискуссионных вопросов понимания природы решений Конституционного Суда Российской Федерации и, в частности, того, являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации, все или их часть, источником российского права в формально-юридическом аспекте; следует ли относить к источникам российского права положения, содержащиеся в мотивировочной части решений самостоятельно, или это лишь обосновывающие их правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Диссертант находит интегративное решение в споре правоведов по вопросу отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к определенному виду источников права в том, что они как самостоятельный источник права не стоят в ряду других, а рассматриваемые в единстве резолютивной и мотивировочной части, содержат в себе одновременно в той или иной степени качества, присущие таким видам источников права как судебный прецедент, нормативный правовой акт и правовая доктрина.

2. Конституционный Суд России выполняет квазизаконодательную функцию, выступая в качестве «негативного» и/или «позитивного» законодателя. Реализуется данная функция через следующие полномочия:

- признания нормативного правового акта или его части не соответствующими Конституции Российской Федерации;
- признания невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией Российской Федерации решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;
- официального толкования Конституции Российской Федерации;
- обязательного истолкования нормативных правовых актов или их части, являющихся предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

3. Решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают признаками нормативности в той степени, в какой нормативность признается за

традиционными источниками права, в какой они являются обязательными при решении юридических дел, в какой они обогащают правовое пространство, выступая в качестве материальных носителей права, определяющих взаимоотношение и связь других источников права. Но не будучи тождественными с традиционными источниками права, нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации являются самостоятельными источниками права.

4. Решения Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии/несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации и вопросов, выносимых на референдум Российской Федерации, необходимо облекать в форму заключений, а не постановлений, поскольку ни в одном из итоговых решений по данным вопросам нет нормативной новизны.

5. Диссертантом доказано, что при понимании права как поддерживаемого государством общеобязательного регулятора общественных отношений источниками российского права являются следующие виды решений Конституционного Суда Российской Федерации:

- постановления о толковании Конституции Российской Федерации;
- постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;
- постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании;
- постановления, подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции;
- постановления о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

6. Особенность нормативных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права заключается в их высшей, после Конституции Российской Федерации, юридической силе.

Как и Конституция Российской Федерации нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации также являются источниками всех отраслей российского права. Лишь отдельно взятое решение Конституционного Суда Российской Федерации может иметь конкретную отраслевую принадлежность тогда, когда, например, оно устанавливает несоответствие нормы той или иной отрасли российского права Конституции Российской Федерации.

7. В целях законодательного закрепления правового статуса нормативных постановлений Конституционного Суда России как источников российского права, автор обосновывает необходимость закрепления в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» их перечня.

8. Для обеспечения исполнения важных для правоприменителей правовых позиций, содержащихся в ненормативных решениях, Конституционному Суду Российской Федерации необходимо в тех случаях, когда это возможно, облекать их не в «отказные» определения, а в нормативные постановления. В тех случаях, когда это невозможно, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации должен: отслеживать такие правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которые было бы целесообразно в виде законодательных инициатив предлагать Правительству Российской Федерации для дальнейшей их реализации законодателем; готовить обращения Правительства Российской Федерации непосредственно в Конституционный Суд России с запросами о толковании Конституции России, проверке конституционности нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними, исходя из вышеуказанных правовых позиций. Уже существующая практика исследовательской работы, проводимой отделом имплементации решений судебных органов в

законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, является очень актуальной и востребованной, а потому целесообразно ее совершенствование.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в определении категории решений Конституционного Суда Российской Федерации, которая является источником российского права; разработке предложений по внесению изменений в российское законодательство в части официального признания за ними данного статуса.

Основные положения, материалы и выводы исследования могут быть применены в преподавании теории государства и права, конституционного права Российской Федерации, иных отраслей российского права и других гуманитарных наук.

Положения диссертации также могут быть использованы для разработки спецкурсов по проблемам теории государства и права, конституционного права, подготовки соответствующих учебных пособий.

Апробация работы. Тема диссертации утверждена кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основные положения диссертации изложены автором в докладах на международных научных и научно-практических конференциях, в частности, на:

- Международной научной конференции «Юридическая наука: проблемы и перспективы развития (региональный аспект)» (Великий Новгород, 8-9 октября 2009 г.);
- Международной научной конференции «1150-летие Российской государственности: политико-правовое наследие и современность» (Великий Новгород, 25-26 октября 2012 г.);
- Международной научно-практической конференции «Противодействие коррупции в аппарате государственно-административного управления: правовые методы и средства» (Великий Новгород, 7-8 апреля 2016 г.);

– Международной научно-практической конференции «20 лет Уголовному кодексу РФ: проблемы применения и перспективы развития» (Великий Новгород, 8-9 декабря 2016 г.);

– Международной школе-практикуме молодых ученых-юристов «Композиция правового пространства: динамика обновления» (Москва, 24-25 мая 2017 г.).

Публикации. Результаты исследования опубликованы в 13 научных статьях, 5 из которых – в рецензируемых научных журналах, утвержденных ВАК Минобрнауки России для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертации определена ее целями, задачами, логикой исследования, включает в себя введение, две главы, заключение, список использованных в работе источников и литературы, семь приложений.

ГЛАВА 1. ПРИРОДА РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1. Научная полемика о решениях Конституционного Суда Российской Федерации в контексте понятия и классификации источников российского права

Вопрос отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к источникам российского права продолжает оставаться спорным. Научные дискуссии ведутся вокруг основного вопроса: являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть источником российского права или нет и, если являются, к какому именно источнику права их можно отнести. Анализ позиций показывает, что различные ученые-правоведы, юристы-практики толкуют данный вопрос в зависимости от представлений о юридических свойствах, присущих актам Конституционного Суда Российской Федерации, о правовых последствиях их принятия и, наконец, о предназначении самого Конституционного Суда Российской Федерации и характере его полномочий. Статус Конституционного Суда Российской Федерации приобретает исключительную важность, поскольку базой для определения правовой природы любого правового акта является «прежде всего отражение в каждом из этих актов задач и функций соответствующих государственных органов, поскольку каждый вид акта служит основным средством реализации его компетенции»¹.

При всем разнообразии мнений и подходов по данной проблеме, условно их можно разделить на две группы: одни признают за актами Конституционного Суда Российской Федерации нормативное качество чаще всего через прецедент, нормативный правовой акт или как самостоятельный источник права; другие же

¹ Котелевская И. В. Закон и подзаконный акт // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 35.

последовательно выступают против признания за Конституционным Судом Российской Федерации правотворческих полномочий.

Основным вопросом, на который необходимо ответить, чтобы понять в полной мере глубину противоречий в позициях ученых и их причины, является вопрос о том, что понимать под базовой категорией «источник права». Ответ на этот вопрос является фундаментом, отталкиваясь от которого целесообразно анализировать и все остальные вопросы. Большинство ученых, анализируя судебную практику в целях более полного выявления ее нормативной природы, неизбежно обращаются к детальному рассмотрению проблемы источников права. Несмотря на то, что этой теме посвящена обширная научная литература¹, единого определения понятия «источник права» до сих пор нет.

Отсутствие единства мнений относительно понятия «источник права» было свойственно правовой науке начиная с XIX века, хотя впервые термин «источник права» был упомянут в работе Тита Ливия, римского ученого, в отношении Законов XII таблиц («*fons omnis publici privatique juris*» – «источник всего публичного и частного права»)². Римское право формировалось исключительно как институт прикладного характера. Оно было нацелено на судебную защиту прав граждан; изучение же сводилось к описанию правового материала и его классификации: «... широта обобщения находилась в обратно пропорциональном отношении к его разработанности. Не к римским юристам периода республики надо обращаться для обсуждения правовых понятий; даже сама мысль о понятии отсутствовала в складе их ума»³. Поэтому, называя Законы XII таблиц источником всего публичного и частного права, Тит Ливий не дал дополнительного объяснения этому понятию.

В средневековье развиваемая философами, теологами и юристами система источников права длительное время не могла обрести тот вид, в котором могла

¹ См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. Кн. 1. Понятие права. М., 2003; Нерсисянц В. С. Философия права. М., 2003; Кечекьян С. Ф. О понятии источника права. 1946. Вып. 110. Кн 2; Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6-12; Алексеев С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 76; Байтин М. И. Сущность права. Саратов, 2001; Зивс. С. Л. Источники права. М., 1981; Кашанина Т. В. «Эволюция форм права» // *Lex russica*. 2011. № 1. С. 34-53.

² Цит. по: Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2004. С. 17.

³ Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования. М., 1998. С. 140.

бы быть признана всеми общественными силами. До XVI в. в Западной Европе велась активная борьба между светской и церковной властью за приоритет в принятии законов. С удалением церкви от активной политической жизни все большая сила приобреталась княжескими велениями. Б.Н. Чичерин приводит следующую цитату Ж. Бодена – средневекового философа и правоведа: «Князь, как и все другие люди, подчиняется закону Божьему и естественному, от которого никто не вправе отступать; но он стоит выше всякого человеческого закона»¹. Впоследствии Т. Гоббсом был сформулирован этатистский подход к закону, заключающийся в том, что правовая сила законов заключается лишь в том, что они являются приказами суверена².

Еще на исходе средневековья происходит изменение методологии исследования: в западноевропейской философской мысли XVI-XVII вв. термин «детерминизм» приобретает новое значение. В объективном смысле детерминация стала означать «не определение, ограничение или отделение, а обусловливание одних явлений другими явлениями, процессами и состояниями, в результате чего первые и приобретают определенные признаки, которые можно зафиксировать в определениях»³. Источниками права стали называть также различные явления, способствовавшие возникновению и развитию права, а не только Бога и/или те или иные общественные силы. Так, Ш. Монтескье заметил, что «частные случаи подчиняются общим, история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан или с другим законом, или зависит от более общего закона»⁴. Правообразующими факторами им виделись исторические, социальные, национальные, культурные, религиозные, экономические условия жизни общества.

Сущность источника права стала связываться правоведами и философами со все более сложными абстрактными категориями. На взгляд И. Канта, источником нравственных и правовых законов является практический разум или

¹ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. С-Пб., 2006. С. 434.

² Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 214.

³ Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 1996. С. 387.

⁴ Монтескье Ш. О духе законов. М., 1955. С. 159.

свободная воля людей¹. Основой права определил всеобщую свободу Г. Гегель. В «Энциклопедии законоведения» К.А. Неволин дал определение закона как правды, как прав и обязанностей, как формы². Сторонниками психологических концепций права Т. Тардом и Л. Петражицким истоки права были определены в психике людей³.

Ф.К. Савиньи призывал отделять источники права от его исторических причин возникновения и условий возникновения правовых отношений⁴. Он называл источником современного римского гражданского права действующий народный дух, поскольку позитивное право, на его взгляд, живет в народном сознании⁵. Данная концепция и стала главенствующей в исторической школе права. Ее основоположник, Г. Гуго, отмечал: «... в праве существует множество положений, возникающих помимо законодателя, и которые не совсем удачно называются обычаями»⁶. Другим представителем исторической школы, Г. Пухтой, источниками права были названы формы, в которых из народного убеждения возникает право; пути, с помощью которых право пробивается к внешнему бытию из народного убеждения⁷.

Учеными исторической школы была возрождена римская идея определения источников права через правотворческие силы, так как было ими замечено, что сами по себе обычай или закон не «производят» право. Это подготовило почву для формирования социологической школы права. Австрийским правоведом Е. Эрлихом в 1913 г. в книге «Основы социологии права» было определено, что право коренится в жизни, а не в текстах законов. Начала права следует искать именно в обществе, в таких его объединениях и союзах как семья, община и само государство. «Чтобы понять истоки, развитие и сущность права, следует прежде всего изучить порядок, существующий в

¹ Цит. по: Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2003. С. 488-489.

² Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. С-Пб., 1997. С. 8.

³ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1-2. М., 2010. С. 116.

⁴ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I. М., 2011. С. 281.

⁵ Там же, с. 282.

⁶ Цит. по: Карасевич П. Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М., 1875. С. 21.

⁷ Цит. по: Родионова О. М. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) // Известия ВУЗов. Сер. Правоведение. 2005. № 3. С. 135.

общественных союзах. Причина неудач всех предшествующих попыток объяснить право состояла в том, что они исходили от правовых предписаний, а не из этого порядка»¹. Современные авторы продолжили развитие этого подхода к источникам права. Так, Я. Вандерлинден, призывая не отождествлять право только с правовыми нормами, выделил не менее пяти значений термина «источник права»: основы права, силы права (как сообщества или конкретные люди), юридические документы и документы, которые содержат нормы права². По Н. Луману, «право возникает не из-под пера законодателя, оно обусловлено множеством нормативных ожиданий, иначе говоря, правовых требований»³.

В XIX – начале XX в. в разработке понятия «источник права» лидировали немецкие ученые. Они, а вслед за ними и русские исследователи, высказывали озабоченность тенденциями науки отнести право к единственному источнику: «Сколько бы ни был велик законодательный гений или ум одареннейшего юриста – ни тот, ни другой не в силах создать жизнеспособного права, и все, к чему призваны они, – это лишь найти право, найти его именно в той темной глубине общего правосознания, где покоятся его основы»⁴.

И.В. Михайловский в это же время заметил, что ведущиеся по поводу термина «источник права» споры основаны лишь на недоразумении; только по этой причине он все еще понимается по-разному: «Нет ничего проще устранить эти недоразумения и согласиться на счет общего понимания термина, которым так часто пользуется наука»⁵. Его современник Л.И. Петражицкий высказался более резко: «Если бы зоологи стали называть собак, кошек и т.д. "источниками животных" и спорить по этому поводу, что такое источники животных, в каком отношении они находятся к животным, представляют ли они формы создания животных, или основания их существования, или признаки их животной природы и т.д., то это представляло бы явления мысли, совершенно однородные

¹ Цит. по: Касьянов В. В., Нечипуренко В. П. Социология права. Ростов н/Дону, 2002. С. 103.

² Vanderlinden J. Contribution en forme de masearet tu a une theorie des sources du droit au depart d'une source delicieuse. Paris, 1995. A. 94. № 1. P. 69-84.

³ Цит. по: Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. Ростов н/Дону, 2002. С. 160.

⁴ Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение. Учение о лице. М., 2004. С. 28.

⁵ Михайловский И. В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 237.

с теми, которые имеются в теперешнем правоведении в области учения о так называемых источниках права»¹. Говоря о недоразумении, И.В. Михайловский считал, что споры должны быть в скором времени разрешены, но история распорядилась иначе.

Ф.В. Тарановским было предложено заменить понятие «источник права» на «нормативный факт» как более точный: «процесс превращения определенного мнения, суждения о правах и обязанностях в общеобязательную норму поведения»². Он был отличен от юридического факта, «обуславливающего возникновение, изменение или прекращение правоотношения»³. Термин же «источник права» им применялся в широком понимании – «как источник познания права, в материальном смысле (факторы возникновения права) и в формальном смысле (как закрепление права в позитивных предписаниях)»⁴. Другой русский правовед, Е.Н. Трубецкой, наоборот, высказывал позицию о том, что источниками права можно назвать только обстоятельства, которые влияют на создание правовых норм и тем самым обуславливают обязательность этих правил поведения⁵. В то же время официально в России до 1917 г. в качестве источников права признавались в основном нормативный правовой акт и обычай, к которому, в свою очередь, относились судебный и народный акты⁶. Согласно ст. 84 Основных законов, «Российская Империя управлялась на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке»⁷.

В XX в. в исследовании источников права господствующим направлением стал позитивизм. Для ее поздних представителей Д. Бентама, П. Лабанда, К. Гербера, Д. Остина, Ш. Амоса, Г.Ф. Шершеневича понятие источника права теряет смысл⁸. На их взгляд, нет необходимости определять источник права в

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. М., 2010. С. 513.

² См.: Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 168-169.

³ Там же, с. 168.

⁴ Там же, с. 169.

⁵ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 97.

⁶ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. М., 2003. С. 342.

⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. 2. Вып. 2,3,4. М., 1995. С. 88.

⁸ Цит. по: Родионова О. М. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) // Известия ВУЗов. Сер. Правоведение. 2005. № 3. С. 136.

связи с тем, что только государством санкционируются нормы в установленной им же форме, поэтому он всегда совпадает с формой права. Закон признавался ими единственной формой права: «Самостоятельное действие обычного права рассматривалось как нарушение силы законодательного авторитета, как вторжение в сферу законодательной власти»¹. Н.М. Коркунов указывал, что «положительное право считали произвольным человеческим установлением, в законе как выражении правотворящей воли видели единственную силу, созидающую положительное право»².

Различные направления в научном правоведении определяли и круг источников права. Основным, а в некоторых вариантах единственным, источником права юридический позитивизм признавал нормативные акты. Исторической школой на первый план выдвигались обычаи. Значение судебной практики особенно подчеркивалось социологической юриспруденцией. Психологические концепции ведущую роль среди источников права отводили правосознанию лиц, реализующих право, принципам права. Эти взгляды становились частью законодательства и юридической практики в период главенства или повышения влияния той или иной научной школы.

Попытки теоретического осмысления понятия «источник права» в СССР были предприняты в 1930-е гг. С.А. Голунским оно понималось «как способ, которым правилу поведения придается государственной властью общеобязательная сила»³; В широком понимании как «диктатуру рабочего класса, то есть советскую власть»⁴ видел его Я. Миколенко. А.М. Васильев обозначил категорию «форма (источник) права» как «форму реального выражения и объективизации государственной воли господствующего класса, выраженную в нормах права»⁵. На взгляд Н.Г. Александрова, источником права являются факторы, непосредственно обуславливающие отличие правовых

¹ Карсевич П. Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии. М., 1875. С. 21.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С-Пб., 2003. С. 346.

³ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1940. С. 173.

⁴ Миколенко Я. Источники гражданского права // Советская юстиция. 1938. № 20-21. С. 28.

⁵ Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 167.

социальных норм от неправовых и определяющие, как следствие, специфику права¹: «Источник права – нормотворческая деятельность государства, выражающая политику господствующего класса, основанную на материальных условиях жизни данного класса»².

Впоследствии споры о данном понятии среди советских ученых стали более активными, но это не внесло ясности в его понимание. Констатируя этот факт, С.Ф. Кечекьян замечал, что это понятие «принадлежит к числу наиболее неясных в теории права. Не только нет общепринятого определения понятия, но даже спорным является самый смысл, в котором определяются слова "источник права"»³. Юридической мысли стало свойственно изучать понятие «источник права» в нескольких аспектах. Распространенной и на сегодняшний день является позиция о наличии материального и формального (юридического) смыслов термина.

При рассмотрении понятия «источник права» в материальном смысле подвергалось анализу содержание слова «источник» в литературном значении: источник как дающее начало чему-либо, откуда исходит что-либо⁴, «то, из чего берется, черпается что-либо, то, что дает начало чему-нибудь, служит основой чего-либо»⁵. Формальный смысл понятия представлял собой форму, благодаря которой правовая норма приобретала общеобязательный смысл⁶. Как результат разделение понятия «источник права» в материальном и формальном смыслах стало более глубоким. «Материальный смысл стал рассматриваться в контексте правообразования при исследовании вопросов об адекватном отражении в позитивном праве сложившихся правоотношений. Наука в этом аспекте ищет ответы на вопросы о том, чья воля (интерес) и каким образом закрепляется в нормативных предписаниях»⁷. Тогда как формальный смысл понятия – в

¹ Александров Н. Г. Понятие источника права // Ученые труды ВШЮИИ. Вып. VIII. М., 1946. С. 49.

² Там же, с. 50.

³ Кечекьян С. Ф. О понятии источника права // Учен. зап. МГУ. Вып. 116. Труды юридического факультета. Кн. 2. М., 1946. С. 3.

⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1963. С. 252.

⁵ Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1957. С. 656.

⁶ Бошно С. В. Соотношение понятий источник и форма права // Юрист. № 10. 2001. С. 18.

⁷ Бошно С. В. Соотношение понятий источник и форма права // Юрист. № 10. 2001. С. 18.

значении специально-юридическом: «То, где содержится норма права, то, откуда юристы-практики черпают знания о нормах позитивного права»¹. Или же как резервуары, в которых содержатся правовые нормы, используемые для разрешения юридических дел²; внешние формы выражения права, которые придают ему характер официальных правовых норм³. Автор статьи «Источники права» в Российской юридической энциклопедии, Л.А. Малиновский, выделил три смысла этого понятия: материальный, идеальный (правосознание) и формальный, заметив: «Под источником права в формальном (юридическом) смысле понимаются формы выражения, объективации нормативной государственной воли»⁴.

Профессор Н.Л. Гранат придерживается теории о двух подходах к понятию «источник права»: «в широком смысле – как причины и закономерности правообразования или генезиса права; в узком – как способ закрепления и существования норм права или как источник, из которого юрист или любой другой субъект права черпает нормы права»⁵. По мнению М.Н. Марченко, совпадение формы и источника права возникает в том случае, когда речь заходит о вторичных, формально-юридических источниках права. Форма указывает на организацию и выражение воле нормативного содержания, а источник – на юридические и иные истоки, предопределяющие эту форму права и ее содержание⁶. «Первичные источники права в виде материальных, социальных и иных факторов, оказывают постоянное влияние и предопределяют процессы правообразования, правотворчества и законотворчества, здесь совпадения источников права с формами права нет и не может быть»⁷. На основании этого М.Н. Марченко пришел к следующему выводу:

¹ Денисов С. А., Смирнов П. П. Теория государства и права. Конспект авторских лекций. Тюмень, 2000. Ч. 1. С. 52.

² Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6.

³ См. напр.: Александров Н. Г. Понятие источника права // ВИЮН. Ученые труды. 1946. Вып. 8. С. 50; Разумович Н. Н. Источники и форма права // Советское государство и право. 1988. № 3. С. 21.

⁴ Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 404.

⁵ Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6.

⁶ Марченко М. Н. Теория государства и права. М., 2001. С. 349-350.

⁷ Марченко М. Н. Источники права : понятие, содержание, система и соотношение с формой права // Вестник Московского Университета. Сер. 11, Право. 2002. № 5. С. 16.

«При совпадении понятий формы и источника права обозначающие их термины следует признавать идентичными по своему смысловому значению и содержанию. Во всех других случаях подобная взаимозаменяемость этих терминов в силу неадекватности рассматриваемых явлений и отражающих их понятий исключается»¹.

И.Б. Новицкий выделил четыре смысла понятия «источник права»: источник познания права; основа, корень, из которого оно выросло; материальные условия жизни общества; пути, каналы, по которым проистекает обязательная сила тех или иных норм или правил². На его взгляд, именно последний смысл эквивалентен форме выражения права: закон, подзаконные акты, обычное право³. По этой причине С.Л. Зивс и Р.Л. Хачатуров предложили под термином «источник права» понимать источники права в материальном смысле, тогда как юридические (формальные) источники права именовать источниками правовых норм (источниками норм права)⁴.

А.Ф. Шебанов также предложил два подхода к термину «источник права»: для обозначения различных актов государственных органов, устанавливающих нормы права или санкционирующих их, если они сложились в обществе; в смысле источника познания права в отношении законов, указов, рукописных памятников, археологических данных, которые позволяют исследовать характер и содержание права на различных этапах исторического развития⁵. В первом подходе определение источника права тождественно форме выражения права. Им разделены понятия внутренней и внешней форм с целью поиска их единства и сочетания с источником права. Под внутренней формой права он понимал «внутреннюю организацию права, порождаемую в конечном счете отражением в волевом содержании права экономического строя общества на данном этапе его

¹ Марченко М. Н. Источники права : понятие, содержание, система и соотношение с формой права // Вестник Московского Университета. Сер. 11, Право. 2002. № 5. С. 16.

² Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М., 1959. С. 7.

³ Там же.

⁴ См.: Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 9-21.; Хачатуров Р. Л. Становление права (на материале Киевской Руси). Тбилиси, 1988. С. 43-67.

⁵ Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 23.

развития»¹. То есть внутренняя форма – это система права. Для внешней формы права определяющим является волевое содержание права. «В этом аспекте под формой права, условно называемой внешней формой, следует понимать принятые в данном обществе формы выражения нормативной государственной воли правящего класса (а в социалистическом обществе – всего народа)»². Но и в работе уже современного исследователя рассматриваемой проблемы – в кандидатской диссертации Т.В. Гуровой – мы вновь наблюдаем констатацию факта: «в отечественной юридической науке отсутствует общепринятое понятие источника права»³.

Авторы отраслевых учебников чаще всего используют понятие «источник права» в формально-юридическом аспекте или используют формулировку «источник (форма)» права⁴. Н.Д. Егоров вообще не использует понятие «источники гражданского права», говоря лишь о гражданском законодательстве в узком и широком смысле⁵. Е.А. Суханов и В.В. Долинская используют понятие «форма права»⁶.

Составители «Энциклопедического словаря», изданного в 1998 г., обратились к традиции российского правоведения определения источников права через нормы: «Источники права – акты компетентных органов, устанавливающие или санкционирующие нормы права. Внешние формы (закон, указ и так далее) выражения воли законодателя, которые придают ей характер права»⁷.

Наиболее часто используемым в юридической литературе стало определение, данное С.С. Алексеевым: «Источник права – это исходящие от

¹ Шебанов А. Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ См.: Гурова Т. В. Актуальные проблемы теории источников права : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000.

⁴ См., напр.: Теория государства и права : учебник для бакалавров / Под ред. Т. Н. Радько, В. В. Лазарева, Л. А. Морозовой. М., 2015; Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права. М., 2013; Теория государства и права / Под ред. Корельского В. М., Перевалова В. Д. М., 2002; Коваленко А. И. Общая теория государства и права. М., 1996.

⁵ Гражданское право / Егоров Н. Д., Елисеев И. В., Иванов А. А. и др. / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. М., 1999. С. 24; Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 402.

⁶ Гражданское право. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2002. С. 59; Гражданское право. Часть первая / Отв. ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. М., 2003. С. 46.

⁷ Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 467.

государства или признанные им официально документальные способы выражения и закрепления норм права, придания им общеобязательного значения»¹. В.В. Оксамытный дал следующее определение: «Официальные юридические документы и (или) положения, содержащие общеобязательные правила поведения в государственно-организованном обществе (религиозные нормы, правовые обычаи, нормативные правовые акты различного уровня, нормативные договоры, нетипичные формы права)»². В.В. Лазаревым было предложено лаконичное и практическое определение: «то, что используется (предназначено к использованию) в качестве правового обоснования решения юридического дела»³.

По мнению многих исследователей, неоднозначность понимания категории «источник права» происходит в связи с одновременным именованием единым термином и содержательных (материальных), и формальных источников права⁴. Сегодня «формально-юридическое» представление об источниках права в правовой литературе является наиболее распространенным и часто употребляемым.

В XXI в. продолжается и противостояние сторонников различных методологических подходов. Ряд исследований проникнуты обоснованием признания позитивизма в качестве наиболее целесообразной методологической основы⁵. В противоположность этому, например, И.А. Исаев утверждает: «Наука о власти и законе не может строиться на чисто материалистических началах, дух и идеал в скрытой или явной форме присутствуют в ее положениях. Однако серьезную опасность для нее представляют также внешне нейтральный и индифферентный позитивизм и утрированные, догматические нормативизм и рационалистичность...»⁶. Также и для Рональда Дворкина права всегда были

¹ Алексеев С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 76.

² Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. М., 2017. С. 23.

³ Лазарев В. В. Лоббирование правотворческих решений // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 216.

⁴ См, напр.: Бертельс Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. С. 97.

⁵ См. напр.: Радько Т. Н., Медведева Н. Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права в России // Государство и право. 2005. № 3. С. 5-12.

⁶ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 478.

важнее правил. Позитивистская модель права им оспаривалась по той причине, что состоит она из норм, сила которых определяется исключительно по их «родословной» – акту применения¹, а не по их содержанию.

Другие же исследователи предлагают принимать позитивистскую модель как неизменную данность. Так, современный французский антрополог Н. Рулан заметил: «У права несколько родителей: у них множество источников, что обуславливает и трудности его утверждения. Зачастую ссылались на бога как на его первопричину. Но право быстро продемонстрировало свое подлинное лицо, обращенное к этому миру: быть орудием власти, которое используют правители... И даже в античном мире было ясно, что под прикрытием ссылок на религию или природу право исходит от земной власти – власти правителей»².

Не является исключением и практика Конституционного Суда Российской Федерации. Учитывая сформировавшиеся исторические традиции и реалии настоящего времени, она, как заметил О.П. Сауляк, несомненно, является фактором, влияющим на развитие всех элементов национальной правовой системы³. Заметим, что применительно к решениям Конституционного Суда Российской Федерации ни у кого из ученых не вызывает сомнение утверждение о том, что данные акты являются источником российского права в материальном смысле. Конституционный Суд Российской Федерации, например, обладает правом законодательной инициативы по вопросам своего ведения⁴; признание Конституционным Судом Российской Федерации нормативного правового акта или его части не соответствующими Конституции России создает пробел в праве, который с учетом правовых позиций, заложенных в решении, соответствующий орган или должное лицо восполняют.

Споры в научном мире ведутся именно на предмет признания за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статуса источника

¹ См., напр.: Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С. 22-40.

² Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 57-59.

³ Сауляк О. П. Судебная практика как источник российского права (материальный и формальный аспекты проблемы) // Государство и право. 2009. № 11. С. 5.

⁴ П. 6 ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации».

права в формально-юридическом аспекте. По этой причине в настоящей работе решения Конституционного Суда Российской Федерации изучаются и анализируются именно с данной позиции: «Являются ли решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть формально-юридическим источником российского права?».

Другую существенную проблему для сближения позиций ученых представляет и соотношение понятий «источник права» и «форма права»; на сегодняшний день это все еще актуальная тема для исследований в рамках позитивизма¹. Решения Конституционного Суда Российской Федерации возможный «источник» или «форма» права?

Одни правоведы полностью отождествляют источник права с формой права, а потому при использовании понятия «источник права» обычно добавляют «форма права»: источник (форма) права, источник или форма права². Другие ученые полагают, что рассматриваемые понятия не совпадают друг с другом даже в части: в то время как «форма права» указывает на то, как организовано и выражено ввне содержание права, «источник права» содержит «истоки формирования права, систему факторов, предопределяющих его содержание и формы выражения»³. Третья группа исследователей придерживается промежуточной точки зрения. Например, М.Н. Марченко полагает, что в одних случаях форма и источники права совпадают друг с другом и могут быть рассмотрены как тождественные, в то время как в других они ощутимо отличны друг от друга и их считать идентичными не следует. Совпадение происходит в случаях, когда речь идет о формально-юридических источниках права⁴. Причины таких разногласий также являются и историческими: «проблема форм и источников права продолжает оставаться актуальной, поскольку она имеет не только терминологическую, семантическую

¹ Родионова О. М. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) // Известия ВУЗов. Сер. Правоведение. 2005. № 3. С. 141.

² Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 67.

³ Лучин В. О., Мазуров А. В. Указы Президента РФ : Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. С. 11.

⁴ Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 51.

сторону, но и содержательную»¹. Основной причиной отождествления источника и формы права в российской науке ученые видят в особенностях распространенного долгие периоды времени нормативного типа правопонимания и в сведении источника права к государственной воле².

Первая позиция, теория уравнивания форм и источников права, представлена двумя течениями и достаточно разработана. Представители одного – Н.М. Коркунов³, В.М. Хвостов⁴, С.Ф. Кечекьян⁵, М.И. Байтин⁶ – определяют полное тождество этих понятий. Представители второго течения – Г.Ф. Шершеневич⁷, Н.Л. Дювернуа⁸ – также уравнивают эти понятия, но для обоснования непригодности термина «источник права» и замены его на понятие «форма права». Данные тенденции не обособляются, поскольку основа у них общая – единство терминов. При этом, если для первой позиции эта мысль – вершина теории, то для второй исходный тезис является обоснованием непригодности одного из терминов и необходимостью замены термина «источник» на термин «форма» права⁹.

По мнению сторонника первого течения, В.М. Хвостова, «источник права – это те формы, в которых возникают и получают обязательную силу юридические нормы»¹⁰. Н.М. Коркуновым данный термин понимался как «форма объективирования юридических норм, служащая признаком их обязательности в данном обществе и в данное время»¹¹. Народное сознание и субъективный разум не рассматривались им в качестве источников права, так как в них отсутствует общеобязательность: «источники русского права те же

¹ Рябко А. И., Василенко О. Н. Актуальные проблемы онтологии форм права // *Философия права*. 2000. № 2. С. 60.

² Калинин А. Ю., Комаров С. А. Форма (источник) права как категория в теории государства и права // *Правоведение*. 2000. № 6. С. 4.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С-Пб., 2003. С. 305.

⁴ Хвостов В. М. Общая теория права. М., 1914. С. 85.

⁵ Кечекьян С. Ф. Теория государства и права. М., 1962. С. 405.

⁶ Байтин М. И. Сущность права. Саратов, 2001. С. 67.

⁷ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т.1, Вып. 2. М., 1995. С. 23.

⁸ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. С-Пб., 2004. С.5.

⁹ Бошно С. В. Соотношение понятий источник и форма права // *Юрист*. № 10. 2001. С. 16.

¹⁰ Хвостов В. М. Общая теория права: Изд. 6-е. М., 1914. С.85.

¹¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С-Пб., 2003. С. 343.

самые, что всякого положительного права: закон, обычай, судебная практика»¹. Интересно, что судебную практику, особенно кассационную, он приравнивал в статусе с законодательством².

Профессор С.Ф. Кечекьян в докладе «Советское социалистическое право и его источники» (1947) определил необходимость: «... осветить вопрос о формах творчества, об источниках советского социалистического права...»³. Термины «источник» и «форма» права были им признаны идентичными. К ним он отнес: законодательство, социалистическое правосознание, обычай и руководящие указания Верховного Суда СССР, подчеркнув подвижность этой системы.

К 60-м годам позиция С.Ф. Кечекьяна приобрела более конкретную теоретическую формулировку: «...специфические способы или формы выражения государственной воли, посредством которых эта воля становится правом, и являются источником права. Под источником права понимаются, следовательно, различные акты государственных органов, устанавливающие нормы права или санкционирующие нормы, сложившиеся в обществе»⁴. Аналогичная позиция была высказана и Л.С. Галесником: «То, что в юридической науке условно именуется источниками права, в действительности есть только формы, способы закрепления и выражения юридических норм»⁵.

Среди современных правоведов также есть сторонники данного взгляда. М.И. Байтин ставит полное равенство между понятиями «форма права» и «источник права»: «Под формой (источником) права понимаются определенные способы (приемы, средства) выражения государственной воли общества... к разновидностям формы выражения права (источника права в юридическом смысле) относятся правовой обычай, судебный прецедент, договор с нормативным содержанием, нормативный акт»⁶. Таким образом, в первой

¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. С-Пб., 2003. С. 305.

² Там же, с. 307.

³ Кечекьян С. Ф. Советское социалистическое право и его источники. М., 1947. С. 166.

⁴ Кечекьян С. Ф. Теория государства и права. М., 1962. С. 405.

⁵ Галесник Л. С. Нормы права и практика коммунистического строительства. М., 1960. С.8.

⁶ Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 67.

тенденции уравнивание понятий источника и формы права происходит при использовании формулировок «форма выражения» и «способы закрепления».

Вторую тенденцию обосновал Г.Ф. Шершеневич, исходивший из тезиса, что использование термина «источник» традиционно, и употребляется он именно в качестве дани уважения традиции¹. Под формами права им понимались различные виды права, которые отличались между собой по способу выработки содержания нормы². «Под именем источников права следует понимать формы выражения положительного права, которые имеют значение обязательных средств ознакомления с действующим правом»³. Критерию обязательности, на его взгляд, отвечали лишь закон и обычное право, и не отвечали судебная практика и наука права. Таким образом им отделялись источники-формы в техническом смысле от других источников: правопроизводящих сил, исторических памятников, материалов, положенных в основание закона⁴.

Н.Л. Дювернуа в работе «Источники права и суд в древней России» обосновал позицию о том, что обычай является одновременно и источником, и формой права. Он имеет характер источника для образования позитивного права; характер же формы права ему дает признание со стороны государства его общеобязательности. На его взгляд, «все формы, которые создавала древняя практика в сфере частного права, возникли независимо от непосредственного законодателя»⁵; потому обычаи должны стать для законодателя источниками издаваемых им актов. То есть понятия форм и источников права уравниваются с одновременным признанием понятий различными.

Особенность позиций Г.Ф. Шершеневича и Н.Л. Дювернуа заключается в том, что для них термин «источник права» в целом не пригоден для обозначения государственно-правовых явлений. Основные претензии связаны с его многозначностью. Фактически сущность этой позиции проявляется в полной замене термина «источник права» на «форму права». Цель – выйти из тупика, в

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т.1, Вып. 2. М., 1995. С. 23.

² Там же.

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1914. С. 42.

⁴ Там же.

⁵ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в древней России. С-Пб., 2004. С. 5.

который попала наука в результате сложившейся многовековой практики использования терминов в разных аспектах.

Вторая позиция заключается в признании самостоятельности каждого из вышеуказанных терминов. Обосновывается наличие собственного значения у каждого из них, не признается возможность замены одного другим. Вместе с тем ученые полагают, что при определенных условиях одни и те же явления (например, обычаи) могут быть и источником, и формой права. Показательна в этом смысле позиция О.С. Иоффе: «Если воля социалистического государства является источником гражданского права, то государственные нормативные акты представляют собою форму, придающую этой воле юридически обязательную силу»¹. М.И. Лучин и А.В. Мазуров также разделяют понятия источников и форм права: форма права раскрывает, «как организовано и выражено вове содержание права», понятие же «источник права» представляет собой «истоки формирования права, систему факторов, предопределяющих его содержание и формы выражения»².

Оригинальная точка зрения высказана Т.В. Кашаниной³. Ею предложено дифференцировать понятия, усложнить терминологию в связи с тем, что понятие «источник права» приобрело многозначность, возникла необходимость трактовки его в узком и широком смысле, поскольку произошло значительное накопление знаний об изучаемом явлении. Т.В. Кашанина различает не только понятия «источники права» и «формы права», но и выделяет как самостоятельное понятие «истоки права».

Под «истоками права» ею понимаются обстоятельства, которые обусловили появление права и его действие: среда обитания народа, его психология, менталитет, национальные традиции, религиозные, философские, моральные, экономические, политические, международные факторы.

¹ Иоффе О. С. Советское гражданское право. Л., 1958. С. 34.

² Лучин В. О., Мазуров А.В. Указы Президента РФ. Основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. С. 11.

³ Кашанина Т. В. «Эволюция форм права» // Lex russica. 2011. № 1. С. 35.

В характеристике понятия «источник права» на первый план вышел созидательный аспект. Термин «источник» происходит от слова «источать» – «испускать, распространять, издавать»¹. «Поэтому с точки зрения русского языка "исток" и "источник" – это разные термины. Условно говоря, таяние снегов в горах – это причина, а горная река (течение которой, впрочем, можно рукотворно несколько и изменить) – это вместилище для воды»². Источниками права является воля правотворческих субъектов: воля человечества (в правах человека, принципах права); «воля народа (в референдумных нормах); воля государства (в законодательных нормах); воля граждан, организаций (в договорных нормах) и воля коллектива (в корпоративных нормах)»³. То есть «источник права – это результат осознания объективных общественных потребностей посредством ряда правотворческих процедур. То, чем будут наполнены формы права, как раз и зависит от волевой обусловленности или от источников права»⁴. Форму же права представляет собой резервуар, в котором располагаются юридические нормы; то, из чего черпаются знания о праве⁵. Функции формы права выполняет только та форма выражения правовых норм, которая обладает свойством официальности. В целом, на взгляд Т.В. Кашаниной, переход от употребления понятия «источники права» как юридических норм к понятию «формы права» является необходимостью для ухода от архаизма к точному употреблению терминов.

Третья позиция заключается в сложных взаимопересечениях понятий «форма» и «источник» права. Ученые, как правило, дают несколько смыслов термину «источник права»; один из них (чаще – юридический) уравнивается с «формой права»⁶. В другом варианте соотношения понятий внешняя форма приравнивается к источникам.

¹ Словарь синонимов русского языка. М., 1986. С. 186.

² Кашанина Т. В. «Эволюция форм права» // Lex russica. 2011. № 1. С. 36.

³ Там же, с. 37.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Карташов В. Н. Теория правовой системы общества. Т. 1. Ярославль, 2005. С. 155; Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 57.

В связи с определенной схоластичностью существующих споров относительно рассматриваемой проблемы, многие правоведы предлагают в целях единообразного понимания категорий общей теории права использовать понятие «источник права», являющееся давно сложившимся в юриспруденции и позволяющее наиболее полно характеризовать особенности причин возникновения и форм существования права. С.Л. Зивс, например, предлагал согласиться с тем, что «хотя понятие «источник права» и не претендует на абсолютную точность, однако является инструментально более удобным в научном обороте»¹. Именно по этой причине в диссертационном исследовании предпочтение отдано понятию «источник», а не «форма» права.

Основная же научная полемика о решениях Конституционного Суда Российской Федерации происходит по вопросу признания за ними статуса источника российского права и отнесения их к конкретному виду источников права.

На взгляд В.В. Лазарева, «решения Конституционного Суда представляют собой полноценные источники права в том смысле, что они акты федерального органа власти; носят нормативный характер; принимаются в строго установленном порядке; являются официально публикуемыми текстами; обязательны; действуют непосредственно; окончательны; влекут утрату юридической силы правовых норм; адресатами их является в большинстве случаев относительно неопределенный круг лиц (физических, должностных, юридических); государство обеспечивает их обязательность не только соответствующими нормативными актами, но и организационно-принудительными мерами»².

Авторы, не признающие за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника права, исходят, прежде всего, из того, что судебная функция (функция правосудия) должна преобладать в деятельности

¹ Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 21.

² Лазарев В. В. Решения Конституционного Суда РФ как источник права // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2006. Вып. 1. С. 29-30.

Конституционного Суда Российской Федерации¹. На взгляд В.С. Нерсесянца, «судебная практика во всех ее проявлениях представляет собой, согласно действующей Конституции Российской Федерации 1993 г., не правотворческую, а лишь правоприменительную (и соответствующую правотолковательную) деятельность»². Он заметил: «по смыслу конституционного разделения властей акты всех звеньев судебной системы – судов общей, арбитражной и конституционной юрисдикции, несмотря на их внешние различия, – являются именно правоприменительными актами и только в этом качестве обязательны. Решение суда является лишь основанием (юридическим фактом), с которым законодатель (и действующее право) связывает определенные последствия (утрата силы акта, его неприменение судами и так далее), но данные последствия – это уже заранее установленные законодателем нормы, а не нормы права, создаваемые самим судом»³.

Другой аспект в спорах о ненормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации – это отделение толкования права от создания правовых норм и, соответственно, актов толкования от нормативных актов или судебных прецедентов⁴. Д.А. Пашенцев замечает, что решения Конституционного Суда Российской Федерации являются актами официального толкования, а не прецедентами в их классическом понимании: «То, что Конституционный Суд РФ нередко ссылается и на решения Европейского суда по правам человека, и на свои собственные решения, не меняет сути дела, не превращает толкование права в его создание, правоприменительную

¹ См.: Колюшин Е. И. Конституционное (государственное) право России. М., 1999. С. 19; Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 211-222; Крылов Б. С. О некоторых решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 2. С. 44; Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права : Сборник статей. М., 1997. С. 34-41.

² Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права : Сборник статей. М., 1997. С. 34.

³ См.: Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права : Сборник статей. М., 1997. С. 38-40; Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права : Сборник. М., Юрист. 2000. С. 107-112.

⁴ Байтин М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 8; Лапаева В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика. М., 2012. С. 519-520.

деятельность в правотворческую»¹. Б.А. Страшун отрицает прецедентный характер актов Конституционного Суда России, поскольку аналогичные дела рассматривать никакой иной суд не компетентен². Характеризуя систему источников уголовного права Российской Федерации, Ю.Е. Пудовочкин полагает, что в качестве источника российского права следует признавать не сами решения Конституционного Суда России, а конституционные нормы, имеющие непосредственное и прямое действие и не нуждающиеся в том, чтобы быть опосредованными решениями Конституционного Суда России³.

Главным же контраргументом тезиса о правотворческом потенциале конституционного правосудия стала выраженная Г. Кельзенем нормативистская позиция о том, что единственным источником права является нормативный правовой акт; тогда как правосудие, в том числе и конституционное, не предназначено в системе разделения властей для создания норм права.

Как заметил О.Е. Кутафин, в процессе толкования Конституционным Судом России конституционных норм право не создается, а выявляется лишь государственная воля, которая выражена в нормативном акте. Им было обращено внимание и на важность проведения четкой грани между разъяснением действующих норм и созданием новых правовых установлений: «в самом деле, было бы удивительно, если бы сложности, с которыми сопряжены внесения поправок в Конституцию РФ или ее пересмотр в соответствии с ее гл. 9, можно было бы преодолеть простым решением Конституционного Суда, если бы в процессе толкования Конституции он пользовался правом ее дополнения, развития отдельных положений и т.д. Не менее удивительно было бы, если Конституционный Суд, признавая

¹ Пашенцев Д. А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России // Современное право. 2011. № 4. С.79.

² См.: Страшун Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие. 2001-2002. № 4, 5. С. 155, 156.

³ Пудовочкин Ю. Е. Источники уголовного права Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 66.

неконституционной какую-либо норму закона, заменял бы ее собственной, сформулированной им нормой»¹.

Также достаточно распространенным в российской правовой литературе является аргумент о том, что норма, признанная Конституционным Судом России не соответствующей Конституции России, отменяется не его решением, а творцом этой нормы². Как следствие, многие правоведы отмечают возникающую опасность того, что Конституционный Суд России может превратиться в орган, стоящий над всеми остальными государственными органами, поскольку он имеет возможность навязывать им свою волю в силу отсутствия всякой возможности отмены или пересмотра его решений по ходатайству заинтересованных лиц³.

На эти же обстоятельства обращают внимание Н.Ф. Кузнецова, П.С. Ефимичев, В.В. Ершов, М.А. Алешкова, Е.А. Лукьянова, В.П. Божьев, И.Г. Дудко⁴ и другие авторы. Более того, Н.М. Добрынин и вовсе называет активную практику формулирования Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций элементом «ползучей» конституционной реформы с последующими негативными проявлениями⁵. Ими решения Конституционного Суда Российской Федерации рассматриваются только в качестве источника науки конституционного права; то есть не несут в себе свойств правовой нормативности. Так, Н.А. Богданова, приходя к этому выводу, замечает, что Конституционный Суд России «не создает новых норм, а выступает лишь в роли некоего блюстителя юридической строгости правовой системы, института, в

¹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 211-222; Кутафин О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации. М., 2002. С. 141-147.

² См.: Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107-112.

³ Курбатов А. Я. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации // Закон. 2004. № 6. С. 78.

⁴ См.: Источники российского права : вопросы теории и истории / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2005. С. 236; Ефимичев П. С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 26; Ершов В. В. Юридическая природа правовых позиций суда // Российское правосудие. 2013. № 6 (86). 2013. С. 37-47; Алешкова М. А. Правовые позиции конституционного Суда РФ : правовая природа и формы их осуществления // Российский судья. 2013. № 8. С. 8; Лукьянова Е. А. Конституция в судебном переплете // Законодательство. 2000. № 12. С. 47; Божьев В. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе // Уголовное право. 2000. № 1. С. 54; Дудко И. Г. Юридическая природа постановлений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 32.

⁵ Добрынин Н. М. Конституционная реформа в России : миф или очевидность // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 6.

определенной мере сдерживающего и дисциплинирующего законодательную и исполнительную власть в их правотворческой деятельности... раздвигает или уточняет содержание сформулированного в Конституции нормативного установления исходя из буквы и смысла с целью наиболее точного понимания и единообразного применения толкуемого конституционного положения»¹.

Исследователи, сводящие природу актов Конституционного Суда Российской Федерации к тому, что они являются источниками российского права, ссылаются на их общий и обязательный характер, их непосредственное действие и свойство окончательности, публикацию в официальных изданиях, а также обеспечение государством их исполнения принудительной силой².

Ими отмечается, что принцип разделения властей не является абсолютным. Он достаточно гибок, условен и относителен. Реализация правоприменительной функции не исключает и правотворческую деятельность. Напротив, например, правительство, осуществляет генеральную функцию исполнительной власти – организацию применения законов, используя для этой цели и свое правотворчество³. Конституционный Суд Российской Федерации не является законодательным органом, что само по себе не должно являться основанием для отрицания его решений в качестве источников российского права: «Если парламент осуществляет задачу официального установления права, то исполнительная власть – функцию, при прямом или косвенном делегировании законодателем, подзаконной нормоконкретизации с целью обеспечения выполнения закона, а конституционный суд – правокорректирующую функцию относительно нормотворчества законодательной и президентско-исполнительной власти, направленную на обеспечение адекватного выражения права в законе, сохранение действующего (позитивного) права в конституционно-правовом поле, правовую защиту Конституции»⁴.

¹ Богданова Н. А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 64-65.

² См., напр.: Проблемы общей теории *jus* / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 246-247.

³ См.: Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Моск. Ун-та. 2004. Сер 11: Право. № 4. С. 25-40.

⁴ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 43.

Принятие закона может являться результатом компромисса политических интересов разных партий, а потому вопросы соответствия принятого закона Конституции Российской Федерации могут отойти на второй план. Поэтому законодательная деятельность, осуществляемая в соответствии со строгой процедурой регламента, еще не всегда гарантирует соблюдения прав граждан. Этой гарантией может стать судебный нормоконтроль: «Система разделения властей ничто без ее главной составляющей – системы сдержек и противовесов, выражающейся в том, что суду предоставлены в интересах защиты прав человека полномочия сдерживать законодательную и исполнительную власть, в том числе и при издании ими нормативных актов»¹. По этой причине профессор В.Е. Чиркин предложил «не включать Конституционный Суд Российской Федерации в систему судебной власти, а отнести его к специальной ветви – контрольной, поскольку функция конституционного контроля является для него первоочередной»².

По убеждению Н.В. Витрука, решение Конституционного Суда Российской Федерации, которое признает положение закона или иного нормативного акта не соответствующими Конституции России – это специальная норма, одновременно отменяющая их действие; Конституционный Суд Российской Федерации выступает в роли «негативного законодателя», поскольку устраняет ошибки законодателя, восстанавливая конституционность в правовом пространстве³. А.Н. Верещагин отмечает, что любой государственный институт, которому принадлежит последнее слово при определении того, какие нормы система права должна или не должна включать, является нормотворческим органом⁴.

Замечается авторами и определенная законотворческая функция Конституционного Суда Российской Федерации позитивного свойства – в случае

¹ Бурков А. Л. Судебная защита прав граждан от незаконных нормативных актов. Екатеринбург, 2005. С. 70-71.

² Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения. М., 1994. С.124.

³ Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 118.

⁴ Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 105.

дачи «нормативного толкования»¹. Показательны аргументы В.В. Лазарева: «По ряду объективных параметров решения Конституционного Суда являются источниками права. Кто бы против этого ни возражал, жизнь (правовой порядок) требует незамедлительного преодоления возникающих в результате решений Конституционного Суда пробелов в законодательстве, и впредь до их восполнения законодателем приходится признавать нормативное значение определенных положений, если они зафиксированы в резолютивной части решения Суда. Кстати, как бы это ни казалось парадоксальным, но у Конституционного Суда больше возможностей развивать собственно конституционные нормы, чем у законодателя»².

Также в качестве аргумента за признание статуса источника российского права за решениями Конституционного Суда Российской Федерации правоведами используется Постановление Конституционного Суда России от 16 июня 1998 г. «По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», которым было определено: «Решения Конституционного Суда Российской Федерации, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решение нормотворческого органа, и следовательно, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов»³. Но, на взгляд противников данного аргумента: «Конституционный Суд в данном постановлении лишь подчеркнул разницу между актами Конституционного Суда и актами иных судов в Российской Федерации»⁴.

Но даже если анализировать только позиции ученых, признающих за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника

¹ См., напр.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 21.

² Проблемы общей теории *jus* / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 288.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

⁴ Гошуляк В. В. Решения Конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9. С. 12.

российского права, мы заметим, что и среди них не наблюдается единства мнений по важному вопросу: к какому конкретному виду источников права следовало бы их причислять?

На сегодняшний день в научной литературе решения Конституционного Суда России чаще всего рассматриваются в ракурсе их прецедентного характера¹. Аргументы следующие: решения Конституционного Суда России распространяются не только на конкретный случай, но и на все схожие случаи; обладают официальным характером; обязательны на всей территории России²: «Поскольку Конституционный Суд обладает самостоятельной правотворческой функцией, следует признать, что его решения приобретают прецедентный характер и становятся источниками права... Создание прецедентных решений в ходе осуществления конституционного судопроизводства – один из основных механизмов правовой модернизации»³. П.А. Гук указывает, что «прецедент толкования, созданный Конституционным Судом Российской Федерации дополняет своим содержанием конституционную норму и создает возможность для более точного и однообразного применения в спорных случаях»⁴. Т.Г. Морщакова в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

¹ См.: Топорнин Б. Конституционный Суд РФ – эффективный фактор развития права // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 35; Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С.6-12; Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 110; Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996, С. 86; Гаджиев Х. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Право и жизнь. 2000, № 26, С. 18; Туманов В. А. Пять лет конституционной юстиции в России : уроки, проблемы, перспективы // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 6. С. 11-12; Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. № 12. 2004. С. 4; Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 23; Смирнов Л. В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 52; Дорохова А. Б. Роль судебного прецедента в правовой системе (сравнительно-правовой анализ): дис.... канд. юрид. наук. М., 2001.

² См.: Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 110; Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4; Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 81; Гаджиев Г. А. Ratio decidendi в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие. 1999. № 2. С. 4.

³ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4.

⁴ Гук П. А. Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003. С. 94.

видит особый вид преюдиции и именно в этом качестве определяет их как источник права¹.

Некоторые ученые определяют решения Конституционного Суда России как своеобразные нормативные правовые акты, которые содержат правовые нормы, правовые принципы; как квазинормативные акты, включающие правовые констатации, правоположения². Так, А.Е. Козлов видит решения Конституционного Суда Российской Федерации как нормативно-правовые акты и относит их к источникам конституционного права, если они содержат конституционно-правовые нормы о конституционности законов, толковании Конституции России³. На взгляд В.И. Анишиной, решения Конституционного Суда Российской Федерации «фактически имеют силу нормативного акта»⁴. Б.С. Эбзеев, с одной стороны, придерживается мнения, что всем актам Конституционного Суда Российской Федерации «присуща материально-правовая сила закона: прецеденты, создаваемые Судом, как и акты собственно толкования, имеют нормативно-регулирующее значение, и в этом смысле они также являются высшими по своей юридической силе правовыми нормами, распространяющимися на неопределенный круг случаев и субъектов конституционно-правовых отношений»⁵. Вместе с тем, в перечне нормативных правовых актов в будущем Федеральном законе «О нормативных правовых актах Российской Федерации» им видится необходимым указать лишь нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации⁶.

¹ Морщакова Т. Г. Десять лет на страже Конституции // Время МН. 9 августа 2001; Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М., 2004; Морщакова Т. Г. Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ Т. Г. Морщаковой // Законодательство. 1999. № 5. С. 2-7.

² См.: Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 40; Колабухов Н. А. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2012. № 4. С. 17-21; Конституционное право / Отв. ред. А.Е. Козлов. М., 1996. С. 14; Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75; Селезнев Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. М., 1998. С. 20; Анишина В. И. Правовая природа актов судебного правотворчества // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 124-133.

³ Конституционное право / Отв. Ред. А. Е. Козлов. М., 1996. С. 14.

⁴ Анишина В. И. Применение постановлений Конституционного Суда РФ судами общей юрисдикции // Российская юстиция. 1999. № 11. С. 23.

⁵ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 40.

⁶ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 40.

В силу специфики данных актов предложения по их оформлению в качестве юридического понятия различны. Согласно позиции С.А. Татарина, И.Н. Максимовской, постановления Конституционного Суда Российской Федерации следует законодательно закрепить в правовой системе России в качестве нормативных интерпретационных актов¹. Исследуя особенности судебного правотворчества и порождаемых им норм, указывая на их нормативную природу, В.А. Сивицкий и Е.Ю. Терюкова, не видя в них признаков «полноценности», достаточно дипломатично именуют их «квазинормами» или «своеобразными» нормами права².

Позиция определения решений Конституционного Суда Российской Федерации в качестве официальной доктрины³ находит свое обоснование в том, что сам Конституционный Суд Российской Федерации «напрямую признает нормативно-доктринальный характер своих решений»⁴ в Постановлениях от 18 июля 2008 г. № 10-П⁵, 22 июня 2009 г. № 10-П⁶, Определениях от 6 марта 2008 г. № 214-О-П⁷, 1 апреля 2008 г. № 194-О-П¹. По мнению Н.С. Бондаря,

¹ Татарин С. А. Постановления Конституционного Суда РФ в системе источников конституционного права // Государственная власть и права человека. Томск, 2001. С. 132; Максимовская И. Н. Конституционный Суд в государственном правовом механизме России : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары. 2006.

² Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75.

³ Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источник права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75-85; Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005; Карнишина Е. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как доктринальные источники и основы конституционно-правового регулирования // Современное право. 2015. № 7. С. 75-79; Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 188.

⁴ Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 38.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)" в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2008. № 31. Ст. 3767.

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части второй статьи 250, статьи 321¹ Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева и Московского авиационного института (государственного технического университета)» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3383.

⁷ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2008 г. № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Российская газета. № 4653(0). 7 мая 2008 г.

практика Конституционного Суда Российской Федерации во многом предопределила развитие налогового законодательства, сформулировав и обосновав основополагающие принципы налогового права, которые не имели закрепления в российском налоговом законодательстве².

Вызывает интерес взгляд В.В. Лазарева по данной проблеме. В решениях Конституционного Суда Российской Федерации он отмечает одновременно признаки нескольких источников права. Так, с одной стороны, им отмечено, что «акты конституционного суда более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. Правовые позиции, выраженные в решении конституционного суда вместе или, лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей, напоминают доктрину в прямом смысле этого слова»³. С другой стороны, им высказывалось и утверждение о том, что Конституционный Суд России официально и законно создает судебный прецедент, являясь субъектом правотворчества⁴. Им же приводятся отличительные особенности источника права, сориентированные на позитивистский подход к праву и на уподобление решений конституционного правосудия нормативным правовым актам. Констатируется им и преюдициальное значение актов конституционного правосудия⁵, правовые же позиции Конституционного Суда Российской Федерации, на его взгляд, «в определенном отношении приобретают самостоятельное значение, как бы отрываясь от резолютивной части»⁶. Подытоживая, В.В. Лазарев замечает: «Не подлежит никакому сомнению и то обстоятельство, что по прошествии

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2008 г. № 194-О-П «По жалобе администрации муниципального образования "Балтийский городской округ" Калининградской области и окружного Совета депутатов того же муниципального образования на нарушение конституционных прав и свобод Законом Калининградской области "Об организации местного самоуправления на территории Балтийского городского округа" и частью 4 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", а также по жалобе граждан Н.А. Горшениной, Н.И. Кабановой и других на нарушение их конституционных прав названным Законом Калининградской области» // Российская газета. № 4643(0). 19 апреля 2008 г.

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. № 5-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1602.

³ Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2010. С. 188.

⁴ Лазарев В. В. Нормативная природа судебного прецедента // Журнал российского права. 2012. № 4. С. 92-99; Лазарев В. В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 6-15; Лазарев В. В. Прецеденты Конституционного Суда // Актуальные проблемы теории и практики конституционного правосудия (Выпуск VII): Сборник научных трудов. Казань. 2012. С. 325-326.

⁵ Проблемы общей теории jus / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 251.

⁶ Проблемы общей теории jus / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 249.

какого-то времени, по прошествии веков к актам конституционного суда будут обращаться как к источникам права в том смысле, в каком мы обращаемся к историческим актам такого рода. По ним будут изучать право определенного государства. И в этом смысле это – источник знаний о праве»¹.

На наш взгляд, источником многих дискуссий и разногласий в данном вопросе является отождествление решений Конституционного Суда Российской Федерации с уже признанными источниками права, что неизбежно приводит нас к выводу о том, что они не могут быть источниками российского права, так как признаков «классических» источников права у актов Конституционного Суда России недостаточно.

Как следствие, некоторые правоведы идут по пути признания решений Конституционного Суда Российской Федерации как особого источника российского права наряду с традиционными (нормативные правовые акты, правовые обычаи)². Этим автоматически снимается ряд вопросов и противоречий, так как нормативность присуща всем источникам права без исключения.

Аргументы следующие: «Сама Конституция придает итоговым решениям Конституционного Суда свойства нормативного акта, ибо такие акты направлены не только на установление, но и на изменение и отмену правовых норм. Юридические последствия принятия актов конституционной юрисдикции означают, что Конституция наделяет их большей юридической силой по сравнению с признаваемыми неконституционными законами, договорами,

¹ Проблемы общей теории jus / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 248.

² См.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.) : Очерки теории и практики. М., 2001, С. 124; Лазарев Л. В.. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 3-13; Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. С. 227; Гошуляк В. В. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9. С. 9-18; Захаров В. В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 31; Карапетян С. А. Источники конституционного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 1998. С. 50; Овсепян Ж. И. Конституционное судебное-процессуальное право : у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 208; Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 163, 164; Курова, Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород. 2011.

указами, постановлениями, уставами»¹. В то же время ученые замечают, что решения Конституционного Суда России не нормативные акты и не рассматриваются в качестве прецедентов, имеющих нормативно-регулирующее значение, не преюдиция в чистом виде, хотя они обладают их свойствами². Как отметили В.А. Кряжков и Л.В. Лазарев, акты Конституционного Суда России не должны относиться ни к правоприменительным, ни к нормоустанавливающим актам, поскольку в них сочетаются качества их обоих³.

Правовую природу актов Конституционного Суда России как источников права В.В. Гошуляк, например, обосновывает тем, что «они являются интерпретационными актами правотворчества»⁴: они имеют общие признаки с судебными прецедентами, но не должны отождествляться с ними, поскольку не заменяют законы при решении конкретных дел – только ими не могут быть обоснованы решения судов. При решении конкретного дела суд, в первую очередь, должен сослаться на статью закона, и лишь затем на решение Конституционного Суда России. Такие акты О.Н. Кряжкова предложила называть «интерпретационными правовыми актами»⁵, Н.Н. Курова «судебно-конституционными прецедентами»⁶.

В этом смысле в решениях Конституционного Суда Российской Федерации для других судов В.В. Гошуляк видит преюдициальное значение, поскольку ранее установленные Конституционным Судом России факты являются обязательными для них. Вместе с тем, он не сводит решения Конституционного Суда Российской Федерации только к актам, имеющим преюдициальное значение, так как суды должны исходить не только из

¹ См.: Лазарев Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 6-8.

² См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М., 1997. С. 163,164; Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 124; Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 118-119; Овсепян Ж. И. Конституционное судебно-процессуальное право : у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины // Правоведение. 1999. № 2. С. 208.

³ Кряжков В. А., Лазарев Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. М., 1998. С. 227.

⁴ Гошуляк В. В. Решения Конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9. С. 10.

⁵ Кряжкова О. Н. О месте правовых позиций Конституционного Суда РФ в правовой системе России // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 23. Томск, 2005. С. 99.

⁶ Курова Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород. 2011.

резольютивной части решения, но и учитывать правовые позиции Конституционного Суда России. Как следствие, он приходит к выводу о том, что решения Конституционного Суда России – это акты применения права, которые носят нормативно-интерпретационный характер и относятся к особому виду источников российского права. Все они обладают нормативным характером, непосредственным действием, общеобязательностью, юридической силой¹.

Отдельного рассмотрения требует существующая в юридической науке дискуссия о том, являются ли правовые позиции Конституционного Суда России источником российского права. Если да, то, как имеющие самостоятельное значение в этом качестве или же, как неотделимая часть решения Конституционного Суда Российской Федерации, которую и следует называть источником права.

Различные определения понятия «правовые позиции» Конституционного Суда России в целом сводятся к их определению как результата истолкования положений Конституции России и иных нормативно-правовых актов, который отражает аргументированные суждения и выводы Конституционного Суда России, из которых он исходит при рассмотрении конкретных конституционно-правовых вопросов².

Не все авторы, признающие за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника российского права, видят в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации самостоятельный источник права. Так, Л.В. Лазарев замечает: «Если следовать традиционному пониманию источников права в юридическом смысле как формы нормативного выражения права, то источником права являются решения органов

¹ Гошуляк В. В. Решения Конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9. С. 10-11.

² См., напр.: Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 11; Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 119-128; Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда РФ и парламент. М., 2005. С. 34; Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда РФ : теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006. С. 24; Конституционный Суд Российской Федерации : становление, юридическая природа, правовые позиции (вступ. ст.) // Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Отв. ред. Б. С. Эбзеев. М., 2001. Т. 1. С. 24 - 25; Петров А. А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ как предмет законодательной регламентации // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21.

конституционной юстиции как нормативно-интерпретационные акты, а правовые позиции – выраженным в них правом»¹. Аналогичной позиции придерживается и Н.С. Бондарь, подчеркивая особо, что «в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации отражается суть, нормативно-доктринальная квинтэссенция принятого решения. Однако источником права является не сама по себе правовая позиция, а решение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором она сформулирована»². Им выделяются основные характеристики правовых позиций, благодаря которым эти решения приобретают качества источников права³: в них проявляется их концептуальный в своей основе характер, а потому не только дается ответ по вопросу конституционности конкретной правовой нормы, но и предлагается доктринальное по своему уровню конституционно-правовое решение рассматриваемых проблем; их юридическая обязательность; итогово-обобщающий характер; оценочная, аксиологическая природа, в которых получает выражение отношение Конституционного Суда Российской Федерации к определенной правовой норме – предмету запроса; общий характер правовых позиций, включая их распространение на все схожие случаи, которые имеют место в правовой практике.

Кроме того, правовые позиции не идентичны решениям суда: решение может содержать несколько правовых позиций, что также является для правоведов аргументом для непризнания за правовыми позициями Конституционного Суда России статуса самостоятельного источника российского права⁴. Интересно мнение и о том, что часть решений Конституционного Суда России вовсе может не содержать правовых позиций. Так, И.В. Смолькова и П.О. Преловский, например, к таким решениям относят

¹ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 59.

² Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 82.

³ Там же, с. 82-84.

⁴ Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 407.

«определения, в которых отказывается в рассмотрении заявленного вопроса по причине того, что норма либо правовой акт уже утратили силу»¹.

Ряд правоведов видят особую роль в системе источников российского права правовых позиций Конституционного Суда России². Так, Н.С. Волкова и Т.Я. Хабриева отмечают, что правовые позиции Конституционного Суда России необходимо рассматривать в качестве источников не только конституционного, но и других отраслей российского права³: «они выполняют нормативно-регулирующую, охранительную функцию, функцию устранения пробелов в праве, политическую, ориентирующую функцию и функцию официальной конституционной доктрины»⁴.

Наиболее емко аргументировал вышеуказанную позицию В.В. Гошуляк⁵. Исследуя проблему, он определил правовые позиции Конституционного Суда России как источник права по следующим причинам: правовые позиции связаны с итоговыми выводами суда и выступают с ними как единое целое; обязательна публикация в официальных изданиях полного текста решения суда, а не только его резолютивной части; выраженная в решении правовая позиция является образцом, которым должны руководствоваться все государственные органы и должностные лица при разрешении вопросов в рамках своих полномочий применительно к аналогичным по содержанию нормам. По этой причине правовые позиции, на его взгляд, имеют самостоятельное значение и могут использоваться без решения Конституционного Суда России в целом; в

¹ Смолькова И. В., Преловский П. О. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для уголовного судопроизводства // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 873.

² Чернов С. Н. Конституционно-правовой статус Республики Карелия. СПб., 2003. С. 346; Ображиев К. В. Решения Конституционного Суда РФ в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права // Законы России : опыт, анализ, практика. 2008. № 6. С. 22; Мокосеева М. А. К вопросу о сходствах и различиях между правовой позицией и решением Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 128-133; Мокосеева М. А., Бакун А. С. Решение органа конституционной юстиции как норма права // Вестник Марийского университета. 2016. Т. 2. № 2 (6). С. 76-78; Смолькова И. В., Преловский П. О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства – судебные прецеденты? // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 1. С. 129-133.

³ См.: Волкова Н. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам парламентского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

⁴ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 21, 49-52.

⁵ См.: Гошуляк В. В. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9. С. 10-12.

законотворческом процессе также используются не столько решения Конституционного Суда России, сколько выработанные им правовые позиции.

Среди правоведов также существует мнение о том, что правовые позиции Конституционного Суда России как обязательные для исполнения должны вноситься только в резолютивную часть решения. В мотивировочной части может содержаться лишь обоснование этих позиций, которое не носит свойств обязательности¹. В силу этого правовые позиции подразделяются, на их взгляд, на обязательные и необязательные; или нормативные и доктринальные². Последние источником права ими не признаются.

Анализ темы показывает, что вопрос о юридической природе актов конституционного правосудия в Российской Федерации, являясь производным от темы «источник права», имеет еще больший разброс мнений и особых интерпретаций, оставаясь все еще актуальным. Характерной чертой научной терминологии является ее однозначность – все термины должны обозначать строго определенные научные понятия. Но так бывает не всегда, и смысл большинства научных терминов, как показывает практика, устанавливается на своеобразной «конвенционной основе» – пользователи приходят к негласному соглашению о том, как следует понимать тот или иной термин³. Одним из таких терминов стало и понятие «источник права», понимаемое и используемое чаще всего и в данной работе далее в формально-юридическом аспекте.

В целом, развернувшаяся в 90-е гг. XX века в Российской Федерации дискуссия по проблемам нормотворчества Конституционного Суда Российской Федерации стала заметным явлением в российской правовой науке как по составу вовлеченных в нее видных ученых, так и благодаря широкому спектру очень спорных точек зрения. Нам, правоведам, представляющим различные

¹ См.: Курбатов А. Я. Конституционный Суд РФ : проблемы с компетенцией требуют решения // Закон. 2011. № 2. С. 122; Кряжков В. А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999. С. 248; Митюков М. А. Парламентское право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 1996. № 3 (16) – 4 (17). С. 40-41.

² Соколов Т. В. Решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : сущность, виды и соотношение // Право и политика. 2013. № 12 (167). С. 1717.

³ См.: Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2-х т. Т. 2 М., 2004. С. 334.

направления в юридической науке, важно не обострять существующие разногласия, а сосредоточить усилия на поиске путей сближения позиций для выработки наиболее эффективной модели конституционной юстиции. Очень важно установить, какой источник права представляют решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть, их место в системе источников права, а также выяснить отраслевую принадлежность данного источника.

Решение названных вопросов позволит найти оптимальный вариант функционирования правовой системы. Отсутствие однозначного официального подхода к вопросам нормативного характера актов Конституционного Суда России не позволяет обеспечить их своевременное, надлежащее и эффективное исполнение. Отлаженность механизма исполнения решений конституционных судов связана с эффективным использованием силы государства в целом и его институтов в частности.

1.2. Нормативность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Проект федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» от 11 ноября 1996 г. содержал указание на наличие в России таких нормативных правовых актов, как нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Как видно, законодателем рассматривалась возможность выделить из всего массива актов Конституционного Суда Российской Федерации те из них, которые, и только они, обладают качеством нормативности. Само определение нормативности решения Конституционного Суда Российской Федерации в проекте закона дано

не было. Что же понимать под «нормативностью» решения Конституционного Суда Российской Федерации?

Интересно мнение Г.А. Василевича и И.Ю. Остаповича по данному вопросу: нормативность как признак юридической природы решений специализированных органов конституционного контроля – «это признак (свойство) правовой природы решения, выраженный в общеобязательном правиле поведения, которое вырабатывается при выявлении конституционно-правового смысла рассматриваемой нормы и формулируется в виде правовой позиции»¹. Также ими отмечается, что нормативность такого решения может быть как условной, так и безусловной²: в случае безусловной нормативности акт по вопросу о конституционности нормативного правового акта носит общеобязательный характер и не может быть отменен (обязательность решения не имеет исключений даже для главы государства и органов законодательной власти); условная же нормативность имеет место, когда акты органа конституционного контроля могут быть изменены или преодолены, в том числе и собственными решениями.

Главный контраргумент противников тезиса о правотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации заключается в том, что конституционное правосудие в системе разделения властей не предназначено для создания правовых норм³. Проблема легитимации также возникает в связи с тем, что в отличие от законодателя, избираемого демократическим путем, судьи назначаются. Существует мнение, что решения, принимаемые судьями в процессе пересмотра предположительно неконституционных норм, формально не могут считаться легитимными⁴: почему и в каких случаях законодатель,

¹ Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан : сравнительно-правовое исследование. Минск, 2016. С. 46.

² Там же, с. 10-11.

³ Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) // Торопнин Б.Н., Серверэн Э., Гюнтер К. и др. Судебная практика как источник права: Сборник статей. М., 1997. С. 34.

⁴ Ван Хук М. Конституционные суды и делиберативная демократия // Известия вузов. Правоведение. 2013. № 2. С. 135; Поляков С. Б. Судебное правотворчество: проявление демократизма или отступление от принципа разделения властей? // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 342.

олицетворяющий волю большинства избирателей, может быть ограничен незначительным количеством судей, представляющим собой некий «совет мудрецов», восседающих в «башне из слоновой кости»¹?

На наш взгляд, вопрос нормативности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации необходимо рассматривать с позиции полномочий Конституционного Суда Российской Федерации: предусмотренных Конституцией России и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» и фактически используемых.

По мысли австрийского правоведа Г. Кельзена, разработавшего и реализовавшего на практике европейскую (централизованную) модель конституционной юстиции, конституционный суд исполняет роль контрбаланса – «негативного законодателя». Аннулирование закона не равноценно созданию общей нормы. Значительное отличие между законотворчеством и аннулированием законов в связи с их неконституционностью заключается в том, что свободное нормотворчество полностью исключено в конституционном судопроизводстве, так как полномочия «негативного законодателя» полностью ограничены рамками конституции в части восстановления нарушенной конституционной законности. Ученый подчеркивал, что конституция – это не столько свод основных процедурных правил, сколько ядро материального права². В целях гарантии ее действительности должна быть предусмотрена возможность аннулирования противоречащих ей актов. Но она не должна быть доверена принявшему их органу. Законодатель является заинтересованной стороной в конституционно-правовом споре; ему нельзя быть «судьей» в собственном деле. Таким государственным органом может быть или конституционный суд, или Трибунал, или квазисудебный орган, состоящий из наиболее компетентных и известных в государстве юристов.

¹ Галмай Г. Опыт конституционного правосудия в Венгрии // Государство и право. 1993. № 9. С. 70.

² Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Вып. 1. М., 1987. С.10.

Сегодня вопрос о судебном правотворчестве активно обсуждается в дискуссиях теоретиков и практиков в юридической сфере¹. Одни ученые освещают преимущественно эмпирические и чисто прикладные проблемы, другие акцентируют внимание на принципиальных теоретических вопросах. Но практически все авторы так или иначе обращаются к проблеме полномочий конституционных судов и их влиянию на правотворческий процесс. Так, Н.С. Бондарь утверждает: «по самой природе, сущностным характеристикам и своим результатам деятельность Конституционного Суда РФ не исчерпывается правоприменением, а имеет значительно более сложный характер: конституционное правосудие в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством»².

Эта проблема является, как заметил Л.В. Лазарев, особой составляющей «давно ведущегося в юридическом мире на разных континентах спора относительно того, создает ли суд, прежде всего конституционный, нормы права или он их только выявляет, провозглашает, либо является лишь правоприменителем, другими словами – легитимно ли судебное правотворчество»³. Само понятие «правотворчество» трактуется учеными чаще всего как деятельность, направленная на создание, отмену или изменение правовых норм⁴.

Г. Кельзеню были выделены четыре функции норм – предписания, разрешения, уполномочивания и дерогации⁵. Дерогация была определена им «как очень специфическая нормативная функция, состоящая в прекращении действительности другой нормы»⁶. По его мнению, существует два других способа прекращения действительности нормы: истечение установленного срока

¹ См., напр.: Корнев А. В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2014. № 1. С. 21-30.

² Бондарь Н. С. Конституция России : стабильность и (или?) динамизм // Юридический мир. 2013. № 12. С. 15.

³ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 38.

⁴ См., напр: Синюков С.В. О понятии правотворчества // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. С. 114; Мазуренко А. П. Правотворческая политика : понятие и соотношение со смежными юридическими категориями // Государство и право. 2010. № 4. С. 16.

⁵ См.: Kelsen H. General Theory of Norms. Oxford, 1991. P. 96-101.

⁶ Kelsen H. General Theory of Norms. Oxford, 1991. P. 106.

действия нормы и потеря нормой действительности вследствие несоблюдения и неприменения. Дерогация же является прекращением действительности нормы другой нормой. Такая норма устанавливает не долженствование, а отсутствие долженствования.

Проблема и научный ракурс понимания дерогации были сформулированы ученым следующим образом: функция отмены закона обладает таким же общим характером, как и функция установление общей нормы, отличаясь лишь негативным значением и также являясь законодательной функцией. По этой причине и суд, обладающий правом отменять законы, становится законодательным органом. Но «законодатель связан конституцией лишь в том, что касается процедуры, лишь в исключительной степени в том, что касается содержания законов, и то лишь общими принципами и направлениями, тогда как деятельность негативного законодателя (конституционного суда), напротив, абсолютно определена конституцией. Именно здесь его функция похожа на функцию любого другого суда. Она заключается в применении и лишь в узкой степени в создании права, являясь, таким образом, действительно судебной»¹.

Как справедливо отмечает современный российский ученый А.А. Клишас, концептуальную основу для созданной Г. Кельзенем модели конституционной юстиции составила разработанная им «чистая теория права», без понимания основных положений которой невозможно составить ясное представление о конституционном суде как «негативном законодателе»². Согласно этим постулатам³, содержание позитивного права не подлежит исследованию с точки зрения ценностей, утвердившихся в конкретном обществе. Иными словами, любое содержание должно быть действительным. Критерием же действительности признается создание правовой нормы надлежащей иерархической инстанцией и в надлежащем порядке, который установлен

¹ См.: Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 2, окончание) / Г. Кельзен // Право и политика. 2006. № 9. С. 6-7.

² Клишас А. А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. М., 2004. С. 28.

³ Кельзен Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / Г. Кельзен // Вып. 1. М., 1987. С. 55.

вышестоящей правовой нормой. Таким образом, правопорядок – это строго иерархизированная система правовых норм.

Основная норма просто постулируется, она предопределяет действительность конституции и установленного ею правопорядка, из чего следует требование о необходимости соблюдения конституции. Проблема действительности правовых норм рассматривалась ученым сквозь призму реальной объективной реализуемости нормы, а диалектика взаимодействия действительности выражается в том, что если действительность по своей сути является легитимностью, то действительность признается ее ограничителем.

Современники Г. Кельзена доказывали несовместимость конституционного суда с суверенитетом парламента в классической теории разделения властей, на что ученый отвечал известной фразой о том, что не существует суверенитета отдельно взятого государственного органа, так как суверенитет принадлежит государственному строю в его совокупности¹. Тезисы о недопустимости ограничения деятельности парламента нормами основного закона Г. Кельзен характеризовал как объективно противоречащие природе и сущности позитивного права. Ему удалось концептуально обосновать необходимость существования контрольной власти, которая и призвана была в сфере правотворчества играть роль «негативного законодателя». Деятельность органов конституционной юстиции в полной мере определяется и ограничивается рамками основного закона страны и направлена, таким образом, исключительно на восстановление нарушенной конституционной законности, что породило не утихающую дискуссию и о правомерности отнесения конституционной юстиции к судебной ветви государственной власти. Фактически методологический подход Г. Кельзена обосновывал особое место конституционного суда в системе разделения властей.

Необходимо также выделить и другой аспект «кельзеновской» теории создания общей нормы – самоисполнимость решений органов конституционной юстиции: для неприменения неконституционного акта достаточно решения

¹ См.: Kelsen H. General Theory of Norms. Oxford, 1991. P. 80-103.

органа конституционного контроля. Как следствие, неприменение неконституционных актов не должно связываться с обязательной их отменой органом, их принявшим. До сих пор это один из самых спорных моментов в теории и практике конституционного правосудия. Сторонники тезиса о непризнании решений Конституционного Суда России в качестве источника права обосновывают свою позицию тем, что эти решения являются актами, не содержащими в себе правила поведения, поскольку их мотивировочная часть содержит только правовую оценку законности нормативного акта, а резолютивная – вывод о его незаконности (неконституционности)¹. Нормативный акт или его часть, признанные неконституционными, отменяется только органом или должностным лицом, его принявшим.

Одной из первых работ, включавших анализ ключевых теоретических воззрений Г. Кельзена по проблемам опротестования и аннулирования неконституционных актов, в Советском Союзе стала монография В.К. Дябло «Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР»². В 20-е гг. XX столетия конституционный контроль осуществлялся Верховным Судом СССР, и оценка советскими учеными зарубежного судебного конституционного контроля была позитивной. Позже конституционный суд стал оцениваться советскими правоведами преимущественно в контексте политической борьбы. Специфике судебного нормотворчества, осуществляемого в сфере конституционного контроля, значительное внимание было уделено М.А. Нуделем³ в его исследованиях конституционной юстиции зарубежных стран. Нормотворчество рассматривалось им как элемент конституционно-контрольной деятельности в связи со «сдерживанием» основного нормотворчества путем отмены закона либо иного нормативного правового акта. Именно М.А. Нуделем впервые широко стал использоваться тезис о «негативном

¹ См.: Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права : Сборник М., 2000. С. 110-111, 186-189.

² Дябло В. К. Судебная охрана конституций в буржуазных государствах и в Союзе ССР. М., 1928.

³ Нудель М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968.

законодателе». Также он применял понятие «законодатель со знаком минус»¹. Таким образом, с конца 60-х гг. «кельзеновский» постулат о «негативном законодателе» вошел в советскую правоведческую лексику.

В современной российской юридической литературе эта терминология широко используется. Статус конституционного суда как «негативного законодателя» понимается в праве суда на признание нормативных правовых актов незаконными, что влечет утрату ими юридической силы, то есть характеризует его как орган, творящий право косвенным путем². Вместе с тем, «делаются попытки "усовершенствовать" эту терминологию, определяя Конституционный Суд Российской Федерации как "отрицающего", "негаторного законодателя", принимающего "нормативно-дерогаторные" судебные решения»³. Высказывается мнение, что «институты конституционной юстиции монополизируют функцию конституционного контроля, становясь своего рода контрзаконодателем»⁴.

Оригинально в этой связи мнение Г.А. Василевича и И.Ю. Остаповича о том, что необходимо разграничивать понятия «решение Конституционного Суда России» и «нормативность решения Конституционного Суда России»⁵: «нормативность решения является результатом государственно-властной деятельности органа судебного конституционного контроля по реализации своих полномочий, а именно толкованию Конституции РФ и выявлению конституционного смысла нормативных правовых актов. Формальным источником, в свою очередь, т.е. формой выражения государственной воли в котором сформулирована (закреплена) нормативность будут Постановления и некоторые Определения Конституционного Суда РФ с позитивным

¹ Нудель М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах. М., 1968. С. 159.

² См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 53.; Кучин М. В. Нормотворческая деятельность судебных органов Российской Федерации и судебный прецедент // Право и политика. 2000. № 5. С. 55; Авакьян С. А. Конституция России : природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 206.

³ Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 53.

⁴ Клишас А. А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. М., 2004. С. 70.

⁵ Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование. Минск. 2016. С. 96.

содержанием»¹. В качестве аргумента ими приведена правовая позиция Верховного Суда России, выраженная в Определении по делу № 307-КГ14-4737: «основанием для пересмотра по новым обстоятельствам судебных актов по делу заявителя в связи с принятием акта Конституционного Суда Российской Федерации является не конкретный, принятый им судебный акт, а выявленный и сформулированный в конкретном судебном акте конституционно-правовой смысл нормы, который ранее в процессе правоприменения ей не придавался»². Ученые пришли к выводу, что Верховный Суд Российской Федерации тем самым указал нижестоящим судам на применение нормативности решения Конституционного Суда Российской Федерации как истинного конституционализированного источника³. И.Ю. Остаповичем было дано следующее определение нормативности решения Конституционного Суда России: «общеобязательное правило поведения, выраженное в правовой позиции Конституционного Суда России, которое состоит из гипотезы и диспозиции»⁴.

На взгляд Н.В. Витрука, Конституционный Суд Российской Федерации выступает в роли «негативного законодателя», поскольку устраняет ошибки законодателя и восстанавливает конституционность в правовом пространстве⁵. Потому существует мнение, что любой государственный институт, которому принадлежит последнее слово при определении того, какие нормы система права должна или не должна включать, является нормотворческим органом⁶. Так, К.Ф. Гуценко, рассматривая постановления Конституционного Суда России в качестве источников права, отмечает, что такое решение «влечет за собой необходимость соответствующей корректировки законодательства и

¹ Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование. Минск. 2016. С. 67.

² Определение Верховного Суда РФ от 21 апреля 2015 г. по делу № 307-КГ14-4737 [Электр. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=424834#0>

³ Остапович И. Ю. О нормативности решений органов конституционного контроля в Российской Федерации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия : Право. 2015. № 2 (21) . С. 37-48.

⁴ Остапович И. Ю. Конституционный Суд Российской Федерации и единство судебной практики // Алтайский юридический вестник. 2016. № 1 (13). С. 50.

⁵ Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 118.

⁶ Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 105; Кузьменко А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 248.

одновременно означает адресованный правоприменительным органам запрет применения признанных неконституционными актов в целом или их частей»¹.

Исследуя генезис уголовно-процессуального права России, Н.Н. Ковтун замечает, что «не составило бы особых проблем обосновать тезис о том, что, именно благодаря актам конституционного правосудия, начальный вектор формирования современной российской уголовно-процессуальной политики можно было бы охарактеризовать как движение "от инквизиции – к состязательности..."»². Им приводится ряд решений Конституционного Суда Российской Федерации, который в период с 1993 по 2003 гг. внес ощутимые изменения в российское законодательство путем признания отдельных норм несоответствующими Конституции Российской Федерации. Так, был признан неконституционным порядок возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование³; сформулирован запрет на возбуждение судом уголовного дела; максимально обеспечено право заинтересованного лица на судебные обжалования важнейших процессуальных решений⁴.

Вместе с тем им отмечается, что «неведомые юридической общественности причины со временем несколько изменили векторы и приоритеты в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Казалось бы, прочно «забытые» публично-правовые акценты, с какой-то пугающей «настойчивостью», все чаще стали обнаруживать себя в правовых

¹ Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М., 1997. С. 310.

² Ковтун Н. Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса // Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30-31 октября. 2009 г. 2010. С. 157.

³ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации №7-П от 20 апреля 1999 г. «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 28 ноября 1996 г. «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 455; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 13-П от 29 апреля 1998 г. «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 19. Ст. 3142.

позициях, принимаемых актов и итоговых выводах Суда»¹. Как следствие, «именно актами конституционного правосудия, со временем, был «реанимирован» институт возвращения дела на дополнительное расследование из суда²; обоснованы публично-правовые акценты активности суда в истребовании и исследовании дополнительных доказательств³; нивелирован принципиально знаковый «запрет поворота к худшему» в суде надзорной инстанции⁴; по сути, поставлен запрет на возможности стороны защиты к самостоятельному сбору и представлению доказательств в уголовном процессе»⁵.

Таким образом, тот факт, что признанную неконституционной норму отменяет не сам Конституционный Суд России, а соответствующий государственный орган или должностное лицо, принявшие ее, не может являться, на наш взгляд, основанием для непризнания за Конституционным Судом Российской Федерации правотворческих полномочий. Мы должны руководствоваться юридическими фактами, а именно факт вынесения Конституционным Судом Российской Федерации постановления о признании нормативного акта или его части несоответствующими Конституции Российской Федерации в соответствующие сроки «выводит» из правового пространства государства неконституционную норму. Вне зависимости от ее официальной

¹ Ковтун Н. Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики. С. 158. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30-31 октября. 2009 г. 2010 г.

² См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 08 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

³ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 13-П от 29 июня 2004 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 5-П от 11 мая 2005 г. «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4. С. 3.

⁵ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации. № 145-О от 04 марта 2004 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 86.

отмены она не должна применяться на основании именно данного постановления. По состоянию на 2016 год по сведениям Секретариата Конституционного Суда России не исполнено 35 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации¹. Не смотря на это, в случае вынесения судом решения на основании формально не отмененной нормы, оно будет подлежать отмене также на основании соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации – причем по неограниченному количеству дел с различным субъектным составом.

Другим проявлением «негативного законодательства» Конституционного Суда России, на наш взгляд, является его полномочие признавать невозможность исполнения в целом или в части решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

В 1998 г. Россия ратифицировала Конвенцию «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 г.²; как следствие, возникла необходимость в определении юридической природы актов Европейского суда по правам человека. Специфика его деятельности заключается в осуществлении «европейского конвенционного контроля», который является селективным, то есть строго ограниченным рамками основных прав и свобод, закрепленных Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод» и Протоколами к ней³. Ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30 марта 1998 г. предусматривает норму, в соответствии с которой «Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает *ipso facto*⁴ и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней».

¹ Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 г. по состоянию на 06 апреля 2017 г. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2016.aspx>

² Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

³ Бондарь Н. С. Европейский конституционализм в аспекте национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикции [Электр. ресурс]. URL: www.pravo.ru/Новости.view/42653

⁴ лат. – в силу самого факта.

Это позволило правоведам поставить вопрос о прецедентном характере актов Европейского Суда по правам человека; необходимости включения его прецедентов в число источников российского права, приведения российского законодательства в соответствие с его прецедентами¹. Но, вместе с тем, обязательные толкования Европейского Суда по правам человека по вопросам толкования и применения Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» и Протоколов к ней, утрачивают силу в результате признания Конституционным Судом Российской Федерации невозможности их исполнения в целом или в части. Наиболее очевидным примером расхождения с конституционными нормами стало постановление Европейского Суда по правам человека от 04 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России»². Им наличие в российском законодательстве ограничения избирательного права осужденных было признано нарушением права на свободные выборы, предусмотренного Протоколом № 1 к Конвенции «О защите прав человека и основных свобод». При этом Конституция России в ч. 3 ст. 32 исключает право граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, избирать и быть избранными. Заметим, что аналогичные решения уже были приняты Европейским Судом по правам человека по жалобам граждан Германии и Великобритании; и также не были исполнены³.

То есть именно в реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации признавать нормативный правовой акт или его часть неконституционными и исполнение в целом или в части решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека невозможным и проявляется правотворческая функция Конституционного Суда Российской Федерации в рамках «негативного законодательствования», а соответствующие

¹ См.: Рабцевич О. И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 298.; Зверев Д. В. Новые источники гражданского процессуального права в свете Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В сб. : Европейская интеграция и развитие цивилистического процесса в России. М., 2006. С. 22; Зорькин В. Д. Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять // Закон. 2006. № 11. С. 9.

² Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

³ Маврин С. П. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1-6.

решения Конституционного Суда Российской Федерации приобретают нормативность.

Сторонники концепции развития судебного правотворчества, анализируя функцию «негативного законодателя», все чаще приходят к выводу о том, что в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации этот способ конституционного контроля является преобладающим, но, несмотря на это, «его нельзя рассматривать в качестве единственного канала воздействия на процесс воплощения в жизнь конституционных предписаний, их конкретизации в текущем законодательстве»¹. По этой причине оценки Г. Кельзеном конституционного суда как «негативного законодателя» в современной науке иногда именуют как распространенное клише, так как ярлык «негативного законодателя» не отражает сути Конституционного Суда Российской Федерации².

Существует мнение, что в странах с устойчивыми правовыми и демократическими традициями роль конституционных судов все реже сводится к «негативному законодательствованию» в первоначальном значении этого выражения³. В условиях сформировавшегося и устойчивого правопорядка неконституционные законы принимаются крайне редко, и поэтому «расчищать завалы» из неконституционных норм не является столь уж необходимой задачей в государстве. Однако наличие достаточно консервативного законодательства (конституции в том числе) предполагает отыскание оптимальных способов адаптации конституционных норм к динамично меняющимся общественным реалиям, и здесь трудно переоценить роль конституционных судов. Одним из основных направлений деятельности органов судебного конституционного контроля в современных условиях западной демократии становится не отмена неконституционных актов, а оперативное толкование конституции и законов.

¹ Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия. М., 2005. С. 110.

² См.: Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 15-106.

³ Пугачев А. Н. Судебный конституционный контроль. Новополоцк, 2009. С. 139.

Как было замечено председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным, «в целом в практике Конституционного Суда сложилась тенденция избегать признания оспоренного законоположения неконституционным, если имеется возможность выявить конституционно-правовой смысл этого законоположения и в его контексте – должное конституционное содержание нормы, исключающее любое иное истолкование такого законоположения в правоприменительной практике»¹.

Сегодня как сторонниками правотворческой роли конституционных судов, так и их теоретическими оппонентами активно используется термин «позитивный законодатель»². При этом смысловое значение этого термина имеет самое разное наполнение в теоретических подходах правоведов. Необходимо учитывать, что о роли «негативного законодателя» Г. Кельзен писал применительно к австрийскому Конституционному Суду, и его авторство в отношении этого термина неоспоримо, в то время как авторство термина «позитивный законодатель» неизвестно, и используется он учеными разных стран в зависимости от собственных представлений.

Ряд правоведов рассматривает понятие «позитивное законодательствование» конституционных судов в широком смысле – как прямое продолжение «законодательства негативного». Так, М.Н. Марченко указывает, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях «определяет не только то, как нельзя действовать правоприменителю в тех или иных случаях, но и как нужно и должно действовать в подобных ситуациях. И хотя формально он не создает новый закон, а только указывает, каким он должен быть в соответствии с Конституцией, тем не менее, фактически предопределяет правила, которые должны действовать до его принятия»³. Г.А. Василевич и И.Ю. Остапович заметили, что «даже выступив в целом как

¹ Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 183.

² См.: Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 401; Татаринов С. А. Постановления Конституционного Суда РФ в системе источников конституционного права // Государственная власть и права человека. Томск, 2001. С. 132; Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 56; Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов н/Дону, 1992. С. 30; Авакьян С. А. Конституция России : природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 210.

³ Марченко М. Н. Источники права. М., 2005 С. 401.

«негативный» законодатель, признав положение закона не соответствующим Конституции РФ, Конституционный Суд РФ создает новый порядок правового регулирования, действующий до внесения изменений в федеральный закон, т.е. выступает в роли «позитивного» законодателя»¹. Схожую позицию высказал С.А. Кажлаев. На его взгляд, решение о соответствии или несоответствии нормы конституции обладает самостоятельным нормативным значением, создающим по сути норму права, которая может применяться Конституционным Судом России при рассмотрении нового дела в случае его аналогичности. Судом создается норма, которая является «связующей для законодателя в его будущих действиях при разработке законодательного акта либо аннулирующей действующий законодательный акт»².

Однако самое широкое понимание понятия «позитивного законодательства» конституционного суда, пожалуй, было дано Председателем Конституционного Суда Литовской республики Э. Курисом. С его точки зрения, конституционные суды выступают в качестве позитивных законодателей не только в тех случаях, когда в процессе толкования рассматриваемого правового акта по сути изменяют волю законодателя, предпочитая альтернативную интерпретацию оспариваемых положений той, что руководствовался законодатель, но и тогда, когда подтверждают волю законодателя, поскольку такое подтверждение – это санкционирование уже принятого правотворческого решения, а соответствующее решение конституционного суда – и есть правотворческий акт³.

Другие правоведы видят «позитивный» характер в деятельности Конституционного Суда России непосредственно в создании новых норм права⁴. Так, на взгляд А.В. Кузьменко, позитивное нормотворчество выражается в

¹ Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование. Минск, 2016. с. 44.

² Кажлаев С. А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 29.

³ Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 95.

⁴ См.: Александрова М. А. Конституционный Суд Российской Федерации как «позитивный законодатель» // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. 2012. Вып. IV. С. 16-22.

создании высшими судебными органами новых правовых норм, то есть надлежащим образом оформленных правоположений, которые содержатся в соответствующих актах судебных органов и на которые можно ссылаться при принятии юридически значимых решений¹. С.А. Татаринов, анализируя Конституционный Суд Российской Федерации в контексте «позитивного» законодателя, отмечает «интерпретацию конституционных норм в аспекте выяснения их действительного содержания и смысла, на восполнение пробелов в праве, на разъяснение для законодателя существенных параметров будущих правовых норм»². Б.С. Эбзеевым замечено, что постановления Конституционного Суда России о толковании конституционных норм по сути своей становятся частью Конституции России: «В этом смысле Суд является не только "негативным", но и "позитивным" законодателем, акты которого по своей юридической силе не уступают Основному Закону. Напротив, эти акты развивают и трансформируют его в соответствии с объективными потребностями социально-исторического процесса, а не сиюминутными политическими, экономическими или социальными выгодами тех или иных властей или политических сил»³.

Признавая за решениями Конституционного Суда Российской Федерации нормативный характер, часть авторов отмечает возможные негативные последствия «позитивного законодательства». Так, Н.Н. Ковтун приходит к выводу о том, что анализ отдельных решений Конституционного Суда России по вопросам уголовно-процессуального права ярко свидетельствует о том, что в некоторых случаях не только кардинально было изменено содержание норм и институтов законодательства, но и в сущности были созданы новые правила

¹ Кузьменко А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 247.

² Татаринов С. А. Постановления Конституционного Суда РФ в системе источников конституционного права // Государственная власть и права человека / Отв. ред. В. Ф. Волович. Томск, 2001. С. 132.

³ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 50.

поведения: «суд фактически поставил себя и над Конституцией, и над волей народа, выраженной на всенародном голосовании, и над Парламентом»¹.

Столь категоричная оценка разделяется многими учеными. Например, К.Ф. Гуценко, в целом не отрицая за постановлениями Конституционного Суда России качеств источника права, вместе с тем указывает, что за последние годы Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах многократно выражал требование неукоснительного исполнения и правовых позиций, порой сформулированных неоднозначно: «это уже претензия на роль никем не уполномоченного правотворческого органа. Такая тенденция нуждается в осторожных оценках»².

Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Б.С. Эбзеев заметил, что «есть опасность вторжения Конституционного Суда, официально и законно участвующего в пределах своих полномочий в правотворчестве, в прерогативы законодательной (и исполнительной) власти»³. По выражению С.А. Авакьяна, такой подход оправдывает «параллельное конституционное регулирование», своеволие в установлении конституционных норм и подмене законодателя⁴. Общая тенденция подмечена А. Медушевским: «Парламент перестает быть единственным хозяином закона: его воля подчинена конституции, а контроль за соблюдением последней осуществляется конституционным судом. Отсюда возможность противостояния последнего парламенту»⁵; «Конституционные суды фактически обладают правом санкционировать или отвергать законы, принятые парламентом, осуществлять их цензуру, предлагать известные коррективы в них, влиять на создание законов уже самим фактом существования своих решений»⁶.

¹ См.: Ковтун Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по уголовно-процессуальным вопросам: проблемы законодательной техники и практического применения // Государство и право. 2001. № 11. С. 99-101.

² См.: Источники российского права: вопросы теории и истории / Отв. ред. : Марченко М. Н. М., 2005. С. 312.

³ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 558.

⁴ Авакьян С. А. Конституция России : природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 210.

⁵ Медушевский А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : Сб. докл. М., 1999. С. 24.

⁶ Там же, с. 28.

Постановка вопроса осуществления в процессе конституционно-контрольной деятельности «позитивного правотворчества» не бесспорна с любых позиций: доктринальных, практических, законодательных. Ж.И. Овсепян правильно связывает эту проблему с юридической квалификацией правовой природы толкования как одного из элементов судебного конституционного контроля. Ею, одной из первых в юридической науке, был сформулирован ряд принципиальных вопросов этой проблемы: «осуществляется ли в ходе толкования, интерпретации законов «позитивное правотворчество»; формулируются ли новые правовые нормы, либо толкование относится к характеристике правоприменительной организационно-правовой формы деятельности в сфере судебного конституционного контроля, или является самостоятельной организационно-правовой формой осуществления власти; в какой плоскости вообще лежит вопрос о позитивном нормотворчестве органов судебного конституционного контроля»¹?

На взгляд Л.В. Лазарева, толкование является важной составляющей деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку при интерпретации Основного Закона «происходит конкретизация общих конституционных установлений, ...формирование "живого" права – конституционного и иных правовых отраслей, что находит воплощение в правовых позициях Конституционного Суда. Поэтому правомерна характеристика Конституционного Суда не только как "негативного", но и как "позитивного законодателя", ... и в сфере правотворчества этот орган осуществляет правокорректирующую функцию»². Эта позиция поддерживается и В.В. Лазаревым, на взгляд которого официальное толкование Конституции России Конституционным Судом России является официальным нормативным разъяснением³. Т.Я. Хабриева заметила, что «практика толкования Конституционного Суда РФ выглядит вполне успешной на фоне некоторых

¹ Овсепян Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах. Ростов-на-Дону, 1992. С. 30.

² Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 56.

³ Проблемы общей теории jus. М. // Отв. ред. : Лазарев В. В. М., 2012. С. 408.

несостоявшихся поправок к Основному Закону, что позволяет сделать вывод об использовании толкования как альтернативы жесткости Конституции... более того, если придерживаться широких трактовок права, то в ряде случаев речь пойдет именно о формировании права в ходе интерпретационной деятельности столь высокой инстанции, какой является конституционный суд»¹.

В.С. Нерсисянц, напротив, полагал, что официально-обязательное для правоприменителей положение толкования нормой права являться не может: «правотолковательное положение – это всегда лишь правило надлежащего понимания уже наличной толкуемой нормы права, а не новая норма права»². Также и В.А. Петрушев³ замечает, что Конституционный Суд Российской Федерации может в процессе своей правоприменительной деятельности только преодолевать пробелы в Конституции Российской Федерации путем применения права по аналогии. Принимаемые им при этом решения не имеют нормативного значения, а являются только актами применения права. А устраняются коллизии только путем правотворчества. Есть в правовой мысли мнение и о том, что даже «распространительное и ограничительное толкование не вносят изменения в действительный смысл нормы»⁴. Известно также выражение: «Где закон дает простор для толкования, там закона в сущности почти нет»⁵.

Уже более двухсот лет продолжается противостояние так называемых «оригиналистов» (приверженцев оригинального текста конституции) и «интерпретивистов» (сторонников «живой конституции»), хотя «надо признать, что последние в конечном счете всегда оказываются победителями»⁶. Как отметила Т.Я. Хабриева, «излишняя консервация основного закона может вызвать значительное общественное напряжение и привести к нарушению

¹ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М, 2016. С. 140, 146.

² Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2001. С. 500.

³ Петрушев В. А. О юридической природе постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11. С. 29.

⁴ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 436.

⁵ Унковский М. А. О неясности законодательства, как общественном бедствии, и о ближайших путях к ее устранению. С-Пб., 1913. С. 6.

⁶ Джавакян Г. З. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации : юридикация политики или политизация конституционного правосудия? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 66.

эволюционного развития государственности, внесению серьезных конституционных изменений, отмене прежних, принятию временных, а впоследствии новых конституций... Конституционная стабильность не нарушается, когда реформа конституционных институтов проведена без реформы самого основного закона. Текст конституции может быть вовсе не затронут, при этом конституция – фактически реформирована»¹.

Следует также учитывать, что во все времена не смотря на то, что законодатель ставил задачу ясного выражения своей воли в тексте закона, удавалось ему этого добиться не всегда. История знает периоды, когда законодателю было выгодно иметь двусмысленные законы – таким образом достигалась возможность их выборочного применения.

На наш взгляд, если при «негативном законодательствовании» мы наблюдаем удаление норм из правового пространства, то при «позитивном законодательствовании» происходит другой процесс – Конституционным Судом России существующие нормы права наполняются иным смыслом, происходит коррекция их содержания. Ни одна норма, ни одна строчка, ни одна буква Конституции России или иного нормативного правового акта формально не изменяется решением Конституционного Суда Российской Федерации. Физически новая норма не возникает, но при этом изменяется ее наполнение.

В этом смысле некоторые нормы Конституции Российской Федерации представляют собой айсберг – его подводная часть и содержит этот неочевидный смысл. Но ни у нас, правоприменителей, ни у самого Конституционного Суда Российской Федерации нет возможности исследовать ее. Можно лишь предполагать. Но, в отличии от нашего мнения-предположения, позиция Конституционного Суда Российской Федерации признается как официальная и обязательная, несмотря на то, что мы никогда так и не узнаем о том, что на самом деле содержит эта невидимая глазу часть.

¹ Хабриева Т. Я. Конституционные реформы в современном мире // Вестник РАН. 2016. т. 86. № 7. С. 580.

Как следствие, доктрина судебного активизма¹ постепенно приближается к судебному правотворчеству (*legislation from the bench*²). Как заметил О. Пферсманн, происходит обоснование изменений в конституцию, которые вводятся вне процедур, которые для этих целей предусмотрены³. И созданная законодательным органом норма, формально сохраняя свою неприкосновенность, оставаясь частью правовой системы, приобретает новое конституционно-правовое истолкование; происходит, по сути, изменение законодательной нормы. Именно такова стратегия судебного толкования, предписываемая реалистической теорией современного французского конституционалиста М. Тропера. На его взгляд, «это значение может быть очень далеко от того значения, которое ему можно было бы придать с точки зрения языковых оборотов, использованных в тексте, с точки зрения того, что можно знать о намерении изначального автора текста или с точки зрения иных данных»⁴. Волеизъявительный, или, как определила Е.В. Тимошина⁵, волюнтаристский характер такого толкования выражается в том, что судьи конституционного суда не связаны каким-либо регламентированным порядком нормотворчества. Конституционный суд обладает «юридической свободой», которая есть «произвольная власть, т.е. право субъекта или органа осуществлять управление согласно его собственному волеизъявлению и наделять принимаемые им нормы содержанием по собственному выбору»⁶. При этом толкование, подчеркивает М. Тропер, даваемое конституционным судом обязательно, независимо от содержания⁷. Важным моментом является и то, что конституционный суд нельзя привлечь ни к юридической, ни к политической

¹ Этот термин впервые был введен в научный оборот американским историком Артуром Шлезингером в 1947 г.

² англ. – законодательство с судебных кресел.

³ Пферсманн О. Ономастический софизм: изменять, а не познавать (о толковании конституции) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 4. С. 105.

⁴ Тропер М. Ответ Отто Пферсманну // Российский ежегодник теории права. 2012. № 4. С-Пб. : Издательский дом СПбГУ, 2012. С. 275.

⁵ Тимошина Е. В. Судья как новый суверен : волюнтаристская теория Мишеля Тропера // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2016. № 2. С. 52.

⁶ Тропер М. Реалистическая теория толкования // Российский юридический журнал. 2006. № 2. С. 18.

⁷ Там же, с. 9.

ответственности – он «никакому контролю не подлежит»¹. Возможно лишь самопонижение, исходя из соображений «практической необходимости».

Основной же вывод реалистической теории заключается в том, что «конституционный суд является единственным законодательным органом... он осуществляет конституционно-учредительную власть», то есть устанавливает нормы конституции, но сам «не связан ни одной из этих норм»². «Конституционно-правовое истолкование порой настолько видоизменяет норму закона, что оно вряд ли может считаться простым уяснением конституционно-правового смысла. В результате, очевидно, Конституционный Суд РФ возлагает на себя роль законодателя, подменяя своим решением решение Федерального Собрания, занимаясь, по сути, позитивным судебным правотворчеством, придавая норме права новое качество, отличное от заложенной в норму воли законодателя»³.

Кроме того, Федеральным конституционным законом от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"»⁴ законодатель наделил Конституционный Суд России новым полномочием – давать «истолкования» норм, ставших предметом обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, любое иное истолкование которых исключается⁵. Согласно правовым позициям Конституционного Суда России, выраженным еще в Постановлении от 17 ноября 1997 г. № 17-П⁶, «Конституция Российской Федерации не содержит нормы, допускающей разъяснение или официальное

¹ Тропер М. Проблема толкования и теория верховенства конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4 (53). С. 175.

² Там же, с. 178.

³ Джавакян Г. З. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации : юридизация политики или политизация конституционного правосудия? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 67.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

⁵ Ч. 6 ст. 87 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁶ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.

толкование федеральных законов палатами Федерального Собрания; в законотворческом процессе участвуют не только Государственная Дума, но и Совет Федерации и Президент Российской Федерации». Таким образом, и «истолкование» иных нормативных правовых актов, являющихся предметом жалоб и обращений в Конституционный Суд России, может производить именно Конституционный Суд России.

Этим и обосновывается, в первую очередь, позиция правоведов, которые придают Конституционному Суду Российской Федерации статус квазиправотворца¹. Не можем не согласиться. Конституционный Суд Российской Федерации законодательно правотворческим органом не является, но фактически стал таковым. При этом правотворческую деятельность он осуществляет исключительно в рамках законодательства. Ст. 125 Конституции России закрепила за ним право официально толковать Конституцию России; признанные не соответствующими Конституции России акты или их часть, утрачивают силу. В ст. 87, 100 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации уполномочен давать в своем постановлении обязательное для правоприменителей истолкование нормативного акта или договора либо отдельных их положений, после чего любое иное их истолкование исключается. Под квазиправотворчеством нами понимается не «псевдо», «мнимый», «ложный», а нестандартный, специфический вариант реализации правотворчества.

В связи с отсутствием ясности в вопросе о критериях разграничения официального толкования Конституции Российской Федерации, обязательного для правоприменителей истолкования нормативных правовых актов от правотворчества, одни и те же положения, выработанные Конституционным Судом Российской Федерации, расцениваются одними учеными как нормативные, а другими – как исключительно интерпретационные.

¹ Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 28-33.

Как следствие, разграничение правотворчества и официального толкования норм права стало главным камнем преткновения в вопросе отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к числу источников права¹. По этой причине необходимо четко представлять соотношение интерпретационной и правотворческой деятельности; обозначить пределы толкования, за которыми интерпретационная деятельность превращается в правотворческую.

Традиционной является позиция о том, что в процессе толкования не создаются новые правовые нормы². Вместе с тем, существует и другая позиция, склоняющаяся к расширительному пониманию толкования норм права, наделяемому функциями «компенсации технических неясностей, неточностей и восполнения пробелов правовых норм», «правокорректирующей» и «правосозидательной» функциями³; признается обоснованным тем самым так называемое коррекционное толкование правовых норм, которое изменяет содержание правовой нормы без изменения текста закона⁴. Также в научной литературе широко употребляется термин «нормативное толкование» – «толкование результаты которого распространяются на неопределенный круг лиц и случаев. т.е. такое толкование, которое подобно норме права имеет общий характер (общее действие)»⁵.

О том, каким существенным является влияние толкования высших судебных инстанций на развитие права, американский юрист Л. Фридман заметил следующее: «Конституция является высшим законом страны. Но только наивные верят, что Верховный Суд просто «интерпретирует» текст, то есть исследует, что подразумевали в нем люди, которые его писали. Суд идет дальше

¹ Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 139.

² См.: Пиголкин А. С. Толкование норм права и правотворчество : проблемы соотношения // Закон : создание и толкование. М., 1998. С. 69; Черданцев А. Ф. Толкование советского права (теория и практика). М., 1979. С. 29.

³ См.: Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 5-6; Манукян А. Г. Толкование норм права : виды, система, пределы действия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 17.

⁴ См., напр.: Манукян А. Г. Толкование норм права : виды, система, пределы действия: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 20, 110-118.

⁵ Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 97.

простой интерпретации. Суд изобретает и расширяет конституционную доктрину»¹. Как заметил уже российский ученый В.А. Кряжков, «чем старше Конституция, тем меньше оснований у толкователя считаться с намерениями ее авторов»².

Б.С. Эбзеев также уточняет: «Речь идет не о новации текста Основного Закона, а о "молчаливом превращении" Конституции, т.е. ее изменении без изменения конституционного текста... Тем самым Конституционный Суд выполняет одновременно в известной мере правотворческую функцию, поскольку предлагает такие решения, которые связаны с дословным текстом Конституции весьма тонкими нитями»³. Как было отмечено Т. Маунцем, «толкователь, смотря по обстоятельствам, может понимать Конституцию лучше, чем понимали ее авторы самого текста»⁴. По этой причине В.В. Лазарев обращает внимание на существенные отличия в подходах толкования права классического учения, модерна и постмодерна: «Классика стояла на страже законности; модерн — на разрушении законности; постмодерн — на уходе от реалий вообще»⁵.

По этой причине в научной литературе обсуждается необходимость ограничения пределов официального толкования конституции. Так, на взгляд Т.Я. Хабриевой, в Федеральном конституционном законе «О Конституционном суде Российской Федерации» есть явный пробел – отсутствие прямых указаний на пределы нормативного толкования Конституции России, – «и если интерпретационная деятельность Конституционного Суда не будет ограничена (в том числе самоограничена), она в конце концов достигнет критической черты, когда уже можно будет вести речь о появлении новой конституции»⁶.

¹ Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 152.

² Кряжков В. А. Толкование Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации : практика и проблемы // Вестник Конституционного Суда. 1997. № 3. С.9.

³ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2013. С. 46.

⁴ Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР). М., 1959. С. 108.

⁵ Лазарев В. В. Толкование права : классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 17.

⁶ Хабриева Т. Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 28.

С.Б. Поляковым было высказано более категоричное мнение: «Судебное правотворчество в России существует как факт действительности вне правового регулирования. Обязательность норм права, устанавливаемых судами, обеспечена независимостью судебной власти от какой-либо другой власти в решении вопроса о законности и согласованности между собой создаваемых ими правил. В настоящем времени в российской правовой системе судебный прецедент существует, но не столько как форма права, сколько как форма произвола, фактор неопределенности в праве»¹, а, как заметил Н.С. Бондарь, «дух Конституции должен служить не политизации конституционных институтов, а конституционализации политики»².

Но как определить пределы официального толкования? И возможно ли это сделать, если необходимость в нем возникает лишь тогда, когда формально-юридическое, логическое, историческое понимание содержания нормы не дают нам однозначного ответа?

Само определение понятия «толкование Конституции Российской Федерации» нормативно не выработано. Чаще всего толкование норм конституции понимается как раскрытие смысла интерпретируемых норм: и познание конституционной нормы, и ее разъяснение – «предметную деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по доведению до всеобщего сведения познанного им содержания конституционных норм»³.

Но это скорее теория рассматриваемого нами вопроса. На практике мы сталкиваемся нередко с противоположными случаями, связанными с различным пониманием пределов и даже целей официального толкования конституции. Кроме того, большое значение имеет тот факт, что в случае, если Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях выйдет за рамки своих полномочий, истолковав норму в расширительном понимании, его

¹ Поляков С. Б. Судебное правотворчество: проявление демократизма или отступление от принципа разделения властей? // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 348.

² Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. М., 2017. С. 132.

³ Эбзеев Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации : теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7.

решения, несмотря на это, будут обязательными для исполнения. Так, судья Конституционного Суда России Г.А. Гаджиев подчеркивает, что деятельность Конституционного Суда России по толкованию Основного закона почти всегда выходит за границы простой интерпретации ее текста: «В отличие от других судов Конституционный Суд не только применяет конституционные нормы, но и интерпретирует их, обогащая юридическое содержание. В процессе таких интерпретаций словесное выражение норм может не меняться, но значительным изменениям может подвергаться их нормативное содержание»¹.

Так было предопределено появление новых подходов в толковании Основного закона. Одним из таких видов стало «конструктивное», «динамическое» или расширительное толкование. Если при статическом толковании разъясняется буквальное содержание нормы в целях правоприменения, то в расширительном толковании конституция является только первоначальной основой для дальнейших логических рассуждений. Дж. Маршал выразил суть данного вида толкования так: «...Конституция призвана жить в веках, и в силу этого она должна приспособливаться к различным проблемам жизни общества»².

По признанию председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, «Конституционный Суд как хранитель Конституции, конечно, интерпретирует дух Конституции применительно ко времени. Это позволяет ему менять свои правовые позиции»³. Например, если в Постановлении от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (ч. 3), 105 (ч. 2 и 5), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 117 (ч. 3) и 135 (ч. 2) Конституции Российской Федерации»⁴ Судом было отдано предпочтение смыслу самой Конституции Российской Федерации: норму об «общем числе

¹ Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» / Под ред. В. И. Радченко, В. П. Кашепова. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2000. С. 67.

² Лафитский В. И. Конституционный надзор в США // Очерки конституционного права иностранных государств. М., 1999. С. 274.

³ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал рос. права. 2004. № 12. С. 4.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 16. Ст. 1451.

депутатов» Государственной Думы необходимо понимать как число депутатов, которое определено для депутатов Государственной Думы в ч. 5 ст. 95 Конституции, – 450 депутатов, то в Постановлении от 20 февраля 1996 г. № 5-П¹ «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» выбор был сделан в пользу изначального видения объема депутатских иммунитетов – «установленному большинству голосов», из которого исходили создатели проекта Конституции Российской Федерации.

Н.А. Марокко отмечает, что нередко имеет место ситуация, когда неопределенность формулировки правового акта приводит к существенным различиям в толковании одних и тех же правовых предписаний, причем каждый из этих вариантов может быть достаточно обоснованным. В таких случаях можно предположить, что смена одного господствующего толкования другим означает фактическое изменение норм права².

Крайне неоднозначно была воспринята как юридическим сообществом, так и населением России в целом, ситуация вокруг порядка назначения Президентом России премьер-министра России в 1998 г.: 11 декабря 1998 г. Конституционный Суд России принял Постановление № 28-П³ «По делу о толковании положений ч. 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации», в котором было установлено, что Президент России при внесении в Государственную Думу предложения о кандидатуре на должность Председателя Правительства России вправе представлять одного и того же кандидата дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. Это толкование было воспринято не иначе как политизированное, поскольку противоречило важнейшим аксиомам теории конституционного права. Конституционный Суд России выбрал максимально

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.

² Марокко Н. А. О правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2006. № 6. С. 3.

³ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

широкое толкование, предоставив Президенту России право трехкратно представлять одного и того же кандидата, что никак не согласовывалось с положением той же статьи, согласно которой, после трехкратного отклонения представленных кандидатур, Президент России назначает Председателя Правительства России, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы. Ни логическое, ни политическое толкование данной нормы не допускало возможности Президенту России представлять одного и того же кандидата для утверждения трижды. О каком выборе может идти речь в случае, если Государственной Думе открыто предлагается одна кандидатура под страхом роспуска?

Возникает вопрос: возможно, ответ в судебной ошибке? Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин так прокомментировал проблему: «Я вовсе не стремлюсь защитить честь мундира, но все же не считаю, что какое-то решение Суда было вынесено на уровне ошибки. Может быть, некоторые решения Суда могли бы быть лучше с точки зрения правовых возможностей, представленных Конституцией. Но сказать, что Суд какое-то дело решил неконституционно, ошибся, я не могу»¹.

Ряд ученых предлагает рассматривать толкование Основного Закона конституционным судом как очень эффективный способ участия этого органа в правотворчестве, так как буквальный смысл записанного в Конституции не всегда соответствует сложившимся ситуациям, и поэтому конституционные суды, вырабатывая решение, вынуждены выбирать: или искать в конституции иные нормы, которые дополняют или раскрывают смысл той, которая необходима для разрешения дела, или дать норме толкование, исходя из общих начал и принципов Основного закона². Кроме того, характер официального толкования конституции в этом случае расценивается как нормативный: «Особенность толкования норм органами конституционного правосудия предопределяется и тем, что при таком толковании норме дается

¹ Зорькин В. Судить по Конституции и совести // Журнал российского права. 2003. № 9. С.9.

² Пугачев А. Н. Судебный конституционный контроль. Новополоцк. 2009. С. 160.

квалифицированная юридическая характеристика, раскрывается и объясняется ее содержание, определяются границы ее действия. А поскольку установление "пределов" применения нормы при официальном толковании само по себе нормативно (по причине того, что оно изменяет сферу действия нормы), постольку осуществленное толкование является правотворчеством особого рода»¹.

Как заметил А.С. Александров, «право – это текст закона, проинтерпретированный Конституционным Судом РФ... Судебный дискурс подобно течению реки вымывает старый смысл из текста закона и привносит с собой новые смыслы; иногда он (дискурс) прокладывает новое русло для права, вопреки воле законодателя... Не будет ошибкой сказать, что единственно правильного смысла у текста вообще нет... Определенность права есть временное состояние, есть результат победы какой-то интерпретации над другими – в данном случае, в данное время. Но эта победа временная»².

Таким образом, юридическая сила постановлений о толковании Конституции России, превышая юридическую силу любого закона, нередко практически приравнивается к юридической силе Конституции России, которая не должна применяться в отрыве от них и тем более вопреки: «Любое толкование высшего закона страны, которое дается Конституционным Судом Российской Федерации в его правовых позициях, имеет конституционную силу»³.

Согласимся с мнением К.В. Ображиева о том, что в основу разграничения интерпретационности и нормативности актов Конституционного Суда Российской Федерации должны быть положены две взаимосвязанные категории: общеобязательность актов Конституционного Суда Российской Федерации и

¹ Пугачев А. Н. Судебный конституционный контроль. Новополюск. 2009. С. 160.

² Александров А. С. Интерпретация и право // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург. 30-31 октября. 2009 г. 2010. С. 10-12.

³ Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 5-6.

«нормативная новизна»¹. Толкование правовой нормы подразумевает «уяснение, раскрытие ее смысла, а результатом толкования являются знания о норме права, причем такие, которые с необходимостью следуют из толкуемого законодательного предписания»². То есть вывод о содержании нормы должен быть единственно возможным. По этой причине пределом толкования является последнее значение, которое возможно с однозначностью вынести из нормы – так называемое «золотое правило толкования»³. Тогда когда грамматический, логический, систематический, исторический, историко-политический телеологический (целевой), специально-юридический и иные известные приемы толкования не позволяют дать однозначный ответ о содержании нормы, возможности толкования исчерпаны. Такие разъяснения расширяют знания о правовых нормах, но не вносят в них нормативную новизну, то есть не создают новых нормативных предписаний⁴. Потому А.Ф. Черданцев подчеркнул, что при выведении одних норм из других важно, чтобы выводимая норма логически следовала из толкуемой нормы, иначе интерпретация превращается в правотворчество⁵.

Как заметил профессор С.А. Авакьян, «логика толкования обусловлена тем, что есть неопределенность норм. Но так уж получилось, что толкование стало не столько способом уяснения содержания и смысла норм, сколько именно средством восполнения норм»⁶.

Данный критерий разграничения официального толкования Конституции Российской Федерации и правотворческой деятельности позволил А.В. Мадьяровой сделать выводы, которые имеют принципиальное значение для

¹ Ображиев К. В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 100.

² Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 42-43.

³ Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. С-Пб, 2002. С. 54.

⁴ См.: Ображиев К. В. Судебное толкование и судебное нормотворчество : проблемы соотношения // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 100-101.

⁵ См.: Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 42-43.

⁶ Авакьян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 4.

разрешения вопроса о возможности признания за частью решений Конституционного Суда России статуса источника российского права:

1. Возможности толкования исчерпаны, если известные приемы толкования не дают однозначного ответа о содержании правовой нормы, которая имеет несколько равнозначных вариантов ее понимания и применения. «Выбор одного из нескольких возможных истолкований нормы права есть... праворазвивающее, нормативно-преобразовательное решение, связанное с выбором одного из нескольких законных вариантов правового регулирования... Выбор одного из таких смыслов представляет собой моделирование желаемого правового решения, а не раскрывает смысла нормы»¹. То есть постановления Конституционного Суда Российской Федерации, обязательные по своей природе, в которых устраняется смысловая неопределенность законов путем выбора одного из нескольких возможных вариантов понимания конституционных норм, всегда имеют нормативную природу.

2. Следует отличать официальную интерпретацию правовых норм от их конкретизации, являющейся нормативной по своей природе. В процессе конкретизации правовых норм устанавливаются новые положения, которые развивают содержание существующих законодательных предписаний. Они создаются на основе существующих норм, но не являются очевидными, как это происходит при толковании: происходит внесение новых составляющих в правовое регулирование, то есть возникает нормативная новизна². Установленные в решениях Конституционного Суда Российской Федерации общеобязательные положения, которые конкретизируют существующие правовые нормы и обладают нормативной новизной, приобретают правотворческий характер.

Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1995 г. № 15-П «По делу о толковании части 2 ст. 137 Конституции

¹ См.: Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. С-Пб, 2002. С. 55-56.

² Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. С-Пб, 2002. С. 50.

Российской Федерации»¹ была определена форма правового акта – указ Президента России, необходимая для включения в содержание ст. 65 Конституции Российской Федерации изменений наименований субъектов России. Не было учтено применение по аналогии ч. 1 ст. 137 Конституции России, согласно которой федеральным конституционным законом, а не указом Президента России, необходимо вносить изменения в вышеуказанную статью Конституции России.

Как отметил В.В. Лазарев, акты Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенные в условиях пробела в законодательстве или его конкретизации, содержат правовые позиции, которые отвечают всем признакам права в случае, если под правом понимается любое нормативное руководство для субъекта правоотношений, носящее официальный характер, а потому пользующееся в этом обществе официальной защитой со стороны государства как обязательное: «Форма выражения названного руководства суть источник права»².

Таким образом, в рамках реализации полномочий Конституционного Суда Российской Федерации осуществлять официальное толкование Конституции Российской Федерации; обязательное истолкование нормативных правовых актов или их части, являющихся предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации проявляется правотворческая функция Конституционного Суда Российской Федерации в рамках «позитивного законодательствования», а соответствующие решения Конституционного Суда Российской Федерации приобретают нормативность. При этом, на наш взгляд, «нормативная новизна» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации имеет место не только в случае «позитивного», но и «негативного» законодательствования, поскольку и в тех, и в других случаях «происходит внесение новых составляющих в правовое регулирование»³.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 49. Ст. 4868.

² Лазарев В. В. Лоббизм в конституционном производстве // Мир политики и социологии. 2016. № 1. С. 29.

³ Мадьярова А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. С-Пб, 2002. С. 50.

Рассмотрим теоретическую конструкцию, в которой решения Конституционного Суда Российской Федерации не обладали бы нормативностью¹. В Конституции Российской Федерации должна быть исключена ч. 5 ст. 125 об официальном толковании Конституционным Судом Российской Федерации Конституции Российской Федерации – данная функция может принадлежать только правотворческому органу с учетом того, что Конституционный Суд Российской Федерации дает, в том числе, и расширительное толкование Конституции Российской Федерации (несмотря на многочисленные дискуссии о его возможности и допустимости), тем самым создавая новые нормы права, поскольку его решения общеобязательны, окончательны и обжалованию не подлежат.

Такая практика, вопреки своей обоснованной спорности, имеет место в ряде стран, например, в Республике Беларусь. Применительно к Конституционному Суду Республики Беларусь толкование конституционных норм рассматривается лишь как «основной метод, применяемый при разрешении дел и как важнейшая стадия конституционного процесса, но отнюдь не один из видов деятельности, прямо предусмотренный законодателем для данного института»². Это обязательное условие, при несоблюдении которого, решения Конституционного Суда Российской Федерации будут обладать статусом источника российского права.

Должна также быть исключена из ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации норма о том, что «акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу». Такой юридической силой может обладать только источник права, так как из правового пространства государства своим решением в этом случае исключает (еще до отмены соответствующим государственным органом или должностным лицом) признанную неконституционной норму именно Конституционный Суд Российской Федерации. И в случае применения судом нормы, признанной

¹ См.: Александрова М. А. Путь разрешения многолетнего спора о юридическом статусе решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник НовГУ. 2014. № 83. С. 60-63.

² Пугачев А. Н. Судебный конституционный контроль. Новополоцк, 2009. С.101.

неконституционной, но не отмененной еще в установленном порядке, заинтересованная сторона может обжаловать решение суда, ссылаясь на соответствующее решение Конституционного Суда Российской Федерации как источник права.

Аналогичные нормы, в соответствии с Конституцией Российской Федерации и на основании ее норм, в этом случае должны были бы быть и в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также во всех иных нормативных правовых актах России, регулирующих деятельность Конституционного Суда Российской Федерации, а также определяющих юридическую силу его решений.

Из Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» должны были быть также исключены нормы о таких видах решений как постановления о соответствии Конституции России нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом истолковании и о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. В первом случае Конституционный Суд Российской Федерации выполняет правотворческую функцию, изменяя понимание нормы, выбирая один из нескольких возможных вариантов, исключая остальные, или давая совершенно новое ее истолкование; во втором же его решением обязательные для России истолкования Европейским Судом по правам человека Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» и протоколов к ней утрачивают силу, что также нормативно.

Конкретные судебные решения, вступившие в законную силу, могли бы быть пересмотрены в предусмотренных законом случаях лишь ввиду изменений, которые были бы внесены в соответствующие нормативные правовые акты принявшими их государственными органами и должностными лицами на основании решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Это сложный и не менее неоднозначный путь для конституционного судопроизводства и конституционной юстиции в целом, возможно, даже

теряющий заложенный изначально в него смысл. Но только в этом случае не осталось бы юридических оснований для отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации к источникам российского права, в связи с отсутствием в них признаков нормативности.

Таким образом, в настоящее время реализация следующих полномочий Конституционного Суда Российской Федерации влечет принятие им решений, обладающих, как следствие, нормативностью: признания нормативного правового акта или его части не соответствующими Конституции Российской Федерации; признания невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией Российской Федерации решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека; официального толкования Конституции Российской Федерации; обязательного истолкования нормативных правовых актов или их части, являющихся предметом жалобы или обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

1.3. Статус решений Конституционного Суда Российской Федерации

Признавая за решениями Конституционного Суда России или их частью статус источника российского права, необходимо определять вместе с тем к какому именно уже объективно существующему источнику права их можно отнести. В случае, если сделать это будет невозможно, следует вывод о том, что решения Конституционного Суда России должны быть признаны самостоятельным источником российского права, наряду с уже существующими. Акты Конституционного Суда Российской Федерации правоведа, видящие в них источник российского права, чаще всего определяют как разновидность судебного прецедента, нормативного правового акта или правовой доктрины.

Поскольку по вопросу того, какие именно решения Конституционного Суда России следует относить к источникам российского права, также нет единой позиции ученых – часть из них к ним относит, например, и определения с «позитивным» содержанием, другие выделяют в этом качестве только некоторые виды постановлений Конституционного Суда Российской Федерации – в данном параграфе используется общий термин «решения» Конституционного Суда Российской Федерации.

На сегодняшний день в научной литературе аналогию между решениями Конституционного Суда Российской Федерации и судебным прецедентом проводят В.Д. Зорькин, Б.Н. Топорнин, Н.Л. Гранат, Р.З. Лившиц, С.В. Поленина, В.А. Туманов, В.М. Жуйков, Л.В. Смирнов, А.Б. Дорохова, В.С. Белых, М.Н. Марченко, А.А. Иванов, И.О. Шиткина¹ и другие правоведы.

Необходимо заметить, что многими из них эта аналогия проводится в отношении не только решений Конституционного Суда Российской Федерации, но и судебной практики в целом: «В последние годы, – пишет В.Д. Зорькин, – мы наблюдаем крайне интересное явление трансформации судебной роли и функции в процессе правотворчества. Это явление еще предстоит осмыслить в контексте привычных правовых подходов и категорий, однако его уже невозможно отрицать и игнорировать. Речь идет о наделении судебных актов высших национальных судов, а также наднациональных судебных органов так называемым прецедентным значением»².

Совершенно определенно о характере и роли судебной практики в России было сказано еще в 2010 году Председателем Высшего Арбитражного Суда

¹ См.: Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 161; Топорнин Б. Конституционный Суд РФ – эффективный фактор развития права // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 35; Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 6-12; Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994. С. 110; Поленина С. В. Законодательство в Российской Федерации М., 1996, С. 86; Туманов В. А. Пять лет конституционной юстиции в России : уроки, проблемы, перспективы // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 6. С. 11-12; Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. С. 23; Смирнов Л. В. Деятельность судов Российской Федерации как источник права // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 52; Дорохова А. Б. Роль судебного прецедента в правовой системе (сравнительно-правовой анализ) : дис.... канд. юрид. наук. М., 2001; Белых В. С. Судебный прецедент как источник правового регулирования : спорные вопросы теории и практики // Закон. 2012. № 5. С. 185-191; Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 385; Интервью с председателем Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Ивановым // Законодательство. 2010. № 1. С. 8; Шиткина И. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 77.

² Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 335.

Российской Федерации А.А. Ивановым: «Есть все основания для придания судебным актам прецедентного характера, который развивался в судебной системе последние двадцать лет»¹. На выступлении в третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации он заметил, что российская судебная система движется в сторону окончательного перехода к прецедентному праву².

В.Ф. Яковлев, поддерживая определение судебной практики в качестве источника права, настаивает на том, что при применении нового гражданского законодательства в Российской Федерации необходимо оперативно отвечать на те вопросы, которые остро ставятся практикой, а законодатель не успевает давать на них ответы³. Создание судом правовой нормы – это доказательство отсутствия любого другого источника права⁴. В.М. Жуйков в этой связи отмечает, что отказ от подобного «вынужденного» правотворчества может привести к уменьшению эффективности деятельности суда и, как следствие, утрате доверия к нему со стороны населения⁵. Аналогичной позиции придерживается и И.В. Решетникова: «сфера гражданско-правовых отношений обречена быть прецедентной, поскольку за определенными рамками конкретизации закон рискует превратиться в трудно понимаемый даже специалистами свод казусов»⁶.

По мнению Председателя Верховного Суда России В.М. Лебедева, законодательно-нормативный путь формирования российского права не должен исключать возможность развития прецедентного права⁷. Председателем

¹ Интервью с председателем Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Ивановым // Законодательство. 2010. № 1. С. 8.

² Выступление Председателя ВАС РФ А. А. Иванова на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 г. «Речь о прецеденте» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/info/Reading/Pages/ThirdReading.aspx>

³ Яковлев В. Ф. О ходе реализации Федеральной целевой программы развития судебной системы России на 2002-2006 годы, итогах работы в 2002 году и новых задачах системы арбитражных судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 4. С. 16.

⁴ См.: Васильева Т. А. Понятие и признаки судебного прецедента как источника права // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. С. 294-296.

⁵ Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 16.

⁶ Решетникова И. В. Судебная реформа в сфере гражданской юрисдикции // Хозяйство и право. 1997. № 3. С. 67.

⁷ Лебедев В. М. Судебная власть в современной России : проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 214.

Высшего Арбитражного Суда, А.А. Ивановым, было отмечено, что судебное толкование требуется, в первую очередь в тех случаях, когда качество законов не является высоким: «через судебное толкование и обеспечивается правовая стабильность»¹.

Эта позиция весьма популярна среди правоведов. Так, И.М. Дивин замечает, что правовая система России переживает существенные изменения, а основные преобразования подразумевают среди прочего формальное (официальное) признание судебной практики в качестве источника права; неформальное закрепление и распространение в таком качестве она, на его взгляд, уже получила. «Думается, что именно смешанная правовая система, предполагающая синтез нормативных правовых актов и судебной практики как источников права, поможет наилучшим образом реализовать ключевое назначение права – универсального регулятора общественных отношений»².

Дискуссии по вопросу отнесения самих решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также его правовых позиций к судебным прецедентам ведутся также активно. Так, С. Авакьян приходит к выводу, что современная российская судебная власть, в первую очередь в лице Конституционного Суда Российской Федерации, фактически выполняет правотворческую функцию³. В.Д. Зорькин и Г.А. Гаджиев видят правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации как аналог того, что в английской доктрине называется *ratio desidentis*⁴, то есть «сущность, основание решения, непосредственно правовая норма, носящая обязательный характер»⁵.

¹ Колесов Ю. Интервью с председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Антоном Ивановым. Суды должны понимать истинную цель сделок [Электр. ресурс]. URL: <http://www.vremya.ru/2005/218/13/139704.html>

² Дивин И. М. Судебная практика как источник современного права России // Закон. 2011. № 4. С. 102.

³ См.: Авакьян С. А. Конституция России : природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 206-209.

⁴ Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : Сборник докладов. М., 1999. С. 109-111; Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4.

⁵ Варламова И. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : юридическая природа, техника выявления, проблемы имплементации в правовую систему // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) М., 2001. С. 142.

Имеют место и внедрения новых правовых категорий. Так, Н.А. Вересова предложила ввести понятие «конституционный прецедент» – «судебное решение, принимаемое в порядке конституционного судопроизводства специализированным органом конституционного контроля, характеризующееся наличием таких признаков, как общеобязательность, окончательность, непосредственное действие и непреодолимость, составная часть которого имеет нормативно-правовое значение, заключающееся в толковании конституционного акта»¹.

Суть дискуссии по вопросу возможности признания за решениями высших судебных инстанций статуса судебного прецедента в самом общем виде была сведена к следующему. Сторонниками этой позиции отмечалось, что решения высших судебных инстанций не только имеют интерпретационный характер, но и устанавливают новые правовые нормы². А.А. Иванов отметил несомненные достоинства прецедентной системы: «Это стабильность правовых позиций при эволюционировании, отсутствии резких, революционных изменений (что особенно важно для частноправовых отношений), последовательность развития права, соблюдение внутренней логики такого развития и, наконец, почти фотографическое отображение проблем практики, четкая реакция на них»³. Их оппоненты, напротив, продолжают придерживаться той позиции, что судом только толкуются, разъясняются существующие нормы и не могут создаваться новые, мотивируя это тем, что судебное правотворчество как противоречит принципу разделения властей, так и несовместимо с принципом законности⁴. Т.Г. Морщакова подчеркивает: «Вышестоящие судебные инстанции

¹ Вересова Н. А. Конституционный прецедент в странах романо-германской группы права // Власть. 2006. № 11. С. 79.

² См.: Жуйков В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 78-90; Михалева Н. В. Судебная практика судов общей юрисдикции как источник права (роль судебных постановлений по конкретным делам и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании и обеспечении единства судебной практики) // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 131-140; Богмацера, Э. В. Правотворческий процесс и роль в нем судебной практики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 206 с.

³ Выступление Председателя ВАС РФ А. А. Иванова на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года «Речь о прецеденте» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/info/Reading/Pages/ThirdReading.aspx>

⁴ См.: Нерсесянц В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000. С. 107-112; Петрушев В. А. Юридическая природа актов судебного толкования права //

стараясь "подравнять" суды прямыми указаниями. Причем они формулируются не как указание по исправлению решения по конкретному делу, что предусмотрено законом, а адресуются всей системе в целом. Этот способ налаживания вертикальных взаимоотношений в судебной системе, с моей точки зрения, никуда не годится»¹. Придерживаясь мнения о невозможности формирования в Российской Федерации нового источника права, В.В. Сорокин приходит к выводу о том, что возможно признание нормотворческого значения актов высшей судебной инстанции, принимаемых в переходный период, однако рассматриваться как самостоятельный источник российского права судебная практика не должна, так как только воспроизводит общепринятые положения правовой доктрины².

Также противники признания за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статуса судебного прецедента выделяют следующие признаки, отличающие их от последних³: «Отсутствие тождественности в процессе последующего применения рассматриваемого вида решений Конституционного Суда Российской Федерации – нет аналогичного применения права; решение Конституционного Суда Российской Федерации касается не только судов, но и всех правоприменителей; судебный прецедент, как правило, возникает в связи с рассмотрением конкретного дела, в то время как решения Конституционного Суда Российской Федерации о неконституционности изначально направлены на изменение совокупности правовых норм, регулирующих общественные отношения»⁴.

Имея отличную точку зрения по данному вопросу, М.Н. Марченко парирует: «В каждой национальной правовой системе и правовой семье имеют место свои особенности судейского права и, собственно, судебного прецедента,

Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 54; Гражданский процесс / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2007. С. 59.

¹ Морщакова Т. Г. Судебные недостатки // ЭЖ-Юрист. 2009. № 41. С. 4.

² Сорокин В. В. Судебная практика как источник права : за и против // Сибирский юридический вестник. 2002. № 3. С. 11.

³ См.: Александрова М. А. Правовой статус решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический мир. 2015. № 4. С. 10-14.

⁴ См.: Захаров В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права : дисс. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2004. С. 27, 28.

а нередко – свое собственное представление о том, что собой представляет судебный прецедент. Поэтому говорить о том, что российский прецедент должен быть точной копией, скажем, английского «классического» прецедента, безусловно, ошибочно, и опыт применения прецедента в разных странах убедительно доказывает это»¹. Также им было высказано мнение о том, что вопрос официального признания судебной практики как источника права – вопрос не только или не столько теории, сколько практики². Той же позиции придерживается И.О. Шиткина: «Прецедент в том смысле, в котором ему придается значение в странах общего права, не является источником права в России, однако, констатируя сложившиеся реалии, следует фактически признать судебную практику в форме выражаемых высшими судебными инстанциями правовых позиций в качестве источника российского права»³.

В современной литературе не без оснований часто отмечается, что отрицать значение прецедента как источника современного права – значит не замечать существенных изменений, происходящих в сфере правосудия⁴.

По мнению А.А. Иванова, «с точки зрения дихотомии «прецедент – не прецедент» российская судебная система находится где-то посередине, причем довольно давно. Окончательный переход к прецедентной системе – это правильное направление движения, потому что в такой системе много серьезных достоинств»⁵. При этом российское прецедентное право не может, да и не должно как капля воды повторять все черты англосаксонской системы⁶. Поэтому некоторыми авторами не совсем верным представляется указание на то, что судебный прецедент – это решение высшего судебного органа по конкретному делу, выступающее в последующем в качестве образца, а судебная практика есть

¹ Марченко М. Н. Судебный прецедент, разнообразие понятий и многообразие форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 106.

² Марченко М. Н. Источники права. М., 2005. С. 385.

³ Шиткина И. О признании судебной практики источником российского права // Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 77.

⁴ Прякина Т. М., Розанова Е. В. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2010. № 2. С. 83.

⁵ Выступление Председателя ВАС РФ А. А. Иванова на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года «Речь о прецеденте» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/info/Reading/Pages/ThirdReading.aspx>

⁶ Волпенко Н. Н. Источники и формы права. Волгоград, 2004. С. 72.

результат единообразного применения закона. Так, И.М. Дивин считает более корректным новый источник права именовать исключительно судебной практикой, а не прецедентом, поскольку именно практика есть тот обобщенный вывод, сформированный из нескольких прецедентов¹. С.Г. Павликов, в свою очередь, определяя решения Конституционного Суда Российской Федерации как судебный прецедент, заметил: «с учетом его формирования "высшей", а не "низовой" судебной инстанцией корректнее охарактеризовать его как "акт судебной власти"»². Некоторыми специалистами выражается сомнение в самой перспективности данного спора, так как в его основе лежит методологический тупик: одними правоведами успешно используются доводы юридической догматики, другими – юридической практики³. Разногласия возникают и по причине того, что на вопрос «что необходимо понимать под "судебным прецедентом?"», однозначного ответа нет, поскольку в каждой национальной правовой системе есть собственное понимание того, что он собой представляет.

Понятие «судебный прецедент» большинство ученых понимают как «решение суда по конкретному делу, создающее новую норму права и обязательное для судов при рассмотрении аналогичных дел»⁴. С латыни прецедент переводится как «предшествующий»⁵. Возникнув в рамках древнеримской правовой системы, свое развитие судебный прецедент приобрел в английском праве, в котором он сформировался как источник права в том классическом виде, в котором широко используется и поныне.

Судебный прецедент состоит из двух основных структурных частей. Первую представляет правовая позиция суда, высказанная по результатам рассмотрения конкретного дела и положенная в основу решения суда. Ее принято называть *ratio decidendi* – в переводе с латыни – решающий довод, аргумент. Вторую часть составляют доводы, которые обосновывают

¹ Дивин И. М. К вопросу о признании судебного прецедента источником права в отечественной правовой системе // Государство и право. 2013. № 9. С. 91.

² Павликов С. Г. О доктрине как источнике права // Государство и право. 2013. № 6. С. 25.

³ Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. С. 29.

⁴ Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. С.22-23.

⁵ См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 448-489.

необходимость принятия конкретного решения, указывая на важность и убедительность принятого решения. Эти доводы, не являясь обязательными, чаще всего рассматриваются как «попутно сказанные» (*obiter dictum*)¹. Высказывается мнение и о том, что «ни общее, ни частное начала, содержащиеся в императивном судебном акте, сами по себе не создают прецедента в отличии от сущности решения, то есть правовой нормы, заключенной в решении суда»².

Обязанность судьи соблюдать требования прецедентного права закреплена в доктрине прецедента. В ее основе лежат положения и принципы применения прецедента, которые были разработаны многовековой судебной английской практикой.

Главная особенность романо-германской правовой семьи, к которой многими учеными относится и правовая система Российской Федерации³, заключается в признании основным источником права нормативный правовой акт. Но поскольку в современной России существуют важные области права, в которых в силу разных причин отсутствует правовое регулирование или оно недостаточно, в научной литературе актуально мнение о том, что «это обстоятельство, а также неспособность законодателя вовремя поспевать за меняющейся действительностью являются движущей силой для развития судейского нормотворчества»⁴. Кроме того, не бесспорной является и сама позиция о принадлежности правовой системы Российской Федерации к романо-германской правовой семье⁵. Некоторые общие черты и взаимное сближение не означает их полного тождества или «вхождения» российской правовой системы в романо-германскую правовую семью⁶, также как и полного исключения прецедента из системы источников права этой правовой семьи.

¹ См.: Eddy K. *The English Legal System*. L., 1987. P. 129-130.

² Гаджиев Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // *Конституционное право : Восточноевропейское обозрение*. 1999. № 3(28). С. 92; См. также: Кросс Р. *Прецедент в английском праве*. М., 1985. С. 111.

³ См., напр.: Чиркин В. Е. *Элементы сравнительного государственоведения*. М., 1994. С.124.

⁴ Цвайгерт Л., Кетц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т: Т. 1. Основы*. М., 1998. С. 403.

⁵ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. *Основные правовые системы современности*. М., 1998. С. 112-115.

⁶ В научной литературе в связи с этим нередко происходит подмена понятий, касающихся «сходства» и «сближения» с понятиями, ассоциирующимися с «тождеством» и «вхождением».

Так, В.Н. Синюков и Т.В. Синюкова отметили, что «для российской юридической традиции характерны антирационализм, антиформализм правового мышления, обыденная слитность права и морали, невозможность их отдельного существования, господство архетипов народного правосудия, отсутствия автономии профессиональной юридической корпорации. В этом смысле русская правовая культура отрицает легализм и пуританизм западно-европейской правовой культуры... Стилистика российского правового архетипа диктует своеобразные подходы к устройству правосудия и судопроизводства: состязательный процесс в его романо-германском и, тем более, англо-американском виде абсолютно неадекватен российскому правосознанию: в русском представлении судить справедливо, значит решать не только "по делу", но и "по человеку", то есть с учетом личного положения сторон, и вынести такое решение, "чтобы никому не было обидно"»¹. Как писал И.Г. Оршанский, «по этой причине волостные суды в России стремились заканчивать гражданские дела миром: мировая сделка есть единственно нормальный исход процесса по народным понятиям»².

Несмотря на то, что Россия всегда была близка к странам романо-германской правовой семьи, как справедливо замечает О.П. Сауляк, направление развития национальной системы в рамках романо-германской правовой семьи раз и навсегда не predetermined³. Также важно отметить, что в настоящее время наблюдается следующая тенденция: в праве стран континентальной Европы ограничивается возможность судов отходить от «устоявшейся» судебной практики, а в странах «общего права» вышестоящие суды стремятся быть не связанными своими собственными решениями. Движение от судебного прецедента к прецедентам толкования стало сближать эти правовые семьи.

С середины XX века судебный прецедент как источник права стал пробивать себе дорогу и в российской правовой системе. Еще советской наукой

¹ Синюков В. Н., Синюкова Т. В. О типологической принадлежности российского права к евразийскому правовому пространству [Электр. ресурс]. URL: <http://www.enu.kz/repository/repository2014/o-tipologicheskoi-prinadlezhnosti.pdf>

² Оршанский И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному. С-Пб., 1879. 459 с.

³ Сауляк О. П. Правотворческий потенциал судебных актов // Администратор суда. 2009. № 3. С. 23.

предпринимались попытки рассмотреть судебный прецедент, в первую очередь руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР, в качестве источника права. Но на общетеоретическом уровне они представлялись недостаточно обоснованными или ошибочными¹.

В постсоветский период отношение к судебному прецеденту как источнику российского права изменилось. Но речь идет не об изменении официальной государственно-правовой доктрины и его правовом закреплении как источника права. Изменения возникли в связи с резким расширением сферы применения судебной практики с начала 90-х годов в связи с созданием Конституционного Суда Российской Федерации². Значительно изменилось, как следствие, и отношение к судебной практике у отечественных исследователей и практикующих юристов в сторону признания ее в качестве одного из источников российского права³. Существенную роль в этом сыграли порой неоднозначная практика Европейского Суда по правам человека и возможность Конституционного Суда России противостоять ей.

Конституционный Суд Российской Федерации нередко в своих постановлениях давал отсылочные нормы к постановлениям Европейского Суда по правам человека и подчеркивал, что они являются составной частью российской правовой системы в той мере, в которой ими производится толкование закрепленных в Конвенции прав и свобод⁴ и в которой в них выражены общепризнанные принципы и нормы международного права⁵.

Но российскими правоприменителями европейские подходы и критерии оценки нередко не воспринимались должным образом в силу сложившихся

¹ См., например: Социалистическое право / Под ред. В. С. Гулиева. М., 1973. С. 325; Зивс С. Л. Источники права. М., 1981. С. 177-192.

² См.: Александрова М. А. Конституционный Суд Российской Федерации как современная модель конституционного правосудия // Российский судья. 2010. № 3. С. 21-25.

³ См., напр.: Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 15; Гурова Т. В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права России // Атриум. 1997. № 3. С. 6-9.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации с связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

⁵ См.: Зорькин В. Д. Интеграция европейского конституционного пространства : вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 19.

исторических и культурных предпосылок, а также приверженности к легистскому правопониманию¹. Есть также мнение о подверженности отечественных правоприменителей «туннельному зрению»².

Так, Постановлением Европейского Суда по правам человека было признано наличие дискриминации заявителя и нарушение его конвенционных прав в связи с отказом ему как мужчине-военнослужащему в предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им трехлетнего возраста, в то время как для женщин-военнослужащих такая возможность национальным законодательством предусмотрена³. До принятия вышеуказанного решения Конституционный Суд России в Определении от 15 января 2009 года № 187-О-О⁴ отказал гражданину К.А. Маркину в принятии к рассмотрению его жалобы. Было констатировано, что такое правовое регулирование не нарушает конституционно-установленного принципа равенства прав и свобод человека.

В.Д. Зорькин, заметил: «Принципы государственного суверенитета и верховенства Конституции в правовой системе России относятся к основам ее конституционного строя. Конвенция как международный договор России является составной частью ее правовой системы, но она не выше Конституции... Монополия на истолкование положений Конституции и выявление конституционного смысла принадлежит Конституционному Суду. И поэтому истолкование Конституции, данное высшим судебным органом государства, не может быть преодолено путем толкования Конвенции, поскольку ее юридическая сила все-таки юридическую силу Конституции не превосходит...»⁵. Кроме того, им было обращено внимание на то, что Европейским Судом нередко даются такие разъяснения конвенционных норм, которые ее разработчики не

¹ О легизме см.: Ершов В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права // Российское правосудие. 2011. № 12. С. 5-16.

² См., например: Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

⁴ Документ опубликован не был [Электр. ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690938/#1690938>

⁵ Зорькин В. Д. Предел уступчивости. Российская газета. 2010. 29 октября.

могли бы себе даже представить, поскольку им осуществляется так называемое эволюционное толкование¹.

Фактически эта позиция была поддержана законодателем и Президентом России. Через три года Федеральным конституционным законом от 04 июня 2014 г. № 9-ФКЗ² в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» были внесены изменения, на основании которых справедливость решения Европейского Суда по правам человека на законных основаниях сегодня может быть подвергнута сомнению. Если субъект, обладающий правом обращения в Конституционный Суд России, допускает, что норма является подлежащей действию вопреки официально принятому постановлению Европейского Суда по правам человека, окончательное решение по данному вопросу выносит Конституционный Суд России. В этом случае вопрос конституционности нормативного правового акта или его части может рассматриваться как впервые, так и повторно. Правовая логика нововведений заключается в том, что «вынесение в таких случаях судом общей юрисдикции решения по результатам рассмотрения заявления о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения без предварительного обращения в Конституционный Суд Российской Федерации означало бы, что в практике судов общей юрисдикции допускается возможность различной оценки конституционности одних и тех же законоположений и тем самым ставится под сомнение верховенство Конституции Российской Федерации»³.

14 июля 2015 г. Конституционный Суд России вынес Постановление № 21-П, в правовых позициях которого конкретизировал эти новеллы: «Постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором

¹ См.: Зорькин В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5. С. 1-12.

² Федеральный конституционный закон от 04 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

³ Фоков А. П. Конституционный Суд РФ : правовые позиции о способе реализации решений Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 2. С.8.

основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств»¹.

Было обращено также внимание на то, что согласно п. 1 ст. 46 Венской конвенции «О праве международных договоров»², государство вправе не исполнять отдельные положения международного договора в случае, если обязательность этих норм «была выражена в нарушение того или иного положения его внутреннего права, имеющего особо важное значение». Таковыми являются, в том числе, положения глав 1 и 2 Конституции России. Их изменение допустимо исключительно путем принятия новой Конституции России. Речь в этом случае идет не о действительности или недействительности для Российской Федерации международного договора, а о невозможности соблюдения обязательств о применении его отдельной нормы в истолковании уполномоченного на то межгосударственного органа в рамках рассмотрения конкретного дела³. Таким образом, «гармонизация российского права с конвенционным допустима лишь постольку, поскольку она не порождает противоречий с Конституцией РФ»⁴.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 30. Ст. 4658.

² Венская конвенция «О праве международных договоров» от 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

³ См.: Александрова М. А. Решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека : проблема приоритета // Российский судья. 2017. № 7. С. 50-54.

⁴ Виноградова П. А. Порядок разрешения коллизий конституционного и конвенционного толкования // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 32.

Это решение Конституционного Суда Российской Федерации в западных средствах массовой информации было подвергнуто крайне жесткой критике¹ и «воспринято чуть ли не как первый шаг на пути выхода России из Совета Европы посредством систематического невыполнения государством (в особенности российскими судами) решений ЕСПЧ»². С другой же стороны, оно стало «свидетельством приоритета правовых позиций Конституционного Суда РФ над правовыми позициями ЕСПЧ»³.

Как заметил В.Д. Зорькин, «России, равно как и другим странам, надо опираться в своих дальнейших действиях именно на германский прецедент. И потому, что он конструктивен, поскольку опирается на конституционный принцип государственного суверенитета и принцип верховенства Конституции в системе нормативных правовых актов государства, и потому, что никто никогда не посмеет назвать решение германского Конституционного суда – одного из самых авторитетных и гибких конституционных судов в мире – оголтелым, экстремистским, архаичным, реакционным и так далее»⁴. Основной закон Германии, как и России, является высшим источником права в государстве. «Аналогичным образом дело обстоит в Австрии, Северной Ирландии, Италии, Великобритании. Следовательно, Конституция РФ, развивая отечественный опыт взаимодействия национального и международного права, учитывает практику конституционного регулирования других стран»⁵.

Как результат, Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» от 14 декабря 2015 г.⁶ ввел новую главу XIII.1:

¹ Hans J. Moskau will Urteile umgehen [Электр. ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/russland-im-namen-moskaus-1.2565368>

² См., напр.: Бланкенагель А., Левин И. Г. В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека [Электр. ресурс]. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=6726>; Hans J. Moskau will Urteile umgehen. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/russland-im-namen-moskaus-1.2565368>

³ Баглаева Е. Е. Некоторые проблемы применения судебных правовых позиций, подлежащих обязательному учету // Адвокат. № 3. 2016. С. 37.

⁴ Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 октября. С. 11.

⁵ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография. М. 2016. С. 68.

⁶ Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» от 14 декабря 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.

«Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека», предусматривающий этот механизм.

Так, 19 января 2017 года Постановлением от 19 января 2017 г. № 1-П¹ Конституционный Суд России признал невозможным исполнение в соответствии с Конституцией России известного постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России». В обосновании своего решения Конституционный Суд России указал на приоритет конституционных норм, которые будут нарушены в случае исполнения постановления Европейского Суда по правам человека.

Вызывают интерес результаты социологического исследования, проведенного профессором С.В. Бошно² в 2007 году. Задан был следующий вопрос: «Как вы полагаете, могла бы Российская Федерация в законодательстве признать прецедентную модель правовой системы?» Результат оказался следующим: 28,5% респондентов-судей ответили положительно, 46,7% – отрицательно, из них 5,8% посчитали данный опыт несвойственным отечественной правовой системе. Более ранний опрос судей в 2000 году показывал иные результаты: 52% судей поддерживали введение в Российской Федерации прецедентного права; 30% были против такого введения³.

На наш взгляд, несмотря на общие свойства решений Конституционного Суда Российской Федерации с судебными прецедентами, отождествлять их с ними было бы неправильно по следующим причинам:

– судебный прецедент – «решение суда по конкретному делу, которое служит образцом для принятия в будущем решений по другим делам, возникшим в связи с аналогичными фактическими обстоятельствами»⁴. Это определение классического прецедента. Российское законодательство не раскрывает официально данное понятие, а потому считаем целесообразным в

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 5. Ст. 866.

² Бошно С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) // Государство и право. 2007. № 4. С. 74.

³ Опрос проводился на V Всероссийском съезде судей 27-29 ноября 2000 года. См.: Гук П. А. Судебный прецедент: теория и практика. М., 2009. С. 38.

⁴ Конституционное право. Энциклопедический словарь. Отв. ред. С. А. Авакьян. М., 2000. С. 569.

сравнительном анализе отталкиваться именно от классического образца. Судебное решение, становящееся прецедентом, является обязательным, как правило, для судов, рассматривающих аналогичные дела, обладающие одинаковой подсудностью. На федеральном уровне в России функционирует только один конституционный суд. Подсудные ему дела не рассматривает ни один другой суд. Сам Конституционный Суд Российской Федерации своими правовыми позициями законодательно не связан. Конституционный Суд Российской Федерации не выносит решения «по конкретному делу» – он полномочен лишь проверять конституционность закона, подлежащего применению или примененного в конкретном деле;

– решения Конституционного Суда Российской Федерации не могут заменять законы при разрешении конкретных дел, и только ими не обосновываются решения судов. Суды при вынесении решения в первую очередь должны дать ссылку на нормативный правовой акт, только лишь затем, при необходимости, на соответствующее постановление Конституционного Суда Российской Федерации. Также в случае, если решением Конституционного Суда России нормативный акт или его часть признаны неконституционными, до принятия нового нормативного акта применяется непосредственно Конституция России;

– судебный прецедент действует только в системе судов; а «решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории России для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»¹. Все соответствующие органы и должностные лица должны, самостоятельно отслеживая решения Конституционного Суда Российской Федерации, вносить изменения в аналогичные признанному неконституционным акты.

¹ Ст. 6 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июня 1994 г.

Неверно было бы сводить решения Конституционного Суда Российской Федерации и к преюдиции, которая понимается как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу»¹. Акт Конституционного Суда Российской Федерации правовой преюдицией являться не может, поскольку в российском процессуальном законодательстве применение преюдиции непосредственно связывается с субъектным составом участников судопроизводства, который должен совпадать.

Как своеобразные нормативные правовые акты решения Конституционного Суда Российской Федерации определяют такие ученые-правоведы как В.А. Сивицкий, Е.Ю. Терюкова, Н.В. Селезнев, А.Е. Козлов, А.В. Кузьменко, И.Ю. Остапович² и другие.

Нормативные правовые акты в современном мире являются одним из основных и наиболее совершенных видов источников права – «документы, принимаемые компетентными органами в определенном порядке, устанавливающие, изменяющие или отменяющие нормы права, а также вводящие их в действие»³; «акты, содержащие нормы права и принятые в особом порядке государственными органами или уполномоченными государством лицами»⁴. Важно отметить, что такое понятие, например, как «закон» предполагает его нормативный характер вне зависимости от того, содержится в нем норма права в виде правила поведения как таковая или нет. Он может лишь вводить в действие закон или признавать утратившим силу нормативный акт.

¹ Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2003. С. 657.

² См.: Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75; Селезнев Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. М., 1998. С. 20; Конституционное право / Отв. ред. А. Е. Козлов. М., 1996. С. 14; Кузьменко А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 247; Остапович И. Ю. О нормативности решений органов конституционного контроля в Российской Федерации // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия : Право. 2015. № 2 (21). С. 37-48.

³ Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 9.

⁴ Теория государства и права / Под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 289.

В.А. Сивицкий и Е.Ю. Терюкова¹ по этой причине определили нормативный правовой акт как «правовой акт, содержащий, устанавливающий, отменяющий, изменяющий нормы или сферу их действия». При неисполнении велений, содержащихся в нормативных правовых актах, наступают уголовно-правовые, гражданско-правовые и иные юридические последствия.

Система нормативных правовых актов в каждом государстве определяется конституцией и изданными на ее основе законами. Ими же определяется порядок издания, изменения и отмены нормативно-правовых актов; органы, правомочные принимать тот или иной нормативный акт². Конституция Российской Федерации предусматривает высший представительный и законодательный орган России – Федеральное Собрание Российской Федерации. Им принимаются законы и постановления; Президент России, как глава государства, издает указы и распоряжения; Правительство России издает постановления и распоряжения; субъекты Российской Федерации принимают «законы и иные нормативные правовые акты». Нормативные акты по своей юридической силе подразделяются на законы и подзаконные акты. Высшая юридическая сила законов выражается в том, что все остальные нормативные правовые акты должны исходить из законов, соответствуя им, а в случаях их противоречия действовать будет закон; никто не вправе отменить или изменить закон, кроме того органа, который его создал.

На взгляд А.В. Кузьменко, акты судебного толкования это есть не что иное, как особая разновидность нормативных актов государства – судебные нормативные правовые акты, имеющие подзаконный характер³: «...Эти нормы имеют подзаконный характер, поскольку их основанием выступают те или иные нормы закона или положения более высокого порядка (конституционные нормы, принципы права различных уровней, нормы и принципы международного

¹ Сивицкий В. А., Терюкова Е. Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75.

² Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2005. С. 501.

³ Кузьменко А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 247.

права)... их существенной особенностью является также то, что срок их действия во времени, а также само содержание сформулированных в результате толкования норм полностью зависят от соответствующих норм закона»¹. А.В. Кузьменко также солидарен с замечанием С.А. Иванова о том, что «судебное постановление должно оставаться источником права до тех пор, пока законодатель либо подтвердит его, приняв аналогичную норму, либо изменит, либо вообще отвергнет, ибо приоритет принадлежит законодателю»².

Ряд европейских стран официально, на законодательном уровне признал за решениями конституционных судов статус нормативных правовых актов. Это, несомненно, способствовало более эффективному исполнению решений конституционных судов³. В Литовской Республике пошли по немецкому пути, на официальном уровне признав за итоговыми решениями Конституционного Суда Литвы юридическую силу закона: ст. 72 Закона Литовской Республики от 3 февраля 1993 г. «О Конституционном Суде Литовской Республики» устанавливает, что постановления Конституционного Суда Литвы имеют силу закона и являются обязательными для всех инстанций власти, судов, всех предприятий, учреждений и организаций, должностных лиц и граждан.

По своей сути часть решений Конституционного Суда Российской Федерации (органа государственной власти) схожа с нормативными правовыми актами. Так, в результате признания Конституционным Судом Российской Федерации в определенном порядке нормативного акта или его части неконституционным, он утрачивает силу и не подлежит применению, несмотря на то, что формально отменяет его соответствующий государственный орган или должностное лицо; решение Конституционного Суда России является обязательным для применения и исполнения неопределенным кругом лиц и рассчитано на неоднократное применение; Федеральным конституционным

¹ Кузьменко А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 2. С. 247.

² Иванов С. А. Судебные постановления как источник трудового права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 27.

³ См.: Митюков М. А. Конституционные суды постсоветских государств : проблемы исполнения решений // Конституционное право : Восточноевропейское обозрение. 2002. № 3 (40). С. 70-76.

законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. (ст. 81) предусмотрена также ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда России.

Толкуя некоторые положения Конституции России, Конституционный Суд Российской Федерации нередко фактически заменял законодателя. Например, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации»¹ впервые был назван новый вид законов – «законы о поправках к Конституции Российской Федерации». Впоследствии был принят Федеральный закон от 04 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации»², в котором были закреплены процедурные особенности принятия и вступления в силу таких актов. Таким образом Конституционным Судом Российской Федерации в этом случае была использована функция толкования «в гораздо больших пределах, чем это определено самим техническим назначением толкования юридических норм»³.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации способствовали построению иерархической системы источников права и определению в ней места федерального закона. Например, Конституционный Суд России подтвердил право Президента России в отсутствие федерального закона издавать указы по вопросам, которые должны регулироваться на уровне федерального закона⁴. Конституционным Судом Российской Федерации было также определено⁵, что постановления Государственной Думы об амнистии имеют

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4408.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

³ Белкин А. Е. Текстуально-правовые конфликты в Конституции Российской Федерации 1993 г. и проблемы их преодоления // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. М., 1998. С. 31.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1996 г. № 11-П. «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 "О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации" и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 2320.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 июля 2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов" в связи с

«особую юридическую природу, а в системе действующих нормативных правовых актов по своему уровню и материально-правовому содержанию такие постановления могут быть приравнены только к принимаемым Государственной Думой законам». По причине отсутствия закона об общих условиях осуществления амнистии именно нормативные предписания, которые содержатся в постановлениях об амнистии, должны выполнять эту функцию, учитывая, что принятие законов по вопросам амнистии, не предусмотрено Конституцией России в качестве обязательного. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации обосновал право восполнения Государственной Думой пробелов в законодательном регулировании постановлениями об объявлении амнистии, тем самым приравняв эти акты к юридической силе федерального закона.

Конституционным Судом Российской Федерации фактически создаются нормы права и при толковании нормативных правовых актов на предмет их соответствия Конституции России, когда заложенная в них идея законодателя не достаточно ясна или может толковаться двояко. Так, Конституционный Суд Российской Федерации расширил круг субъектов, которые имеют право на обращение в Конституционный Суд России: категория «граждане» была им истолкована, не как граждане России, но также и как иностранные граждане и лица без гражданства¹; категория «объединение граждан» – как в том числе юридические лица². До 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации отказывал в принятии к рассмотрению конституционных жалоб органов местного самоуправления, так как, по его мнению, они имели иную, отличную от объединения граждан, правовую природу: возникая в силу предписания закона,

запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 3059.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. «По делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. "О правовом положении иностранных граждан в СССР" в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 9. Ст. 1142.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 г. «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года "О внесении изменений в закон Российской Федерации "Об акцизах"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5202.

а не на основании волеизъявления граждан, осуществляют публично-властные функции, являясь конституционно закрепленным, обязательным элементом структуры публичной власти в России, а не добровольной формой объединения граждан для решения частных задач. Ситуация изменилась с принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 02 апреля 2002 г.¹. Не комментируя свои предыдущие выводы, он установил: «...не исключается защита средствами конституционного правосудия прав муниципальных образований как территориальных объединений граждан, коллективно реализующих на основании Конституции Российской Федерации право на осуществление местного самоуправления».

Общеобязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации обусловила постановку вопроса о возможности их признания источником российского права². На сегодняшний день в России нет закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации». Ни один другой российский законодательный акт не содержит прямого указания на то, что акты конституционного правосудия или их часть относятся к источникам российского права. Разделы российских кодексов о законодательстве соответствующей отрасли права также не упоминают о решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Тогда как, например, в Гражданском Кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г.³ таким источникам права как обычаи и нормы международного права посвящены отдельные статьи – ст. 5 и ст. 7 в Гл. 1 «Гражданское законодательство».

Еще в 1992 г. ученые А.С. Пиголкин, И.Ф. Казьмин, Т.Н. Рахманина предложили инициативный проект Закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации». Ст. 2 предложенного Закона, в которой перечислялись

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. Ст. 1374.

² См, напр.: Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. Решения и правовые позиции конституционных судов. 2-е изд. М., 2005. С. 126.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

виды нормативно-правовых актов Российской Федерации, не содержала указания на акты Конституционного Суда России. Не фигурировал Конституционный Суд России и среди органов, правомочных издавать нормативно-правовые акты¹. Позднее, в 1996 г., уже в проекте федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» содержалось указание на наличие в Российской Федерации таких нормативных правовых актов, как нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Большинство ученых сходятся во мнении, что работу над данным законопроектом необходимо возобновить. 26 января 2015 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации состоялся круглый стол на тему «Актуальные проблемы правотворчества и проект федерального закона "О нормативных правовых актах в Российской Федерации"». Она обсуждалась представителями научных и учебных учреждений, федеральных органов государственной власти, общественных организаций и объединений бизнеса². Но на сегодняшний день этот вопрос остается все еще открытым.

Интересно, что в последней редакции вышеуказанного проекта (ст. 2) решения Конституционного суда Российской Федерации не отнесены к нормативным правовым актам: «Правовой акт или его часть, вносящий изменения в нормативный правовой акт, а также прекращающий его действие, принятый в порядке выполнения контрольных (надзорных) функций, не является нормативным правовым актом»³. В дополнение в п. 4 ст. 58 указывается, что «юридическая сила официального толкования (разъяснения) нормативных правовых актов, предоставляемых Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, определяется федеральными конституционными законами»⁴.

¹ См.: Пиголкин А. С., Казьмин И. Ф., Рахманина Т. Н. Инициативный проект Закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» // Государство и право. 1992. № 7. С. 76-86.

² См.: Павлушкин А. В., Павловский А. С. Современное правотворчество: новые возможности для общества и государства // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 146-154.

³ [Электр. ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=127365>

⁴ [Электр. ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=127365>

В научной литературе существует мнение, что по своей юридической силе акты аутентичного и судебного толкования не отличаются¹. Данная позиция нашла свое отражение, например, в ст. 2 Закона Свердловской области «О правовых актах в Свердловской области» от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ, где закреплен в качестве нормативного правового акта и акт толкования: «нормативный правовой акт – это правовой акт, содержащий нормы права (рассчитанные на многократное применение правила поведения, устанавливающие, изменяющие или прекращающие права, обязанности, ответственность персонально неопределенного круга лиц и (или) предусматривающие утверждение, введение в действие, толкование, приостановление либо признание утратившим силу нормативного правового акта)»². В ст. 3 Закона Республики Дагестан от 16 апреля 1997 г. № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан»³ указано, что к нормативным правовым актам относятся и «нормативные постановления Конституционного Суда Республики Дагестан». К сожалению, само понятие нормативных постановлений Конституционного Суда Республики Дагестан в законе не раскрыто. Глава XIII данного закона лишь содержит нормы о нормативном толковании Конституционным Судом Республики Дагестан Конституции Республики Дагестан.

Итак, доктринальный анализ соотношения решений Конституционного Суда Российской Федерации и нормативных правовых актов, анализ законодательства, в том числе регионального, судебной практики позволяет сделать следующий вывод: решения Конституционного Суда Российской Федерации неверно относить к нормативным правовым актам, так как, несмотря на большую их фактическую схожесть, они не являются ни законами, принимаемыми представительными органами, ни, тем более, подзаконными актами – решения Конституционного Суда Российской Федерации стоят по

¹ Худoley К. М. Природа решений конституционных судов о толковании конституционных положений // Вестник Пермского Университета. 2012. Вып. 2 (16). С. 83.

² Собрание законодательства Свердловской области. 1999 г. № 3. Ст. 148.

³ Собрание законодательства Республики Дагестан. 1997. № 4. Ст. 1050.

иерархии выше законов (за исключением Основного Закона России), так как ими нормативные правовые акты могут быть признаны неконституционными и «выведены» из правового пространства государства вне зависимости от последующей их отмены соответствующими органами и должностными лицами. При этом новым законом не может быть преодолено решение Конституционного Суда России¹.

Доктринальность в решениях Конституционного Суда России признают Н.С. Бондарь, Н.С. Волкова, Т.Я. Хабриева, Н.А. Богданова, Т.М. Пряхина, А.П. Анисимов, Л.А. Ковалева, А.А. Малиновский, О.Н. Ордина, В.А. Пертушев, Е.В. Карнишина, А.Н. Чашин² и ряд других правоведов.

Термин «доктрина» употребляется учеными в самом широком смысле: мнения ученых-юристов по различным вопросам сущности и содержания юридических актов, по вопросам правотворчества и правоприменения; научные труды наиболее авторитетных исследователей права. Научные работы, так или иначе, всегда оказывают влияние на формирование права, но только тогда, когда государство признает общеобязательность этих представлений правовая доктрина становится источником права. До XX в. в романо-германской правовой семье доктрина имела первоочередное значение. Но и сегодня «романо-германская правовая семья более доктринальна в смысле восприятия и

¹ Ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. №-1 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»

² См.: Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С.75; Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 49-52; Богданова Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 63; Пряхина Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006. С. 186-189; Анисимов А. П. Научная доктрина как источник права // Законы России : опыт, анализ, практика. 2010. № 6. С. 78-84; Ковалева Л. А. Место доктрины в системе источников права // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3. С. 82-83; Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 3-6; Ордина О. Н. К вопросу о совершенствовании доктринальных нормативных правовых актов // Административное право и процесс. 2014. № 12. С. 36-38; Петрушев В. А. О доктринальном толковании права судьями Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. № 16. 2008. С. 21-22; Карнишина Е. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как доктринальные источники и основы конституционно-правового регулирования // Современное право. 2015. № 7. С. 75-79; Чашин А. Н. Доктрина как источник уголовно-процессуального права России (на примере учения об основаниях прекращения уголовного дела) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2(32). С. 129-133.

абсорбирования правовых теорий и доктрин, нежели англосаксонская правовая система»¹.

Роль доктрины как источника права проявляется и в том, что ею создается словарь юридических терминов, которыми впоследствии пользуется законодатель; толкует нормативно-правовые акты. Воспринимая содержащиеся в доктрине положения в виде тенденций и закономерностей, правотворческий орган принимает соответствующие решения². В.П. Мозолин замечает: «Определенная хаотичность развития российского права в первую очередь связана с тем, что, в отличие от общепринятой мировой практики, нередко не разработка доктрины предшествует принятию закона, а, наоборот, на основе принятого закона формулируется его доктрина»³.

Значительно влияние доктрины на правотворческий и правоприменительный процессы в случае наличия пробелов в праве, когда возникают ситуации, при которых отношения, ставшие предметом разбирательства, либо не урегулированы с помощью норм права, либо опосредуются с помощью «не вполне ясных», противоречащих друг другу норм⁴. Степень воздействия правовых доктрин на правотворческий процесс и формы ее проявления в различных странах не всегда одинаковы. Например, во Франции, очень высоко ценятся академические мнения и доктрины, которые касаются сугубо прикладных, «практических аспектов права», тогда как в Германии и Италии предпочтение отдано фундаментальным доктринам – академического, нежели прагматического плана⁵. Как следствие, в иерархии юридических профессий наиболее высокое положение во Франции занимают видные судьи, а в Германии и Италии – хорошо известные профессора права и научные работники. Российские ученые-юристы привлекаются к участию в

¹ Марченко М. Н. Характерные черты и особенности романо-германского права // Государство и право. 2016. № 3. С. 6.

² Гранат Н. Л. Источники права // Юрист. 1998. № 9. С. 12.

³ Мозолин В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 36.

⁴ Марченко М. Н. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина // Вестник Московского Университета. Сер. 11. Право. 2000. № 4. С. 63.

⁵ Цит. по: Никишин В. В. Доктрина и судебный прецедент как источники зарубежного экологического права // Российский судья. 2011. № 4. С. 31.

законотворческой работе в целях подготовки проектов или же их экспертной оценки. Кроме того, востребовано издание научных комментариев к тем или иным источникам права.

Влияя на законодателя, доктрина выступает в качестве косвенного источника права. Если же законодатель определяет в нормах права достижения науки, речь идет уже о прямом воздействии доктрины на принятие закона. Так, в пример можно привести Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утвержденную Президентом России 05 декабря 2016 г. В ее вводной части непосредственно указано, что она «представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации», и что «Настоящая Доктрина является основой для формирования государственной политики и развития общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности, а также для выработки мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности»¹.

Основным источником Конституции Российской Федерации послужила концепция (доктрина) естественного права. В соответствие с ней в ст. 2 Конституции России закреплено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Далее, в ст. 17 эта идея развивается: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Термин «военная доктрина» в самой Конституции России упоминается в ст. 83 в связи с закреплением полномочий Президента России.

В настоящее время, кроме Доктрины информационной безопасности, приняты Военная доктрина², Доктрина развития науки³ и др., но их место в иерархии источников российского права вызывает научные споры. Ряд таких актов утверждены указом Президента Российской Федерации, другие имеют гриф «Утверждаю» с обозначением должности Президента России.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации» от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. № 298. 30 декабря 2014 г.

³ Доктрина развития науки : одобрена указом Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3005.

Оценку таких актов как доктрины дал Конституционный Суд России в Постановлении от 31 июля 1995 г., который посчитал, что «военная доктрина не содержит нормативных положений»¹. В последние годы исследователями предпринимается много попыток обосновать прикладное использование правовой доктрины в процессе применения права².

Официально доктрина применяется в Российской Федерации при установлении содержания норм иностранного права. Например, в ст. 1191 Гражданского кодекса России от 26 ноября 2001 г. предусмотрено: «При применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве...»³. Аналогичные нормы содержат ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса России от 24 июля 2002 г.⁴ и ст. 166 Семейного кодекса России от 29 декабря 1995 г.⁵.

Функцию официальной конституционной доктрины в России, на взгляд ряда ученых, также выполняют правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, представляющие собой принципы, теории, идеи, концепции, служащие теоретической основой права⁶. Они развивают и дополняют уже существующие в науке доктрины.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 "Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

² См., напр.: Зорькин В. Д. Конституционный Суд России : доктрина и практика. Монография. М., 2017; Никифоров А. В. Использование правовых доктрин при квалификации уклонения от уплаты налогов // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 11. С. 123-125; Подольный Н. А. Конфликт доктрин в уголовном процессе России // Lex Russica. 2010. Т.LXIX. № 3. С. 660-671; Приходько И. Д. Об учете правовой доктрины при толковании и применении арбитражными судами права // Арбитражная практика. 2008. № 7. С. 65-73.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

⁶ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. 2005. С. 49-52; Гошуляк В. В. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права // Законодательство и экономика. 2007. № 9 (281). С. 17; Бондарь Н. С.

По мнению других ученых, выполняя свои должностные обязанности, судья Конституционного Суда Российской Федерации осуществляет профессиональное (компетентное) толкование. Доктринальное же толкование он дает в ходе своей научной деятельности. Например, В.А. Петрушев замечает, что «между профессиональным и доктринальным толкованием имеются существенные различия. В частности, при профессиональном толковании судья не может позволить себе той свободы мышления, которая характерна для доктринального толкования...»¹.

Часть авторов рассматривает решения Конституционного Суда России только в качестве источника науки конституционного права, не носящего свойств нормативности². Так, Н.А. Богданова назначение доктрины видит в утверждении, распространении, а возможно, насаждении идей, которые составляют ее содержание, с целью их применения в практической деятельности³. По этой причине доктрина всегда категорична, как и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которые применяют, развивают, уточняют, конкретизируют существующие в науке доктрины. В.В. Лазарев замечает: «Конституционный Суд РФ нередко привлекает в процесс экспертов – видных ученых, специалистов в той или другой области, заслушивает их, задает вопросы и так или иначе учитывает их мнение в своем решении. Стороны в изложении своих позиций (и письменно, и устно) ссылаются на концептуальные разработки ученых, на комментарии Конституции. Решения Конституционного Суда РФ в мотивировочной части очень часто имеют доктринальную окраску, содержат новые научные выводы. Следовало бы уподобить решения Конституционного Суда РФ коллективному праву юристов»⁴.

Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источник права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75.

¹ Петрушев В. А. О доктринальном толковании права судьями Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. № 16. 2008. С. 21.

² См, напр.: Богданова Н. А. Конституционный Суд РФ в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С.64-65; Проблемы общей теории jus / Отв. ред. В.В. Лазарев. М., 2012. С. 240.

³ Богданова Н. А. Система науки конституционного права. М., 2001. С. 191.

⁴ Проблемы общей теории jus / Отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012. С. 240.

На взгляд других правоведов, формирование правовой доктрины – это особое направление деятельности Конституционного Суда России, которое обусловлено целями конституционного правосудия: «Конституционный Суд России играет роль признанного центра, генерирующего основные положения правовой доктрины, что отражает общую закономерность, характерную для всех государств, наделивших власть полномочиями судебного нормоконтроля»¹.

Н.С. Бондарь, определяя в решениях Конституционного Суда Российской Федерации особый вид источников права, также подчеркивает, что их главная особенность состоит в том, что они обладают нормативно-доктринальной природой, предопределяемой, в первую очередь, особенностями его судебно-конституционных (контрольных) полномочий. Роль Конституционного Суда Российской Федерации им видится в значительной степени не столько в развитии конституционно-правовой науки, сколько в становлении и развитии современного российского конституционализма, Конституции Российской Федерации и конституционного законодательства, и, как следствие, отраслевого законодательства². Свойства нормативности, на его взгляд, вытекают из самого Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г.³: решения обладают общеобязательностью (ст. 6); окончательностью, вступают в силу после провозглашения и подлежат незамедлительному официальному опубликованию, действуют непосредственно (ст. 78, 79); недопустимо преодоления юридической силы решения Конституционного Суда России принятием законодателем этого же акта (ст. 79); предусмотрен пересмотр в установленных случаях решений судов и иных органов, которые основаны на актах, признанных неконституционными (ст. 79, 100). Позиция обосновывается и тем, что сам Конституционный Суд Российской Федерации, «опираясь на проведенные научные исследования,

¹ Мадаев Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 145.

² Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С.75.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

напрямую признает нормативно-доктринальный характер своих решений»¹ в Постановлениях от 18 июля 2008 г. № 10-П, от 22 июня 2009 г. № 10-П², Определениях от 6 марта 2008 г. № 214-О-П, от 1 апреля 2008 г. № 194-О-П³.

Далее Н.С. Бондарь конкретизировал способы, с помощью которых конституционное правосудие влияет на правовое развитие государства и общества⁴. Во первых, это «конституционно-интерпретационное обоснование нормативного содержания категорий и институтов отраслевого законодательства, а также введение в теорию российского конституционализма новых категорий и понятий, в результате чего происходит расширение конституционно-правового содержания понятийно-категориального аппарата действующего права»⁵.

В качестве примеров им приводятся проведенное Конституционным Судом Российской Федерации в целом ряде решений исследование понятия налога как публично-правовой категории; данные впервые конституционно-правовые обоснования не имевших на тот момент законодательного закрепления

¹ Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 38.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 31. Ст. 3763; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части второй статьи 250, статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Российского химико-технологического университета им. Д. И. Менделеева и Московского авиационного института (государственного технического университета)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3383.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2008 № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2092; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 апреля 2008 № 194-О-П «По жалобе администрации муниципального образования "Балтийский городской округ" Калининградской области и окружного Совета депутатов того же муниципального образования на нарушение конституционных прав и свобод Законом Калининградской области "Об организации местного самоуправления на территории Балтийского городского округа" и частью 4 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", а также по жалобе граждан Н.А. Горшениной, Н.И. Кабановой и других на нарушение их конституционных прав названным Законом Калининградской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2093.

⁴ См.: Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 79-81; Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35-46.

⁵ Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 79-81; Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. С. 42.

категорий муниципальной власти как особой формы публичной власти¹, категорий «свобода договора»², «прожиточный минимум»³, «конституционная ответственность», «конституционный правопорядок»⁴.

Справедливости ради отметим, что в случаях, когда запросы были связаны непосредственно с необходимостью толкования тех или иных понятий, являющихся предметом исследования в различных отраслях юридической науки, Конституционный Суд Российской Федерации отказывал в принятии их к рассмотрению. Примером может служить Определение Конституционного Суда России от 05 июля 2001 г. № 135-О⁵: «Перед Конституционным Судом фактически был поставлен вопрос о согласовании ряда федеральных законов в целях единообразного определения круга лиц, составляющих семью. Решение этой задачи означало бы проверку конституционности положений указанных федеральных законов, а также потребовало бы от Конституционного Суда РФ – вопреки его конституционно-правовой природе и функциям – создания новой правовой нормы, что означало бы вторжение в компетенцию законодателя»⁶.

Во вторых, Н.С. Бондарь отметил обоснование соответствующих отношений, которые относятся к сфере регулирования оспариваемых норм отраслевого законодательства, как имеющих конституционную природу. Так, в пример им приводится Постановление от 01 декабря 1997 г. № 18-П⁷, в котором

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 532; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2000. № 50. Ст. 4943; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 апреля 2002 г. № 7-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. Ст. 1374.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. № 14-П // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 3102.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2005 г. № 17-О // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479.

⁴ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 9-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 11. Ст. 400; Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 07 июня 2000 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

⁵ Документ опубликован не был [Электр. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=15213#0>

⁶ Шершень Т. В. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на развитие семейного законодательства // Журнал Законы России: опыт, анализ, практика, № 8. 2016 г. С. 46.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01 декабря 1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся

Конституционный Суд России пришел к выводу о том, что отношения, связанные с возмещением вреда, причиненного в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС, имеют не гражданско-правовое содержание, а конституционное, на основе действия ст. 42 и 53 Конституции России. Именно в актах Конституционного Суда России право на приватизацию было истолковано в качестве конституционно значимого, несмотря на то, что само по себе оно не является конституционным правом¹.

В третьих, это «внедрение в национальную правовую систему принципов и норм международного права, в результате чего также происходит расширение нормативного и конституционно доктринального потенциала национального правового регулирования»².

Таким образом, Н.С. Бондарь не без оснований видит в признании актов Конституционного Суда России в качестве нормативно-доктринальных источников права возможность преодоления крайних позиций, определяющих, с одной стороны, их значение лишь как источников науки конституционного права и, с другой стороны, исключительно в нормативно-правовой плоскости³, чаще всего – как источников только конституционного права.

Несомненно, решения Конституционного Суда России доктринальны по своей сути, но необходимо отметить, что российская правовая доктрина не является источником российского права. Кроме того, акты Конституционного Суда Российской Федерации выносятся судьями не в ходе их научной деятельности, а в процессе выполнения ими своих должностных обязанностей, что во многом ограничивает их самовыражение. Даже в особом мнении судья

воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 50. Ст. 5711.

¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03 ноября 1998 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 45. Ст. 5603.

² Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 79-81; Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 43.

³ На это обращает внимание Т. М. Пряхина в работе: Конституционная доктрина Российской Федерации. М., 2006. С.186.

Конституционного Суда Российской Федерации ограничен не только предметом обращения, но и рамками законодательства: свою позицию, возможно, кардинально отличную не только от закреплённой законодателем, но и от предусмотренной Конституцией России, он выразить не может.

Автором был самостоятельно проведен социологический опрос¹ 28 судей Новгородского областного и Новгородского районного суда в мае 2014 года². На вопрос о том, являются ли, на взгляд респондентов, решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть источником российского права в формально-юридическом аспекте, судьи ответили следующим образом: да – 93%, нет – 7%. Из тех судей, которые положительно ответили на данный вопрос, к судебному прецеденту как виду источников права отнесли решения Конституционного Суда Российской Федерации 23% (21% от всех респондентов); к правовой доктрине – 19% (18% от всех респондентов); к самостоятельному источнику российского права – 46% (43% от всех респондентов). Решение Конституционного Суда Российской Федерации как нормативный правовой акт не получил ни одного голоса. Вариант «другое» выбрали 12% респондентов (11% от общего числа участвовавших в опросе): прецедентное значение, судебная практика и нормативно-доктринальная природа – в равных долях³.

На те же вопросы социологического опроса, проведенного диссертантом 27 января 2017 года⁴, 21 судья Новгородского районного суда ответил следующим образом: все 100% отнесли решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть к источникам российского права в формально-юридическом аспекте. Изменилось и процентное соотношение ответов на вопрос о том, к какому источнику права их следует отнести: к судебному прецеденту их отнесли 9,5% (в 2014 году 21%); к нормативному правовому акту – 9,5% (в 2014 году ни одного голоса); к правовой доктрине –

¹ См.: Александрова М. А. Юридический статус решений Конституционного Суда РФ : взгляд судей // Правовед: Межвуз. науч. сб. : Новгу имени Яролава Мудрого. Великий Новгород. 2016. Вып. 12. С. 3-5.

² См.: Приложение Е. Анкеты социологического исследования от 20 мая 2014 г .

³ См.: Приложение А. Таблица 1.

⁴ См.: Приложение Ж. Анкеты социологического исследования от 27 января 2017 г .

0% (в 2014 году 18%); к самостоятельному источнику российского права – 76% (в 2014 году 43%). Вариант «другое» выбрало 5% респондентов (в 2014 году 11%), но без уточнения названия¹.

Таким образом, в научной среде нет единой позиции среди правоведов, признающих за решениями Конституционного Суда Российской Федерации или их частью статус источника российского права, о том, к какому источнику права следует их отнести. Респонденты, федеральные судьи, в большинстве своем определили решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть как самостоятельный источник права, и эта тенденция имеет положительную динамику – процент проголосовавших за этот вариант ответа увеличился за три года на 76%. Заметим, что, если при опросе в 2014 году 7% респондентов не признавали статус источника российского права за решениями Конституционного Суда России, то в 2017 году таковых не оказалось.

Рассматривая решения Конституционного Суда Российской Федерации на предмет их соответствия уже существующим источникам права, мы наблюдаем в них в том или ином наборе отдельные признаки последних. Но, несмотря на схожесть актов Конституционного Суда Российской Федерации и с судебными прецедентами, и с нормативными правовыми актами, и с правовой доктриной, мы наблюдаем существенные различия между ними. Это актуализирует рассмотрение решений Конституционного Суда России в качестве самостоятельного источника российского права.

¹ См.: Приложение В. Таблица 3.

ГЛАВА 2. ПРОЯВЛЕНИЕ КАЧЕСТВ ИСТОЧНИКА ПРАВА В НОРМАТИВНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ИНЫХ РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Виды решений Конституционного Суда Российской Федерации

Российские ученые, признающие за решениями Конституционного Суда России статус источника российского права, в большинстве своем не конкретизируют, о каких именно решениях идет речь, или же указывают в качестве источников права только постановления Конституционного Суда Российской Федерации – все без исключения. Например, по убеждению В.В. Невинского, «участие Конституционного Суда Российской Федерации в правотворчестве осуществляется преимущественно посредством разрешения споров о праве и официального толкования норм Конституции Российской Федерации, оформленных в виде общеобязательных решений»¹. На взгляд С.А. Иванова, источниками права выступают лишь «итоговые решения» – постановления Конституционного Суда Российской Федерации; его заключения и определения таковыми не являются. Принципиальную разницу в них он видит в том, что, постановления – это продукт судейского правотворчества, тогда как другие решения выступают лишь в качестве материала для такого правотворчества². М.В. Баглай квалифицирует как источники права «постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в которых устанавливается соответствие Конституции Российской Федерации конституций и уставов субъектов Российской Федерации, законов и других нормативных

¹ Невинский В. В. Конституционный Суд Российской Федерации и правотворчество в России // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 71.

² См.: Иванов С. А. Судебные постановления как источник трудового права. М., 1997. С. 24-33.

актов, разрешаются споры о компетенции, дается толкование Конституции Российской Федерации»¹.

Ряд правоведов детально рассматривает каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет их относимости к категории «источник права». Так, Н.В. Витрук признает данный статус за всеми видами решений, кроме заключений и решений по организационным вопросам: «...постановления, "отказные" определения с "положительным" содержанием и содержащиеся в них правовые позиции являются источником российского права, юридическая сила которого равна юридической силе самой Конституции»². Г.А. Василевич и И.Ю. Остапович также выявили конкретные виды решений Конституционного Суда Российской Федерации, которые «безусловно обладают свойством нормативности»: постановления и определения с позитивным содержанием; свойство нормативности, на их взгляд, отсутствует в «обычных Определениях и Заключениях Конституционного Суда РФ, Особых мнениях судей Конституционного Суда РФ, а также в Информационно-аналитических отчетах о содержании и исполнении его решений»³. Отдельные авторы видят силу источника права в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации⁴.

Нам видится необходимым изучить каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации с целью определения конкретного круга его решений, относимого к категории «источник права», поскольку очевидно, что, например, организационные решения Конституционного Суда Российской Федерации таковыми являться не могут.

¹ Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С.33.

² Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 123.

³ Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан: сравнительно-правовое исследование. Минск, 2016. с. 76-77.

⁴ См.: Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М., 1998. С. 56, 64; Бастен И. С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники конституционного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С.11; Яковлев Н. М. Значение решений Конституционного Суда РФ в реализации правозащитных функций прокурора в судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 5. С. 30; Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право : восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С.95.

Решение Конституционного Суда России – это «облеченный в установленную законом форму правовой акт, которым Конституционный Суд Российской Федерации в пределах своей компетенции выражает свою волю посредством констатации юридически значимых фактов и изложения выводов как государственно-властных велений»¹. Ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»² от 21 июля 1994 г. к актам Конституционного Суда России относит: постановления, заключения, определения и решения по вопросам организации его деятельности.

Постановлениями именуются итоговые решения Конституционного Суда Российской Федерации, выносимые именем Российской Федерации и содержащие ответ по существу вопроса, который был поставлен заявителем: о соответствии Конституции России нормативного акта или международного договора; о содержании нормы Конституции России, нуждающейся в толковании, и так далее. Они не подлежат обжалованию и пересмотру, являются окончательными и общеобязательными. Именно данная категория решений Конституционного Суда Российской Федерации чаще всего относится учеными к категории «источник права», несмотря на то, что открытым остается вопрос, является ли источником права акт, не изменивший правового пространства государства, – постановление Конституционного Суда Российской Федерации, признавшее нормативный правовой акт или его часть соответствующим Конституции России? Так, по мнению Н.В. Витрука, «и в этом случае постановление конституционного суда содержит специальную норму, окончательно подтверждающую конституционность оспариваемого положения, снимает существующую ранее неопределенность относительно его соответствия конституции»³.

Особый интерес вызывает новый вид постановлений Конституционного Суда России, введенный Федеральным конституционным законом от 28 декабря

¹ Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 104.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 118.

2016 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"»¹ – постановление о соответствии Конституции России нормативных актов в данном Конституционным Судом России истолковании.

Конституционный Суд России имел многолетнюю практику вынесения постановлений, из которых следовало признание норм соответствующими Конституции России в выявленном конституционно-правовом смысле. Но суды общей юрисдикции нередко отказывались от пересмотра судебных решений, даже когда на необходимость этого прямо указывалось Конституционным Судом России в постановлении. Суды обосновывали свои решения тем, что в отраслевом процессуальном законодательстве не предусмотрено такого основания для пересмотра дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, как вынесение постановления о признании нормы соответствующей Конституции России в выявленном Конституционным Судом России конституционно-правовом смысле.

Сам Конституционный Суд России отмечал, что признание нормы не соответствующей Конституции России является мерой, носящей исключительный характер. Суд в этом случае констатирует наличие такого законодательного дефекта, который иным способом неустраним. Кроме того, учитывалось и то, что в случае признания нормы неконституционной порождались неизбежно правовые пробелы, приводившие к нарушению стабильности законодательства².

Благодаря вышеуказанным изменениям, истолкования данные Конституционным Судом России в постановлении о соответствии Конституции России нормативных актов в данном Конституционным Судом России истолковании стали обязательными. Но не всеми правоведами данные новеллы были восприняты положительно. Так, А.А. Гаганов заметил: «Суд будет

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

² Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 году по состоянию на 06 апреля 2017 г. [Электр. ресурс]. URL: // <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2016.aspx>

предлагать практически готовую норму для законодателя. И в отличие от реализации Судом своего права законодательной инициативы, которую парламент вправе отклонить, норму, которую Суд сгенерирует в процессе толкования, законодатель не сможет проигнорировать или отклонить. Получается, что новый вид постановлений является более сильным инструментом, чем право законодательной инициативы. Поскольку это постановление Конституционного Суда будет действовать независимо от принятия закона, учитывающего толкование Суда, можно сказать, что Суд будет напрямую творить право... И это делается вместо того, чтобы признать закон (положение закона) неконституционным и заставить Думу принять новый закон»¹. Также обоснованные опасения вызывает и сама возможность использования Конституционным Судом Российской Федерации при необходимости этого полномочия для истолкования «нужного» закона. «Особенно, если в этом будет заинтересован Президент РФ»². Суд, принимая решение, выбирает один из трех вариантов итогового акта: постановление о признании нормы неконституционной, или признании ее конституционной, или признании ее конституционной в истолковании Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, отметим, что, согласно правовым же позициям Конституционного Суда Российской Федерации, сам законодатель не вправе дать официальное толкование собственных актов³.

Итоговым решением Конституционного Суда России по существу запроса о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президенту России в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления является заключение. В случае констатации несоблюдения этого порядка юридическим последствием становится прекращение рассмотрения обвинения в

¹ Гаганов А. А. Прецедентное право или Конституционный Суд в роли законодателя? [Электр. ресурс]. URL: <http://rusrand.ru/analytics/precedentnoe-pravo-ili-konstitucionnyy-sud-v-rol-i-zakonodatel'ya>

² Там же.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.

Совете Федерации. В отличие от иных итоговых решений, заключения не выносятся именем Российской Федерации. Данное решение Конституционного Суда Российской Федерации никем из ученых, рассматривающих отдельно каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет относимости к категории «источник права», таковым не признается.

Заметим: вместе с тем, что, рассматривая обращения о соответствии/несоответствии Конституции России не вступившего в силу международного договора России или вопроса, выносимого на референдум России, Конституционный Суд России, облакая решения в форму постановления, на наш взгляд, выносит по своей сути заключения. В случае соответствия Конституции России международный договор только после ратификации становится полноценной частью российской правовой системы и действует самостоятельно. При этом данный международный договор может и вовсе не быть ратифицирован, например, в виду изменившейся политической обстановки. В отношении любого другого международного договора, в том числе аналогичного, по вопросу его соответствия Конституции России должно быть принято новое постановление. В случае несоответствия Конституции России международный договор не подлежит введению в действие и применению, то есть не может быть ратифицирован, утвержден или вступить в силу иным образом¹. Но силу он не утрачивает, в отличие от нормативного правового акта, признанного Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим Конституции России, так как он ратифицирован еще не был. Аналогична правовая ситуация и при принятии постановления о соответствии/несоответствии Конституции России вопроса, выносимого на референдум России: новая правовая норма права возникает лишь в случае, если за это проголосует народ на референдуме; никакая правовая норма не утратит свою силу, так как ее еще нет; признание вопроса, выносимого на референдум,

¹ Ст. 91 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

соответствующим Конституции России, не является гарантией того, что большинство на референдуме проголосует за него.

То есть при любом итоговом решении в вышеуказанных постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации не будет нормативной новизны; на основе фактически заключения Конституционного Суда Российской Федерации только законодательным органом или народом на референдуме могут быть приняты правовые нормы. Как и в случае принятия заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президенту России в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, при принятии вышеуказанных постановлений, в конституционном судопроизводстве реализуется лишь этап, необходимый для принятия основного решения. При вынесении же остальных постановлений правовые последствия в виде утраты силы нормативного правового акта или его части, обязательного толкования Конституции России или истолкования правовой нормы наступают по результату принятия постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, вне зависимости от того, будут ли внесены соответствующие изменения в эти нормативные правовые акты соответствующими государственными органами и должностными лицами.

Определениями Конституционного Суда России являются промежуточные решения, принимаемые в ходе конституционного судопроизводства по вопросам, которые относятся не к самому существу дела, а к условиям и порядку его рассмотрения. Вопросы могут быть и материально-правовыми (например, о несоответствии обращения требованиям закона относительно надлежащего заявителя, об отказе в принятии обращения к рассмотрению по причине его неподведомственности Конституционному Суду России или недопустимости), и процессуальными (например, об отложении заседания, о назначении судебной экспертизы, об объединении дел в одном производстве и другие).

Определения Конституционного Суда Российской Федерации, в отличие от постановлений и заключений, могут оформляться и в виде отдельных документов, и протоколно; форма определяется по усмотрению

Конституционного Суда Российской Федерации и зависит от существа разрешаемых вопросов. Относимость данных актов к источникам российского права вызывает у правоведов вопросы, особенно в отношении так называемых «отказных определений с положительным содержанием»¹. До введения в действие ст. 47¹ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»² – «Разрешение дел без предварительного слушания» – Конституционный Суд России признавал жалобу не подлежащей дальнейшему рассмотрению, если поставленный в ней вопрос был уже разрешен в ранее принятом им постановлении. В этом случае принималось «отказное» определение по жалобе. Положительным было содержание определения в том случае, если заявитель просил установить неконституционность положения закона, аналогичного тому, который уже был признан не соответствующим Конституции России.

В научной литературе такие решения также называют определениями с позитивным содержанием: Конституционный Суд Российской Федерации, отказывая заявителю в принятии к рассмотрению его обращения, не проводя судебного разбирательства, тем не менее повторяет в мотивировочной части определения свои ранее выраженные правовые позиции, фактически разрешая по существу поставленный в обращении вопрос. Данный вид судопроизводства с вынесением итоговых решений в форме определений законодательно не предусматривался. Соответствующая практика, как следствие, получила противоречивые оценки со стороны судов общей и арбитражной юрисдикции³. Конституционный Суд Российской Федерации указывал в своих решениях, что такие определения также являются основанием для пересмотра дел заявителей,

¹ См., напр.: Витрук В. Н. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 123; Боброва Т. М. Проверка Конституционным Судом РФ конституционности законов в процедуре письменного производства (2012 и 2012 гг.) // Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных стран. С. 1581; Василевич Г. А., Остапович И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан : сравнительно-правовое исследование. Минск. 2016. с. 119, 123.

² Федеральный конституционный закон от 03 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 45. Ст. 5742.

³ См., например, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О Судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.

как и в случае вынесения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, которыми установлена неконституционность нормы или выявлен конституционно-правовой смысл нормы, с которым расходилась правоприменительная практика¹. Не смотря на это, суды нередко игнорировали данные определения со ссылкой именно на то, что законодательство не предусматривает подобных норм.

По этой причине В.О. Лучин выразил следующую позицию в особом мнении судьи к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О: такого рода решения должны выноситься в форме постановлений, поскольку определения не являются итоговыми решениями. Кроме того, что очень важно, определения не должны подписываться всеми судьями (ч. 2 ст. 75) – только Председателем и судьей-секретарем Конституционного Суда России или замещающими их судьями; они могут не направляться органам и лицам, указанным в ст. 77 вышеуказанного закона; не подлежат обязательному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти (ст. 78)².

Несмотря на спорность самого существования так называемых отказных определений Конституционного Суда Российской Федерации с позитивным содержанием и как следствие сомнений в их юридической силе, практика Конституционного Суда Российской Федерации в этом направлении увеличивалась ежегодно. Кроме того, с 2007 г. Конституционный Суд России

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 ноября 2007 г. № 827-О-П «По ходатайству главы Екатеринбурга об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2006 года № 542-О по запросу Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", а также жалобе главы города Екатеринбурга на нарушение теми же законоположениями конституционного права на местное самоуправление» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 53. Ст. 6675.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции РФ отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия - Алания и Республика Татарстан // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 29. Ст. 3117.

стал выделять их из общего числа определений, придав им шифр – О-П; остальные определения имели шифр О-О.

Верховный Суд Российской Федерации выразил свою позицию по данному вопросу. Суды общей юрисдикции им были ориентированы на то, чтобы при вынесении решений по гражданским делам ими учитывались только постановления Конституционного Суда России о толковании положений Конституции России и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции России нормативных правовых актов¹.

Правовая логика этого решения, на наш взгляд, заключалась в том, что необходимая правовая позиция, подлежащая учету правоприменителями, содержалась в соответствующем постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, а в отказных определениях с позитивным содержанием она лишь дублировалась, поскольку сам отказ в принятии обращения к рассмотрению обосновывался наличием постановления Конституционного Суда Российской Федерации, ранее разрешившего поставленный вопрос.

С введением ст. 47¹ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»² стало возможным письменное (сокращенное, без публичного слушания) производство. Как было замечено судьей Конституционного Суда Российской Федерации К.В. Арановским, «постановления, вынесенные в письменном производстве вне публичного слушания по аналогии с прежними решениями Конституционного Суда Российской Федерации, это узаконенный двойник определений с положительным содержанием»³. Аналогичная практика распространена в некоторых конституционных судах зарубежных стран, например, в Бельгии, Южной Корее. В конституционном производстве Германии письменная процедура по жалобам стала правилом, а устное производство – исключением⁴.

¹ Подпункт «а» п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О Судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 45. Ст. 5742.

³ Арановский К. В. О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2 (20). С. 19.

⁴ Арановский К. В. О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2 (20). С. 23.

На взгляд Н.С. Бондаря, этот механизм был призван «обеспечить более эффективное конституционно-судебное реагирование на проявляющиеся в правоприменительной практике неадекватные подходы к реализации ранее выработанных правовых позиций Конституционного Суда РФ»¹.

Специальным решением оформляются предложения Конституционного Суда Российской Федерации, подлежащие внесению в порядке реализации права законодательной инициативы. Такие решения не могут являться источниками права, поскольку не обязывают законодательный орган принять соответствующий закон в связи с независимостью законодательной власти. Обязательно лишь само рассмотрение Федеральным Собранием данных предложений. В случае принятия нормативного правового акта по результатам обсуждения, источником права станет непосредственно акт законодательного органа с тем содержанием, которое он определит.

Аналогичен правовой статус Посланий Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию. Данное полномочие Конституционного Суда Российской Федерации предусмотрено ст. 100 Конституции России, но реализовывалось лишь один раз – в 1993 году. Современная практика предусматривает подготовку информационно-аналитических отчетов о содержании и исполнении его решений. Как отметил М.А. Митюков, «указанная норма оказалась “чужеродным телом” в материи современной Конституции»².

Особую категорию представляют решения Конституционного Суда России по вопросам организации его деятельности – так называемые организационные решения: о принятии Регламента Конституционного Суда Российской Федерации; об утверждении сметы расходов; назначении руководителей Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации и прочее. Рассматриваемая категория решений однозначно не относится правоведами к

¹ Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др. М., 2017. С. 134.

² Митюков М. А. Конституционное совещание 1993 года: рождение Конституции России: статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993-2012). М., 2014. С. 95.

категории источников российского права в силу отсутствия в них признаков источника права.

Отдельного рассмотрения требует вопрос понятия правовых позиций Конституционного Суда России и их статуса. Несмотря на то, что они играют ощутимую роль в правовом регулировании, в российском законодательстве легальной дефиниции «правовая позиция» не существует. В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июня 1994 г. понятие «правовая позиция» использована дважды в статьях 29 и 47.1. Согласно ч. 3 ст. 29, «решения и другие акты Конституционного Суда Российской Федерации выражают соответствующую Конституции Российской Федерации правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий». Ч. 1 ст. 47.1 предусматривает возможность рассмотрения Конституционным Судом России дел «без проведения слушания, если придет к выводу о том, что вопрос о конституционности нормативного правового акта может быть разрешен на основании правовых позиций, содержащихся в ранее принятых им постановлениях, и проведение слушания не является необходимым для обеспечения прав стороны».

Также и самим Конституционным Судом Российской Федерации в своих решениях была выражена правовая позиция по этому вопросу. Например, в Постановлении от 16 июня 1998 г. № 19-П «О толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» он указал, что «принимая решение по делу, выражает свое отношение как к позиции законодателя или иного нормотворческого органа, так и к ее пониманию правоприменителем, основываясь на толковании положений Конституции Российской Федерации»; Конституционный Суд России выносит официальное решение, которые имеет общеобязательное значение¹. По этой причине его постановления окончательны, не подлежат пересмотру другими органами или преодолению путем повторного принятия неконституционного акта, а также обязывают всех правоприменителей действовать в соответствии с указанными

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 25. Ст. 3004.

правовыми позициями. В Постановлении Конституционного Суда России от 15 января 1998 г. по делу о проверке конституционности ряда статей Конституции Республики Коми, в котором были даны ссылки на правовые позиции Конституционного Суда России, высказанные им ранее и не утратившие юридической силы, внимание было акцентировано на том, что не смотря на то, что резолютивная часть постановления касается конкретного случая, мотивировочная часть несет в себе общий, абстрактный характер и является обязательной для тех субъектов, чьи нормативные правовые акты или их часть расходятся с высказанной правовой позицией Конституционного Суда России по другому поводу¹.

В Определении Конституционного Суда России от 07 октября 1997 г. № 88-О «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г.» этот вопрос также решен вполне определенно: «...правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ в резолютивной части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц»².

Е.В. Непомнящих пришел к выводу о том, что правовая позиция Конституционного Суда России – это «результат толкования им норм Конституции Российской Федерации или иных нормативно-правовых актов, который содержится в мотивировочной части его решения; на всех правоприменителей возложена обязанность действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации»³.

Предмет рассмотрения Конституционного Суда России определен предметом обращения, а именно конкретной нормой, в отношении которой осуществляется конституционное судопроизводство. Ее содержание

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года "Об органах исполнительной власти в Республике Коми"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 532.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 42. Ст. 4900.

³ Непомнящих Е. В. Понятие правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации. // Законодательство и экономика. 2003. № 10. С.9

определяется правовой позицией нормотворческого органа. Если Конституционный Суд Российской Федерации признает оспариваемую норму конституционной, правовые позиции законодателя или иного нормотворческого органа и Конституционного Суда Российской Федерации совпадают. Признанная же неконституционной норма указывает на расхождение в правовых позициях законодателя и Конституционного Суда России, имеющего в этом случае собственную правовую аргументированную позицию.

Ученые отмечают, что в конституционном производстве не совпадают понятия «оспариваемая норма» и «предмет рассмотрения», поскольку правовая позиция – это правовой принцип, который пригоден для разрешения группы сходных юридических коллизий¹. Так, на взгляд М.С. Саликова, правовые позиции Конституционного Суда России – это «системы выводов и аргументов, приведенных в ходе рассмотрения судом конкретных дел по сугубо определенным проблемам и имеющих общий характер, то есть приемлемых и необходимых при рассмотрении аналогичных проблем и, следовательно, обладающих той же юридической силой, что и решения Конституционного Суда»².

Более того, правовые позиции Конституционного Суда России, нося общий характер, распространяются не только на конкретный случай. По мнению, например, Н.В. Витрука, они обладают не только той же юридической силой, как и сами решения Конституционного Суда Российской Федерации, но и приравниваются к юридической силе самой Конституции³. Правовые позиции Конституционного Суда России им определены следующим образом: «правовые выводы и представления Суда как результат интерпретации

¹ См.: Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сборник докладов. М., 1999. С. 112-116; Гатаулин А. Г. Юридическая природа правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов российской Федерации // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 48; Бастен И. С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники конституционного права России: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С.11.

² Саликов М. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система // Правоведение. 2003. № 5. С. 51.

³ Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики. М., 2001. С. 116.

(толкования) Судом духа и буквы Конституции РФ и истолкования им конституционного смысла (аспектов) положений отраслевых (действующих) законов и других нормативных актов в пределах его компетенции»¹.

Общеобязательность правовых позиций Конституционного Суда России учеными также аргументируется, исходя из ст. 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: «признание нормативного акта либо отдельных его положений не соответствующими Конституции Российской Федерации является основанием для отмены в установленном порядке положений других актов, основанных на нормативном акте, признанном неконституционным, либо воспроизводящих его или содержащих такие же положения, какие были предметом обращения». То есть общеобязательностью для применения в правоприменительной практике, на их взгляд, обладает не только резолютивная часть такого решения, но и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, которая положена в его основу². Так, А.Г. Кузьмин приходит к выводу о том, что, обладая прецедентным характером, правовые позиции фактически являются одним из источников российского права, что свидетельствует о формировании «смешанной модели», основанной на сближении англосаксонской и континентальной систем³.

В связи с рассмотрением данного вопроса важна точка зрения членов рабочей группы Конституционного Суда Российской Федерации, работавших в 1994 г. над текстом Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» и оппонировавших замечаниям законодательного органа, суть которых сводилась к тому, что нормы о правовых позициях противоречат месту и назначению Конституционного Суда Российской Федерации в системе разделения властей и даже самой Конституции Российской Федерации, и поэтому рабочей группе

¹ Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 95.

² См., напр.: Яковлев Н. М. Значение решений Конституционного Суда РФ в реализации правозащитных функций прокурора в судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 5. С. 30.

³ Кузьмин А. Г. Правовые позиции «высших» судов Российской Федерации как источник российского права // Российская юстиция. 2013. № 6. С. 50.

Конституционного Суда Российской Федерации было предложено исключить из п. 3 ч. 1 ст. 79 Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» слова «правовой позиции, выраженной...» как излишние.

Юристы рабочей группы отстаивали свой подход и обосновали термин «правовая позиция» следующим образом: «Правовая позиция – это не само решение, а то, что лежит в основе его принятия (и может быть изложено в его мотивировочной части): правопонимание, истолкование права по какому-либо правовому вопросу, конституционно-правовая доктрина, выработанная коллективно судьями при рассмотрении дела. Она может иметь универсальное значение или распространяться на группу сходных вопросов. В данном случае правовая позиция чаще всего представляет собой толкование Конституции. Правовая позиция может быть и изменена, уточнена, дополнена, но в любом случае должна выражать мнение большинства судей, что обеспечивается заседаниями Конституционного Суда в полном составе... Все это соответствует принципу независимости судей... и принципу коллегиальности»¹.

На наш взгляд, правовые позиции Конституционного Суда России представляют собой часть решения Конституционного Суда России, выражающую общую позицию судей относительно разрешаемого в обращении вопроса, являющуюся также основанием для отмены в установленном порядке положений иных нормативных актов, основанных на норме, признанной неконституционной. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации содержатся и в, например, определениях об отказе в принятии обращения к рассмотрению. В них толкуются нормы, в том числе о недопустимости рассматриваемых обращений.

Впервые в истории европейского конституционного контроля проблема юридической силы правовых позиций конституционного суда была актуализирована во Франции. Ст. 62 Конституции Франции предусматривает следующую норму: «положение, объявленное неконституционным, не может

¹ Кряжкова О. Н. К вопросу об истории возникновения понятия «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» // Право и политика. 2003. № 1 (37). С. 32.

быть ни промульгировано, ни введено в действие» и «решения Конституционного Совета обязательны для публичных властей и всех органов администрации и юстиции». Своим решением от 16 января 1962 г.¹ Конституционный Совет Франции самостоятельно расширил применение данной статьи, уточнив, что «сила решений, о которых говорится в данном положении, распространяется не только на их диспозитивную часть, но и на мотивы решения, являющиеся их неотъемлемым элементом и создающие основание принятия таких решений».

В этой связи интересно мнение бывшего Председателя Конституционного Суда Литвы Э. Куриса: «Резолютивная часть решения конституционного суда всегда обращена в прошлое, ее функция – изъять из правового оборота противоречащий конституции правовой акт; что же касается мотивировочной части, то она нацелена в будущее и выполняет не только функцию обоснования принятого решения, но и функцию своего рода превентивную, то есть функцию ориентации законодателя на определенные конституционные стандарты, от которых он не может отклониться»².

Автором для более глубокого понимания вопроса проявления качеств источника права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, был проведен социологический опрос судей Новгородского областного и Новгородского районного суда в мае 2014 года³ также и по следующему вопросу: «Какие решения Конституционного Суда Российской Федерации, на Ваш взгляд, являются источником российского права в формально-юридическом аспекте?»⁴. Были получены следующие ответы: 57% респондентов-судей признали статус источника российского права за всеми решениями Конституционного Суда России; 36% – за частью решений; 7% респондентов считают, что решения Конституционного Суда России источником российского

¹ Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993. С. 185.

² См.: Курис Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов // Сравнительное Конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 92-102.

³ См.: Приложение Е. Анкеты социологического исследования от 20 мая 2014 г.

⁴ См.: Александрова М. А. Юридический статус решений Конституционного Суда РФ: взгляд судей // Правовед: межвуз. науч. сб.: НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2016. Вып. 12. С. 3-5.

права не являются. Интересно, что только из числа судей Новгородского районного суда респонденты не признали статус источника российского права за решениями Конституционного Суда Российской Федерации.

Те респонденты, которые признали статус источника российского права только за частью решений Конституционного Суда Российской Федерации, отметили как источники права следующие его виды¹:

– постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними – 80% опрошенных (86% всех опрошенных²);

– постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними – 90% опрошенных (89% всех опрошенных);

– постановления о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации – 50% опрошенных (75% всех опрошенных);

– постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации – 50% опрошенных (75% всех опрошенных);

– постановления, подтверждающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции – 70% опрошенных (82% всех опрошенных);

– постановления, отрицающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции – 80% опрошенных (86% всех опрошенных);

¹ См.: Приложение Б. Таблица 2.

² Процент респондентов, указанных в скобках, включает тех респондентов, которые отметили как источник права все решения Конституционного Суда Российской Федерации (то есть каждый его вид), и тех, кто, не признавая данный статус за всеми решениями, отметил отдельные виды.

– постановления о признании нормативного акта или его части соответствующим Конституции Российской Федерации – 80% опрошенных (86% всех опрошенных);

– постановления о признании нормативного акта или его части не соответствующим Конституции Российской Федерации – 90% опрошенных (89% всех опрошенных);

– постановления о толковании Конституции Российской Федерации – 70% опрошенных (82% всех опрошенных);

– заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления – 0% (57% всех опрошенных);

– заключения о не соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления – 0% (57% всех опрошенных);

– все определения Конституционного Суда России – 0% опрошенных (57% всех опрошенных);

– часть определений Конституционного Суда России (с указанием конкретных видов) – 0% (0% всех опрошенных);

– все правовые позиции Конституционного Суда России как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права – 70% опрошенных (25% всех опрошенных);

– часть правовых позиций Конституционного Суда России, имеющих самостоятельное значение в качестве источника российского права (с указанием конкретных видов) – 0% (0% всех опрошенных).

Таким образом, статус источника российского права не был признан никем из судей-респондентов, признающих статус источника российского права только за частью решений Конституционного Суда Российской Федерации, в отношении лишь заключений и определений Конституционного Суда России; организационные решения, специальные решения по предложениям, вносимым в порядке реализации права законодательной инициативы, послания

Конституционного Суда Российской Федерации в опросе автором не указывались, но могли быть определены респондентами как таковые в варианте ответов «иные решения Конституционного Суда Российской Федерации», что сделано не было. Но, напомним, 57% респондентов не сделали никаких исключений, выбрав вариант ответа «все решения Конституционного Суда Российской Федерации».

Неожиданным оказался процент респондентов, признающих силу источника российского права за постановлениями Конституционного Суда России о толковании Конституции России – он оказался меньше, чем процент по многим другим решениям.

Подавляющее большинство респондентов не увидели различий в юридической природе постановлений Конституционного Суда России о признании нормативных актов или их части соответствующими или не соответствующими Конституции Российской Федерации, несмотря на различные юридические последствия – правовое пространство государства изменяется только в случае признания нормативного акта или его части не соответствующим Конституции России.

Только один вид постановлений Конституционного Суда России – постановления о соответствии или несоответствии Конституции России не вступивших в силу международных договоров России – получил значительно меньший процент от участвовавших в опросе судей.

Интересен результат и по правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации: судьи не разделили правовые позиции по их значимости, последствиям, видам – все, кто видел в них силу источника права, признавали их таковыми без исключений.

Аналогичный опрос был проведен диссертантом среди судей Новгородского районного суда 27 января 2017 года¹. Опросный лист содержал те же вопросы, что и предыдущий, а также новые виды решений в списке актов Конституционного Суда Российской Федерации: постановления

¹ См.: Приложение Ж. Анкеты социологического исследования от 27 января 2017 г.

о возможности/невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека; постановления о соответствии/несоответствии Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации.

На вопрос: «Какие решения Конституционного Суда Российской Федерации, на Ваш взгляд, являются источником российского права в формально-юридическом аспекте?», были получены следующие ответы: 81% респондентов-судей признали статус источника российского права за всеми решениями Конституционного Суда Российской Федерации (в 2014 году – 57%), 19% – за частью решений Конституционного Суда Российской Федерации (в 2014 году – 36%), никто из респондентов не указал, что решения Конституционного Суда Российской Федерации источником российского права не являются (в 2014 году – 7%).

Те респонденты, которые признали статус источника российского права только за частью решений Конституционного Суда Российской Федерации, отметили как источники права только следующие его виды¹:

– постановления о соответствии/несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними – 10% (90% всех опрошенных²);

– постановления о соответствии/несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации – 10% (90% всех опрошенных);

– постановления о признании нормативного акта или его части соответствующим/не соответствующим Конституции Российской Федерации – 10% (90% всех опрошенных);

– постановления о толковании Конституции Российской Федерации – 10% (90% всех опрошенных);

¹ См.: Приложение Г. Таблица 4.

² Процент респондентов, указанных в скобках, включает тех респондентов, которые отметили как источник права все решения Конституционного Суда Российской Федерации (то есть каждый его вид), и тех, кто, не признавая данный статус за всеми решениями, отметил отдельные виды.

– постановления о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека – 10% (90% всех опрошенных);

– все определения Конституционного Суда России – 10% (90% всех опрошенных).

Также 19% судей отметили «все правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права» (в 2014 году – 25%).

Объяснить такие существенные изменения в результатах опроса можно лишь повышением юридического статуса решений Конституционного Суда Российской Федерации среди судейского сообщества за последние три года – 81% опрошенных судей признали за всеми решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника российского права в формально-юридическом аспекте.

Таким образом, сегодня не только среди ученых-теоретиков, но и практикующих юристов-судей мнения по вопросу юридического статуса решений Конституционного Суда Российской Федерации различаются. Даже среди правоведов, признающих за актами Конституционного Суда России статус источника российского права, имеет место большое количество разногласий по вопросу о том, какие именно решения Конституционного Суда Российской Федерации необходимо относить к таковым, являются ли самостоятельным источником права его правовые позиции. Вместе с тем, развернувшаяся в российской юриспруденции полемика – благоприятное явление в научной жизни страны, так как она дает толчок для переосмысления некоторых сложившихся в российской правовой действительности конструкций и стереотипов в соответствии с изменяющимися реалиями общественной жизни.

По этой причине нам видится необходимым рассматривать каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет их нормативности. Только при наличии в них всех без исключения признаков нормативности, они будут являться источниками российского права. Кроме того,

на наш взгляд, было бы целесообразно внести изменения в российское законодательство, в силу которых решения Конституционного Суда России о соответствии/несоответствии Конституции России не вступивших в силу международных договоров России и вопросов, выносимых на референдум Российской Федерации, имели бы форму заключений, а не постановлений. Отдельного рассмотрения требует анализ правовых позиций Конституционного Суда России как возможных источников российского права самостоятельно, а не как неотделимую часть соответствующего решения, которое может не обладать всеми признаками нормативности.

2.2. Нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации

Несомненно, «для определения значения того или иного источника права принципиальную роль играет его официальное признание государством»¹. Нормативная трактовка решений Конституционного Суда Российской Федерации важна как с теоретической позиции, так и по практическим причинам. Наличие именно этого качества у правового акта позволяет ему быть частью системы общего правового регулирования социальных отношений, занимая определенную нишу в правовой системе государства и являясь ее регулирующим звеном.

Вне зависимости от того, как право понимают в той или иной доктрине, его нормативный характер редко подвергается сомнению. В Главе 1 диссертационного исследования нормативность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации рассматривалась с позиции его полномочий.

¹ Проблемы общей теории jus / Отв. ред. Лазарев В. В. М., 2012. С. 200.

В данном параграфе будет проанализирован каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет нормативности.

Как известно, нормативность является собирательной категорией и ее понятийный каталог образуют такие основные качества, как неперсонифицированность, неоднократность применения, общеобязательность, публичность, формальная определенность, обеспеченность государственным принуждением и наличие юридической силы¹. Какие именно решения Конституционного Суда Российской Федерации выполняют регулятивную сущность права и являются, в конечном счете, источниками российского права? Необходимо выявить состав и структуру юридических оснований, элементов и признаков, наличие которых превращает решение Конституционного Суда Российской Федерации из акта правоприменения в акт правотворчества.

Итак, правовой акт как нормативное явление должен быть сформулирован и оформлен таким образом, чтобы быть пригодным для общего регулирования общественных отношений. **Неперсонифицированность** правового акта позволяет регламентировать поведение неопределенного круга лиц и предполагает применение одинаковых правил при возникновении правоприменительной ситуации ко всем лицам, независимо от их индивидуальных качеств.

Применительно к решениям Конституционного Суда Российской Федерации законодатель определяет, что они «обязательны для всех органов публичной власти, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений»². Такая сфера действия определяется тем, что указанными решениями обеспечивается верховенство и высшая юридическая сила Конституции Российской Федерации, кроме того, они распространяются не

¹ См., напр.: Апт А. Ф., Кененов А. А. К вопросу об элементах и структуре советского права // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1973. № 3. С. 53.

² Ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суда Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

на конкретные случаи применения норм, а на сами нормы, поэтому имеют такую же сферу применения¹.

По этому признаку законодатель формально не разделяет те или иные виды решений Конституционного Суда Российской Федерации, хотя очевидно, что, например, определения Суда об отложении заседания, о вызове свидетеля таким качеством как неперсонифицированность не обладают. Им не обладают и заключения Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении или несоблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента России в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, поскольку они выносятся в отношении одного субъекта и связанной с ним конкретной юридической процедурой, а также в связи с тем, что в каждом отдельном случае Суд должен будет по соответствующему запросу вынести отдельное заключение с учетом конкретных сложившихся юридических фактов.

Аналогична ситуация и в случае с решениями Конституционного Суда Российской Федерации, содержащими предложения, вносимые в порядке реализации права законодательной инициативы, и с посланиями Федеральному Собранию Российской Федерации. Данные акты также не обладают признаками неперсонифицированности, поскольку имеют конкретных адресатов – Государственную Думу, Федеральное Собрание.

Другая ситуация имеет место при анализе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации – все они обладают признаком неперсонифицированности. Даже при рассмотрении обращения гражданина по вопросу соответствия Конституции России закона, примененного в конкретном деле, Конституционным Судом России выносится постановление, которое может и должно учитываться с точки зрения соответствия закона или его части Конституции Российской Федерации и иными лицами, органами и должностными лицами.

¹ См.: Захаров В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.

В случае признания нормативного акта соответствующим Конституции России, постановление имеет не только обязательную силу для неопределенного круга лиц и органов, но и юридические последствия в отношении неопределенного круга иных нормативных актов: все они подлежат отмене соответствующими государственными органами и должностными лицами в случае содержания в них положений, признанных неконституционными¹.

Другой стороной нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации является **неоднократность их применения**. Выражается она в том, что указанные решения не ограничены временными рамками и базируются на действительности самой конституции, так как именно ее содержательность служит основой и гарантией стабильности конституционно-контрольной политики Конституционного Суда Российской Федерации.

Важно также учитывать, что действие решения Конституционного Суда Российской Федерации не прекращается после его исполнения. Например, реализация постановления о признании нормативного акта или его части не соответствующим Конституции Российской Федерации не исчерпывается принятием конкретным государственным органом или должностным лицом необходимых поправок. Впредь это решение будет иметь силу и в отношении любых нормативных правовых актов, содержащих аналогичную норму. Налицо возможность осуществления предписаний решения Конституционного Суда Российской Федерации всякий раз, когда возникают условия для их реализации. Также, ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит норму, согласно которой «решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях».

¹ Ст. 87 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

Но необходимо учитывать, что неоднократно также обладают не все акты Конституционного Суда России; даже не все его постановления можно отнести к этой категории. При вынесении постановлений о соответствии/несоответствии Конституции России не вступившего в силу международного договора России или вопроса, выносимого на референдум России, оснований для неоднократного их применения не имеется. Остальные постановления Конституционного Суда России данным признаком обладают. По определениям, заключениям, решениям Конституционного Суда Российской Федерации с предложениями, вносимыми в порядке реализации права законодательной инициативы, или в виде послания Федеральному Собранию Российской Федерации, юридическая картина в отношении неоднократности их применения аналогична неперсонифицированности.

Другим важным проявлением нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации выступает их **общеобязательность**. В целом она выражается в обязательности реализации предписаний всеми субъектами, вступающими в регулируемые им общественные отношения на всем протяжении их развития¹. На это качество всех актов Конституционного Суда России для всех субъектов независимо от правореализующей ситуации (исполнение, соблюдение, применение, использование) указывает ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: «решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений».

Актам Конституционного Суда России присущ и такой признак нормативности, как **публичность**. Выступая свойством нормативности, он выражает требование официального доведения решений до всеобщего сведения.

¹ См.: Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 147-148.

В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» закреплено, что «постановления и заключения Конституционного Суда России подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, которых касается принятое решение. Решения Конституционного Суда Российской Федерации публикуются также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации", а при необходимости и в иных изданиях»¹. Кроме того, в Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации»² предусматривает обязательное опубликование решений Конституционного Суда России о толковании Конституции России и о соответствии Конституции России законов, нормативных актов Президента России, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации или отдельных положений перечисленных актов в Собрании законодательства Российской Федерации³.

Такое требование вытекает из того, что решениями Конституционного Суда Российской Федерации определяется судьба нормативных актов, которые публикуются для всеобщего сведения; потому и сами эти решения подлежат публикации как затрагивающие права, свободы и обязанности личности наиболее общим образом (ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Применительно к определениям и иным решениям Конституционного Суда Российской Федерации такое требование не установлено.

Другим очевидным критерием нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации выступает их **формальная определенность**, которая как признак вытекает из характера самого права и выражается как во

¹ Ст. 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Ст. 7 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

внешних, так и в структурных и содержательных его атрибутах¹, обеспечивающих четкую определенность текстовых параметров, через которые он самоидентифицируется². «Формальная определенность выражается в точном обозначении нормы права и составляющих ее частей в официальных писанных источниках права (так называемая внешняя определенность), а также в непротиворечивости, недвусмысленности ее понимания (внутренняя определенность)»³.

Основу содержательной формальности актов Конституционного Суда России составляют нормы Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» о том, что Судом решаются исключительно вопросы права, дается правовая оценка не фактическим обстоятельствам дела, а конституционности нормативных актов, отдельных их положений, не вступивших в силу международных договоров России и другое (ст. 3). Как заметил Н.А. Власенко, «...задача Конституционного Суда РФ – установить реальность неопределенной ситуации в правовой регламентации, сделать определенные выводы, изучив их в рекомендациях»⁴. Закрепление в решениях сведений, касающихся отдельных конкретных аспектов рассмотрения дел, не умаляет нормативного значения других положений решения, поскольку само наличие индивидуальных предписаний даже в признанном нормативном акте еще не предрешает вопроса об иной его природе⁵.

Закон также определяет, какие именно акты Конституционного Суда Российской Федерации могут иметь общерегулирующее значение, называя их итоговыми решениями по характеру и постановлениями по форме. В связи с чем к их структуре предъявляются повышенные требования⁶, в том числе: указание

¹ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 363-365.

² См.: Богатова О. В. Нормативный правовой акт как источник права (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 60-66.

³ Нормы права : теоретико-правовое исследование / Отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов. М., 2014. С. 11.

⁴ Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2014. С. 138.

⁵ См.: Мицкевич А. В. Правотворческое значение нормативного акта // Советское государство и право. 1965. № 11. С. 49; Апт Л. Ф. Об элементах структуры нормативного акта // Правоведение. 1973. № 2. С. 27; Васильев Р. Ф. О понятии правового акта // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 5. С. 23.

⁶ Ст. 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

на окончательность и обязательность решений, порядок вступления решений в силу, а также порядок, сроки и особенности их исполнения и опубликования. Заметим, что только Постановления Конституционного Суда Российской Федерации выносятся именем Российской Федерации.

Формальная определенность с тем, чтобы акт нормативного значения представлял собой реально существующий, доступный для восприятия и применения объект материального мира, обусловлена и требованием изложения решений в виде отдельного письменного документа со всеми необходимыми реквизитами и подписями. При этом постановления и заключения Конституционного Суда России принимаются в виде отдельных документов, обязательно указываются мотивы их принятия, а определения, оглашаясь в судебном заседании, заносятся в протокол, если иной порядок не установлен законом или самим решением Конституционного Суда России¹.

Конечно, по структуре решения Конституционного Суда России мало похожи на нормативные акты, но согласимся с мнением М.Л. Романова, что «исходя из логики текстуального изложения, нормативная мысль Конституционного Суда приводится в довольно устойчивый структурно-содержательный порядок и, несмотря на специфику судебной «речи» и графики, вполне может быть обозрима как в целом, так и в части»².

Таким образом, признаком формальной определенности обладают только постановления и заключения Конституционного Суда Российской Федерации, все без исключения.

Исполнение любого акта, обладающего нормативностью, **обеспечивается государственным принуждением**. Оно создает предпосылки для надлежащего отношения к нормативным актам, позволяет судить о них как о фактически и практически функционирующих источниках права. Важно, что субъекты, на которые возложена данная функция, как правило, конкретно не определены.

¹ Ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суда Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Романов М. Л. Нормативная характеристика решений Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. 2008. С. 149.

Наличие именно этого качества и отличает нормативные правовые регуляторы от иных социальных норм.

Ст. 81 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит норму об установленной законом ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению любого решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Конкретизация вышеуказанной ответственности предусмотрена в Федеральных законах от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ и от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»² – вплоть до роспуска или отрешения от должности соответствующих органов и должностных лиц.

Федеральным законодательством предусмотрена и уголовная ответственность за «злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, или воспрепятствование их исполнению»³ – в том числе решения Конституционного Суда России. Ст. 315 Уголовного кодекса России от 13 июня 1996 г.⁴ предусматривает в этих случаях санкцию в виде штрафа, лишения права занимать определенную должность, ареста или лишения свободы.

Вместе с тем обеспеченность решений Конституционного Суда Российской Федерации государственным принуждением имеет свою специфику, «вытекающую из того на первый взгляд парадоксального суждения, что

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

³ Ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

государство, получается, принуждает само себя, поскольку названные решения адресованы прежде всего ему и его органам. Однако, представляется, что здесь государство проявляет даже не столько сознательность, сколько следует требованиям конституционной законности, которая равнозначна как в отношении личности, общества, так и государства, а возможно, в отношении последнего – имеет место и в первую очередь»¹.

Заметим, что главная задача состоит в исполнении решения Конституционного Суда Российской Федерации; возможность привлечения к ответственности виновных в неисполнении органов и должностных лиц – средство достижения.

Также Конституционный Суд Российской Федерации самостоятельно контролирует исполнение своих решений. Эту функцию выполняет Секретариат Конституционного Суда России в соответствии с Регламентом Конституционного Суда России, который предоставляет полугодовые и годовые информационно-аналитические отчеты по исполнению решений. Так, в отчете по состоянию на 06 апреля 2017 г. было отмечено, что не исполненными остаются 35 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации². Кроме того, Секретариатом ведется специальный Перечень актов Конституционного Суда России, предполагающих изменение федерального регулирования.

Значительную работу по решению проблем с исполнением решений Конституционного Суда России осуществляет Комитет Совета Федерации Федерального Собрания России по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества.

Правительство России систематически направляет в Конституционный Суд России сведения о поручениях федеральным органам исполнительной

¹ Романов М. Л.. Нормативная характеристика решений Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. № 1. 2008. С. 150.

² Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 г. по состоянию на 06 апреля 2017 г. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2016.aspx>

власти по разработке проектов нормативных правовых актов во исполнение решений Конституционного Суда России, а также информацию Правового департамента Правительства России о ходе исполнения решений Конституционного Суда России.

Министерство юстиции России в ежеквартальном режиме направляет в Секретариат Конституционного Суда России сведения о работе по обобщению сведений по требующим исполнения актам Конституционного Суда России, а также о текущем состоянии их реализации. Данная работа проводится в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»¹.

Традиционно от Верховного Суда России в Конституционный Суд России поступает информация по пересмотренным судебным актам по новым обстоятельствам ввиду признания Конституционным Судом России не соответствующим Конституции России закона, примененного в конкретном деле, а также копии судебных актов².

Возникает вопрос: распространяется ли данный признак нормативности – обеспеченность государственным принуждением – на такие решения Конституционного Суда Российской Федерации как Послания Федеральному Собранию; решения с предложениями, вносимыми в порядке реализации права законодательной инициативы; информационно-аналитические отчеты о содержании и исполнении его решений? Например, законодательная инициатива может быть в итоге не реализована законодательным органом или реализована в иной форме, нежели предлагалось Конституционным Судом Российской Федерации. Ответ мы находим в вышеуказанных нормах федерального законодательства – в них говорится об ответственности за неисполнение всех решений суда без каких-либо исключений. Разница лишь в том, что следует понимать под исполнением различных видов актов Конституционного Суда

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2930.

² Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 г. по состоянию на 06 апреля 2017 г. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2016.aspx>

Российской Федерации. Исполнение Посланий Федеральному Собранию; решений с предложениями, вносимыми в порядке реализации права законодательной инициативы; информационно-аналитических отчетов о содержании и исполнении его решений заключается в их рассмотрении.

И наконец, последним из названных признаков внешней нормативности решений Конституционного Суда Российской Федерации выступает их **юридическая сила**. На ее основе определяются правовые связи и иерархия между нормативными актами. Категория юридической силы имеет важное функциональное значение, позволяя акту выступать в качестве реально действующего источника права, не обособленного, а взаимодействующего, соподчиненного с иными правовыми актами регулятора социальных отношений¹. При какой юридической силе решение Конституционного Суда Российской Федерации переходит из разряда правоприменительного к разряду правотворческого? И каково его место в системе российского права?

На наш взгляд, как было рассмотрено ранее в диссертационном исследовании, в разряд правотворческих решение Конституционного Суда Российской Федерации переходит лишь при реализации следующих полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, что влечет принятие им решений, обладающих нормативной новизной:

- признания нормативного правового акта или его части не соответствующими Конституции России;
- признания невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией России решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;
- официального толкования Конституции России;
- обязательного истолкования нормативных правовых актов или их части, являющихся предметом жалобы или обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

¹ См.: Правовые акты / Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В. М., 1999. С. 19-21; Богатова О. В. Нормативный правовой акт как источник права (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 60-66.

Важно отметить, что к данному моменту анализа решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет содержания ими признаков нормативности только решения из категории постановлений содержат все ранее рассматриваемые признаки нормативности. Но все ли постановления Конституционного Суда Российской Федерации нормативны?

Вышеуказанные полномочия Конституционным Судом Российской Федерации реализуются в вынесении решений в форме следующих постановлений:

- о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними (включая постановления о конституционности законов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов, поскольку все итоговые решения по данным категориям дел в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. определены со ссылкой на ст. 87 вышеуказанного закона);

- о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

- о толковании Конституции России;

- о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом России истолковании;

- подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции.

Все они обладают не только обязательностью, но и нормативной новизной: как результат их принятия норма права утрачивает силу или изменяется ее наполнение. Кроме того, и все рассмотренные ранее признаки нормативности есть в каждом из вышеуказанных постановлений.

Так, согласно ч. 3 ст. 102 и ч. 3 ст. 103 Конституции России, постановления Совета Федерации и Государственной Думы принимаются большинством

голосов от общего числа членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы. Данное большинство могло пониматься по-разному: от общего, установленного Конституцией Российской Федерации числа парламентариев палаты, от реальной численности палаты, либо от числа присутствующих на заседании палаты. Конституционный Суд России в Постановлении от 12 апреля 1995 г.¹ о толковании Конституции Российской Федерации определил, что считать необходимо от общего, конституционного их числа. Если считать по числу избранных депутатов и исключить тех, чьи полномочия прекратились, это может привести к тому, что она будет принимать законы, даже если фактически будет утрачен представительный характер вследствие вакантности ощутимой части депутатских мандатов. Конституционным Судом России был сделан общий вывод о том, что при определении порядка принятия законов и постановлений палатами Федерального Собрания Конституция России исходит из названного общего числа депутатов. Тогда принятые большинством голосов решения будут учитывать волю представителей не менее чем половины избирателей, а потому наличие вакантных мандатов не скажется на итогах голосования. Очевидно, что Конституционный Суд России сделал выбор в пользу одного из вариантов реализации конституционной нормы и, по сути, запретил иные, что само по себе, на наш взгляд, имеет нормативное значение.

В других же случаях Конституционный Суд Российской Федерации фактически изменял содержание конституционной нормы. Например, в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации»² впервые был назван такой вид законов, как законы о поправках к Конституции Российской Федерации. Формально-юридический метод толкования не позволял придти к такому пониманию данной конституционной нормы.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 16. Ст. 1451.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4408.

Аналогичный результат может иметь место и при реализации полномочия Конституционного Суда Российской Федерации истолковывать нормативные правовые акты или их часть. Так, в Постановлении от 07 марта 2017 г. № 5-П¹ Конституционный Суд России, признав п. 1 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса России соответствующим Конституции России, дал расширительное его истолкование. Суд установил, что при прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности и, как следствие, конфискации принадлежащего обвиняемому имущества, признанного в качестве орудия преступления или иного средства совершения преступления вещественным доказательством, необходимо разъяснить обвиняемому юридические последствия такого прекращения, включая саму конфискацию. В случае отсутствия такого согласия, в том числе в части прекращения права собственности на указанное имущество, производство по делу должно быть продолжено. А само соответствие данной нормы Конституции Российской Федерации было обосновано Судом тем, что конфискация при прекращении уголовного дела производится только с согласия обвиняемого: «Если собственник выражает свое согласие на изъятие принадлежащего ему имущества, то конфискация в значительной мере утрачивает свойство принудительности и, как следствие, свои сущностные признаки во всей их полноте, превращаясь в исполнение заключенного между обвиняемым (подсудимым) и государством публично-правового соглашения *sui generis*, соотносимого по своему характеру с применяемыми в рамках института освобождения от уголовной ответственности альтернативами уголовному преследованию (судебному разбирательству)».

Во-первых, ни сама ст. 81, ни другие нормы УПК России не содержат обязанности следователя, дознавателя, суда при прекращении уголовного преследования получать на то согласие обвиняемого не только в части самого

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 12. Ст. 1779.

прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, но и в части конфискации имущества. Во-вторых, вызывает вопрос само такое истолкование данной нормы. Как отметил судья С.М. Казанцев в особом мнении к вышеуказанному решению, за пределами срока давности уголовного преследования не только не может быть назначено наказание, но и не могут применяться иные уголовно-правовые меры, в том числе и конфискация принадлежащего обвиняемому и не изъятого из оборота имущества, признанного в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством.

Тем не менее, только в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании должен теперь применяться п. 1 ч. 3 ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уголовное дело по нереабилитирующим основаниям не должно прекращаться без согласия обвиняемого на конфискацию (при его наличии) принадлежащего ему имущества, признанного в качестве орудия или иного средства совершения преступления вещественным доказательством.

В постановлениях, подтверждающих или отрицающих полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции, Конституционный Суд России фактически также производит обязательное толкование Конституции России, Федеративных и иных договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, между высшими государственными органами субъектов Российской Федерации¹. При этом схожи эти решения скорее с постановлениями о соответствии Конституции России нормативных актов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционном Судом России истолковании, нежели с постановлениями

¹ Ст. 94 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г.

о толковании Конституции России, поскольку, во-первых, толкуется не только Конституция России, во-вторых, для принятия этого вида решения необходимо простое большинство.

Важно также учитывать и другое юридическое последствие: постановления о толковании Конституции России, о соответствии Конституции России нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом России истолковании, отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившее причиной спора о компетенции, являются основанием для судебного обжалования соответствующих решений и действий, если при их вынесении или реализации органы и должностные лица руководствовались неправильной интерпретацией Конституции России, нормативных правовых актов и своих полномочий. В этих случаях судья, обосновывая свое решение, будет выносить его, ссылаясь на конкретное решение Конституционного Суда Российской Федерации. Неправильное истолкование закона, в том числе Основного Закона Российской Федерации, является также основанием для отмены или изменения решения суда¹.

Актуальным остается вопрос: чем отличается официальное толкование Конституционным Судом России Конституции России, данное в постановлении о толковании Конституции России от толкования Конституции России, даваемого в правовых позициях остальных решений? В случае, если эти категории равнозначны, то логически вытекает вывод о том, что все решения Конституционного Суда Российской Федерации, содержащие расширительное толкование норм Конституции Российской Федерации либо толкование в виде

¹ П. 3 ч. 2 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; п. 3 ч. 1 ст. 389.15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 52 (ч. I). Ст. 4921; п. 3 ч. 3 ст. 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

выбора одного из нескольких возможных пониманий конституционной нормы, являются источниками российского права.

Во-первых, законодатель определил специальный вид решений для официального толкования Конституции – постановление Конституционного Суда России о толковании Конституции России.

Во-вторых, отличается и процедура принятия этих решений: постановление о толковании Основного закона принимается большинством не менее двух третей от числа действующих судей, тогда как остальные решения, также содержащие толкование Конституции России как основной метод, который применяется при разрешении дел, и как важнейшую стадию конституционного процесса, принимаются большинством участвовавших в голосовании судей.

Кроме того, об обязательности не решения Конституционного Суда Российской Федерации как такого, а непосредственно толкования Конституции России в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» говорится только в ст. 106 главы XIV «Рассмотрение дел о толковании Конституции Российской Федерации». Следовательно, обязательно лишь само решение, любое решение, Конституционного Суда Российской Федерации, содержащее это толкование. Но обязательность – это лишь один из признаков нормативности. Само наличие в любом решении толкования Конституции Российской Федерации не делает его официальным толкованием и не трансформирует ненормативное решение в нормативное.

Таким образом, являясь правотворческим органом, Конституционный Суд Российской Федерации все же не во всяком своем участии в процессе правотворчества выносит как результат конкретное постановление, являющееся нормативным. На наш взгляд, таковыми не являются постановления о несоответствии Конституции России не вступивших в силу международных договоров России. Поскольку само по себе решение Конституционного Суда Российской Федерации не может ни вводить в правовое поле международный договор, ни выводить его в связи с его несоответствием Конституции России.

Так, Постановлением от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»¹ Конституционный Суд России признал соответствующим Конституции России не вступивший в силу международный договор между Россией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе России новых субъектов. Согласно п. 1 ст. 8 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»², в случае, если Конституционным Судом России не вступивший в силу международный договор будет признан соответствующим Конституции России, последний может быть ратифицирован – то есть только после этого последнего этапа он становится составной частью системы российского права.

Возникает еще один вопрос. Выполняет ли правотворческую функцию Конституционный Суд Российской Федерации в связи с возложенным на него в 2014 г.³ п. 5.1 ч. 3 Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» полномочия проверять на соответствие Конституции России вопрос, выносимый на референдум России?

Изначально Конституционный Суд России по общему правилу осуществлял только последующий (репрессивный) конституционный контроль и лишь в одном случае – по делам о проверке соответствия конституции не вступивших в силу международных договоров – выполнял предварительный (превентивный) конституционный контроль. В отношении российских нормативных правовых актов предварительный конституционный контроль никогда не осуществлялся. Конституционный Суд Российской Федерации в

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1527.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4916.

³ Федеральный конституционный закон от 04 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

своих правовых позициях также неоднократно высказывался о том, что предварительный конституционный контроль не допустим¹.

Что же включает в себя вышеуказанное новое полномочие Конституционного Суда России по проверке на соответствие Конституции России вопроса, выносимого на референдум? И в чем заключалась необходимость принятия данной нормы?

Ст. 6 Федерального конституционного закона № 5 от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации»² раскрывает содержание понятия «вопросы, выносимые на референдум»: это вынесение на всенародное голосование проекта новой Конституции России; проекта нормативного акта; вопросов, обязательное вынесение которых на референдум предусмотрено международным договором России; вопросы, отнесенные Конституцией России к ведению Российской Федерации, а также к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. В преамбуле закона также указано, что референдум не может быть использован в целях принятия решений, которые противоречат Конституции России.

Сам акт референдума – это нормативный документ (решение), который принят в результате всенародного голосования по важнейшим вопросам государственной жизни, содержащий нормы права. В соответствии со ст. 83 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», решение, принятое на референдуме, должно вступать в силу со дня официального опубликования, являясь общеобязательным и не нуждающимся в дополнительном утверждении, действующим на всей территории России. Оно может быть отменено или изменено только в случае принятия решения на новом референдуме, если в самом решении не указан другой порядок его отмены или изменения. Вместе с тем, в раздел III Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не были включены

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 февраля 1997 г. № 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта "н" части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации».

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2004 г. № 27. Ст. 2710.

нормы, регламентирующие особенности данного конституционного производства, «что выглядит серьезным упущением»¹ и многократно подвергалось критике со стороны ученых². Ч. 17 ст. 15 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» указывает, что в случае принятия Конституционным Судом России решения о признании вопроса референдума не соответствующим Конституции России процедуры по реализации инициативы проведения референдума прекращаются.

Является ли случайностью тот факт, что вышеуказанная поправка в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» была принята спустя меньше чем через три месяца после проведения референдума в республике Крым о его статусе? На наш взгляд, нет. Таким образом, российский законодатель в кратчайшие сроки нивелировал риски проведения в России референдума, подрывающего конституционные принципы и ценности.

Что же это, как не участие Конституционного Суда Российской Федерации в правотворчестве? Вопрос лишь в том, обладает ли само его решение в случаях предварительного конституционного контроля нормативностью. На наш взгляд нет, поскольку в самом решении Конституционного Суда России ни в случае проверки международного договора России, ни выносимого на референдум вопроса на соответствие Конституции России нет нормативной новизны. Международный договор ратифицирует Федеральное Собрание, в случае признания вопроса референдума не противоречащим Конституции Российской Федерации соответствующий акт принимается всенародным голосованием. Когда же не ратифицированный международный договор или выносимый на референдум вопрос признаются Конституционным Судом России не соответствующими Конституции России, нормативная правовая база также не

¹ Кряжкова О. Н. Перемены в российском конституционном правосудии : ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 10. С. 41-51.

² См., напр.: Витрук Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по поставленному вопросу (поставленным вопросам) референдума // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2. С. 10-12.

изменяется, поскольку их в ней еще не было. Необходимо также учитывать, что в случае, если Конституционный Суд Российской Федерации вынесет постановление о соответствии Конституции России и международного договора России, и выносимого на референдум вопроса, это не станет гарантией ратификации международного договора, принятия нормативного акта на референдуме. Соответствующие голосования могут дать обратный результат.

Аналогична правовая ситуация относительно полномочия Конституционного Суда Российской Федерации в связи с законодательной инициативой по вопросам своего ведения. Если отвлечься от самого вопроса возможности, целесообразности такого полномочия органа, который впоследствии может стать «судьей в собственном деле», то несмотря на фактическое участие в процессе правотворчества, конкретное его решение с законодательной инициативой нормативным являться не будет, поскольку закон будет принят законодательным органом и с тем окончательным содержанием, за которое проголосуют его члены.

Подводя общие итоги, мы видим, что одновременно неперсонифицированностью, неоднократностью применения, общеобязательностью, публичностью, формальной определенностью, обеспеченностью государственным принуждением и юридической силой в виде нормативной новизны обладают следующие постановления Конституционного Суда России¹:

- о толковании Конституции Российской Федерации;
- о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;
- о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании;

¹ См.: Приложение Ж. Таблица 5. Признаки нормативности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

- подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции;

- о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Не обладают всеми признаками нормативности, в том числе не обладают нормативной новизной, следующие акты Конституционного Суда Российской Федерации:

- постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;

- постановления о соответствии или несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации;

- постановления о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;

- постановления о соответствии или несоответствии Конституции Российской Федерации вопросов, выносимых на референдум Российской Федерации;

- заключения, все определения и иные решения по вопросам организации деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Поскольку нормативные постановления Конституционного Суда России влекут утрату юридической силы нормативных правовых актов, в том числе и федеральных конституционных законов (вне зависимости от их фактической отмены); истолкований межгосударственного органа по защите прав и свобод человека положений международных договоров России; могут содержать обязательное расширительное толкование Конституции России, их место в системе российского права следует сразу после Конституции России.

При этом нормативные решения Конституционного Суда России являются источниками всех отраслей российского права также как и Конституция Российской Федерации и законы как таковые. Только конкретное постановление

Конституционного Суда Российской Федерации, как и конкретный закон, может иметь ту или иную отраслевую принадлежность когда, например, в нем установлено несоответствие нормы определенной отрасли российского права Конституции России.

Нормативность постановлений Конституционного Суда Российской Федерации считаем необходимым зафиксировать в самом Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», например, в следующей редакции: «К нормативным постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации относятся: постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании Конституции Российской Федерации; о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними; о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании; подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции; о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека».

Кроме того, например, Гражданский кодекс Российской Федерации в гл. 1 «Гражданское законодательство» содержит ст. 3 «Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права» и ст. 5 и 7, рассматривающие отдельные виды источников гражданского права – обычаи и нормы международного права. Предлагаем в данной главе и по аналогии в соответствующих главах других российских кодексов указать и нормативные постановления Конституционного Суда России как источник права.

На наш взгляд, внесение вышеуказанных изменений в российское законодательство не только помогло бы уменьшить проблему исполняемости решений Конституционного Суда Российской Федерации, но и способствовало

бы системному упорядочению дискуссии относительно природы решений Конституционного Суда Российской Федерации, их нормативности.

2.3. Иные решения Конституционного Суда Российской Федерации, имеющие позитивное содержание

Конституционным Судом Российской Федерации принимаются различные виды решений, некоторые из которых, не обладая всеми признаками нормативности, тем не менее, содержат в себе так называемое «позитивное содержание». Является ли источником российского права в формально-юридическом аспекте данного понятия постановление Конституционного Суда России, устанавливающее соответствие Конституции России нормативного акта или отдельного его положения? С нашей точки зрения – нет, поскольку в таком решении нет нормативной новизны.

По этой же причине к источникам российского права мы не относим постановления Конституционного Суда России о признании не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации или договора либо отдельных их положений не соответствующими или соответствующими Конституции России. Как анализировалось ранее, они более похожи на заключения о соблюдении или несоблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента России в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. В них также содержится заключение, на основании которого соответствующий международный договор или его часть могут быть ратифицированы или же нет. Самостоятельно решение Конституционного Суда Российской Федерации не вводит и не выводит (поскольку его там не было) в систему российского права международный

договор. Аналогична правовая ситуация по постановлениям Конституционного Суда России о соответствии или несоответствии Конституции России вопроса, выносимого на референдум России. Такое решение также несет в себе суть заключения; только сам народ на референдуме может проголосовать за принятие нового нормативного правового акта.

По сути, схожи с заключениями и постановления Конституционного Суда Российской Федерации, подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции. Но данные постановления, в отличие от вышеперечисленных, обладают таким признаком нормативности, как неоднократность применения. Кроме того, «если Конституционный Суд Российской Федерации признает издание акта не входящим в компетенцию издавшего его органа государственной власти, акт утрачивает силу со дня, указанного в решении»¹.

Определения Конституционного Суда России первоначально принимались в целях отказа в принятии к рассмотрению обращений в Конституционный Суд России, прекращения производства по делу и разрешения текущих вопросов. Впоследствии стали приниматься определения, имевшие нормативное содержание, и их было достаточно много. Приведем в качестве примера определение, коснувшееся очень важного вопроса – государственного суверенитета субъектов Российской Федерации.

Постановлением Конституционного Суда России от 7 июня 2000 г. «По делу о конституционности ряда положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"»² было определено, что государственным суверенитетом субъекты Российской Федерации не обладают; кроме того,

¹ Ст. 95 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

неконституционны их попытки закрепить свои исключительные права на собственность, землю и иные природные ресурсы на территории субъекта.

Поскольку данным постановлением затрагивались интересы многих субъектов – республик в составе Российской Федерации, в результате запроса группы депутатов Государственной Думы Конституционным Судом Российской Федерации было принято Определение от 27 июня 2000 г. «О проверке соответствия Конституции России отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан»¹. В нем были признаны не соответствующими Конституции России положения Конституций этих республик, аналогичные положениям, ранее получившим оценку. Но вынесено было именно определение, поскольку данная правовая позиция была уже высказана Конституционным Судом России ранее.

В Определении от 6 декабря 2001 г. Конституционный Суд России в связи с запросом Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан вновь подтвердил ранее сформулированные правовые позиции и по одному вопросу высказался дополнительно – о гражданстве субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд России указал, что «Конституция Российской Федерации предопределяет и решение производного вопроса – о гражданстве, поскольку именно суверенное государство правомочно законодательно определять, кто является его гражданами, признавая их тем самым полноправными субъектами права, обладающими всеми конституционными правами человека и гражданина». Конституционный Суд России указал, что Конституцией России ни в ст. 6, которая устанавливает принцип единого гражданства России, ни в статьях о статусе субъектов Российской Федерации, о предметах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов не предусмотрено гражданство республик или иных субъектов Российской Федерации и их полномочий в этой области. Конституцией России (п. «в» ст. 71) вопросы гражданства отнесены к исключительному ведению

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 29. Ст. 3117.

Российской Федерации, из чего во взаимосвязи со ст. 76 (ч. 1.) следует регламентированность данного института только федеральным законом, который имеет прямое действие на всей территории России.

На основе вышеуказанных решений многие субъекты Российской Федерации при проведении своих конституционных реформ исключили из соответствующих основных законов упоминание о суверенитете и гражданстве. А в 2002 г. был принят Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», также не предусматривающий гражданства субъектов Российской Федерации.

По этим причинам к источникам российского права некоторые правоведы стали относить так называемые определения Конституционного Суда Российской Федерации с положительным (позитивным) содержанием¹. Но на практике возникли большие проблемы с исполнением таких определений именно потому, что они были вынесены не в виде итоговых решений. Даже позиция Верховного Суда Российской Федерации могла быть противоположной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в ее правовых позициях. Нередко в юридической литературе можно было встретить следующие высказывания: «высшие судебные инстанции страны, функционирующие в сфере, так называемой общей юрисдикции, по сути, «фрондируют» акты конституционного правосудия, все смелее являя образцы, ранее невиданной, независимости»². Н.Н. Ковтун приводил тому множество примеров:

– в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда России, ст. 377 УПК РФ в ее конституционно-правовом истолковании не освобождала суд кассационной инстанции от обязанности оформления протокола судебного заседания³. Тогда как Пленум Верховного Суда Российской Федерации

¹ См., напр.: Витрук В. Н. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., 2005. С. 123.

² Ковтун Н. Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики. С. 152-168. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 30-31 октября. 2009. 2010.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 383-О от 20 октября 2005 г. «По жалобе гражданина Силаева Виталия Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 377

придерживался обратной позиции, поскольку ведение протокола судебного заседания в суде кассационной инстанции законом предусмотрено не было¹;

– в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда России, недопустимо повторное участие судьи в рассмотрении дела, если ранее он уже принимал участие в рассмотрении этого дела по существу². Правовая позиция Президиума Верховного Суда Российской Федерации в этом вопросе была иной: судья второй инстанции не вправе участвовать в новом рассмотрении того же дела только в случае, если было отменено решение, вынесенного с его участием; если же подобной отмены не было, нет и достаточных оснований для отвода такого судьи³.

По этой причине Н.Н. Ковтун задавался вопросом: «Судьи при наличии указанной ситуации легко «разберутся» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права, применяя акт высшей юридической силы, или в целях самосохранения известной «стабильности» вынесенных судебных решений подойдут к решению возникшей проблемы и корпоративно, и весьма избирательно»⁴?

Практика Конституционного Суда Российской Федерации такова, что в своих решениях, включая определения, он раскрывает очень важные правовые позиции по рассматриваемым проблемам. Зачастую только в них практикующие юристы могут найти ответы на возникшие спорные вопросы, в том числе связанные с пробелами в законодательстве.

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ официально опубликован не был) [Электр. ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1254722/>

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 05 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 799–О–О от 01 ноября 2007 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (документ официально опубликован не был) [Электр. ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685218/>

³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 106п2003 от 06 августа 2003 г. (документ официально опубликован не был) [Электр. ресурс]. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_29105.htm

⁴ Ковтун Н. Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики. С. 169. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург. 30-31 октября 2009 г. 2010.

Так, у адвокатского сообщества возник вопрос о том, может ли адвокат стать свидетелем по делу об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если подозреваемый, обвиняемый – бывший подзащитный – сам заинтересован в даче таких показаний в его пользу¹? П. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ категорично отвечал на этот вопрос: «адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого не подлежит допросу в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием». Аналогичная норма содержится в ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ² и ст. 6 «Кодекса профессиональной этики адвоката», принятого Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.³, регулирующих вопросы соблюдения адвокатской тайны.

По мнению многих адвокатов, если не будет позволен допуск защитников к участию в уголовном процессе в качестве свидетелей в пользу и с согласия подзащитных, то нарушенным будет право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, которое гарантировано ст. 48 Конституции России; возникнет противоречие принципов состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции России).

В Определении от 6 марта 2003 г. № 108-О⁴ Конституционный Суд России по жалобе гражданина Цицкишвили Г.В. на неконституционность п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, определил, что в вопросе неконституционности данной нормы неопределенность отсутствует: «Освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, пункт 2 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации вместе с тем не исключает его

¹ См.: Александрова М. А. Решения Конституционного Суда РФ как источник уголовного и уголовно-процессуального права // «20 лет уголовному кодексу РФ : проблемы применения и перспективы развития». Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А.Т. Дугин, О.Е. Калпинская. Великий Новгород, 2017. С. 9-11.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

³ Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 3.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060.

право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Данная норма также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию».

Важно отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации принял не постановление о признании нормативного акта или его части соответствующими Конституции России, а вынес «отказное» определение, тем не менее содержащее очень важные правовые позиции, адресованные неопределенному кругу лиц.

С одной стороны, адвокат в вопросах уголовно-процессуального законодательства должен руководствоваться уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, ст. 56 которого запрещает при любых обстоятельствах давать показания об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием – иначе такие показания должны будут быть признаны недопустимыми. С другой стороны, есть правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанные в его определении, позволяющие адвокату дать свидетельские показания в пользу и с согласия подозреваемого, обвиняемого. Цена ошибки – возможное лишение статуса адвоката.

Несмотря на то, что некоторые адвокатские палаты субъектов Российской Федерации¹ дали официальные разъяснения по своей позиции в этом вопросе, совпадающие с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, адвокаты были вынуждены следовать предписаниям законодателя, поскольку правоприменители, в первую очередь судьи, игнорировали вышеуказанное определение Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, например, Постановлением Президиума Верховного Суда России от 07 июня 2006 г. № 71-П06 свидетельские показания адвоката в пользу

¹ См., например: <http://advokatkamchatka.ru/advokat/faqs/121-2011-06-29-23-36-00.html>

подсудимого, интересы которого он ранее представлял, признаны недопустимым доказательством в связи с нарушением п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ; правовые позиции Конституционного Суда России по этому вопросу Верховным Судом не учитывались.

Как иначе поступать правоприменителю, когда на одной чаше весов норма Федерального закона, а на другой правовые позиции, выраженные в «отказном» определении Конституционного Суда России? Даже ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в прежней редакции использовала достаточно многозначную формулировку «подлежит учету» в отношении правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, содержащихся только в его постановлениях.

Как результат, Федеральным законом от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ п. 2 и 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ были дополнены следующей нормой: «... за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь».

Эта проблема не становится меньшей, когда правовая позиция Конституционного Суда России выражается в постановлении о признании нормативного акта соответствующим Конституции Российской Федерации. Не по этой ли причине законодателем были введены в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» статья 47.1 «Разрешение дел без предварительного слушания», а также новый вид решений – постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании? Ранее принятая правовая позиция по другому делу не была достаточной для заявителей, Конституционный Суд Российской Федерации по причине того, что правовая позиция по спорному вопросу уже была высказана, выносил «отказные» определения с позитивным содержанием, который также не

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2455.

всегда исполнялись в связи с тем, что это не итоговые решения. Как следствие, на сегодняшний день Конституционный Суд Российской Федерации вынужден дублировать свои решения, отличные от аналогичных по сути лишь субъектным составом. А часть правовых позиций теперь облекается в форму толкований, которые являются обязательными.

Значит ли это, что решения Конституционного Суда Российской Федерации, не обладающие всеми признаками нормативности, не должны иметь непосредственное влияние на российское правовое пространство?

Для ответа на этот вопрос необходимо дать оценку правового статуса правовых позиций Конституционного Суда России¹. На наш взгляд, анализу в этом случае подлежат лишь Конституция России и Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации». Так как в актах Конституционного Суда России анализ и оценка собственных правовых позиций производится Судом «попутно» в самих правовых позициях. По этой причине, в зависимости от того, каким законодательно был определен статус правовых позиций Конституционного Суда России, зависит и их обязательность, и юридическая сила.

В Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 24 июня 1994 г. о правовой позиции было сказано четырежды в его статьях 29, 47.1, 73 и 79. Так, ч. 3 ст. 29 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» гласит: «решения Конституционного Суда России выражают соответствующую Конституции России правовую позицию судей, свободную от политических пристрастий». В ч. 1 ст. 47.1 закреплена возможность рассмотрения Конституционным Судом России дел без проведения слушания, если он придет к выводу о том, что вопрос о конституционности нормативного правового акта возможно разрешить на основании правовых позиций, которые содержатся в

¹ См.: Александрова М. А. Проблема определения понятия правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и ее юридической силы // Правовед. 2013. Вып. 9. С. 35-44.

ранее принятых им постановлениях, и проведение слушания не является необходимостью для обеспечения прав заявителя.

Ныне утратившая силу в связи с упразднением палат ст. 73 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» гласила о том, что в случае, если большинство участвующих в заседании палаты судей склонялись к необходимости принять решение, не соответствующее правовой позиции, которая ранее была выражена Конституционным Судом России, дело необходимо было передать на рассмотрение в пленарное заседание. До 28 декабря 2016 г. действовала следующая редакция ч. 5 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», вызывавшая особый интерес: «позиция Конституционного Суда Российской Федерации относительно того, соответствует ли Конституции Российской Федерации смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда Российской Федерации».

Обратить внимание следует на два очень важных момента:

1. Использовалась формулировка «подлежит учету», а не, например, «является обязательной»;

2. Подлежали учету лишь позиции, выраженные в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации. Заметим, что сами решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны все¹.

Данная формулировка представлялась ученым довольно слабой². Так, С. Нарутто справедливо заметила, что понятие «учет позиций» может

¹ Ст. 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

² См.: Нарутто С. Конституционный Суд РФ : изменения в статусе и процедурах (2009 и 2010 годы) // Хозяйство и право. 2011. № 9. С. 16; Кокотов А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 96; Синцов Г. В. Проблемы применения в судебной практике правовых позиций, содержащихся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 40.

означать различные варианты поведения – от простого упоминания, цитирования позиции до неукоснительного следования ей, что допускает широкую свободу. Другие же правоведа¹ в этой формулировке увидели подтверждение обязательной силы правовых позиции: «Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации носят нормативный характер, что следует из положения ст. 79 ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации", и подлежат обязательному учету»².

На сегодняшний день вышеуказанная статья имеет иное содержание. Удалена норма о том, что позиция Конституционного Суда Российской Федерации подлежит учету. Но в связи с появлением нового вида постановлений Конституционного Суда России – постановлений о признании нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании – «не допускается применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в этом постановлении истолкованием»³. То есть вместо понятия «правовая позиция» в данной статье использовано понятие «истолкование». И речь идет об истолкованиях, содержащихся только в конкретном виде решений. Понятие же «правовая позиция» продолжает использоваться Конституционным Судом Российской Федерации в своих решениях.

Таким образом, законодателем разделены понятия «правовые позиции» и «истолкования» Конституционного Суда Российской Федерации. Правовые позиции содержатся в любом решении Конституционного Суда России, их может быть несколько и по различным вопросам, рассматриваемым в решении, в

¹ См.: Курбатов А. Я. Конституционный Суд РФ: проблемы с компетенцией требуют решения // Закон. 2011. № 2. С. 116; Бородина Т. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на пересмотр судебных решений и приговоров // Российский судья. 2013. № 6. С. 46.

² Бородина Т. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на пересмотр судебных решений и приговоров // Российский судья. 2013. № 6. С. 46.

³ Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

том числе и «попутно»; они не обладают сами по себе, вне решения, признаком обязательности – обязательны содержащие их решения. При этом не все решения Конституционного Суда Российской Федерации нормативны, несмотря на обязательность. Никакие правовые позиции не выделены законодателем как имеющие особый юридический статус. Следовательно, сами по себе правовые позиции не обладают нормативностью вне решения Конституционного Суда России и не могут представлять самостоятельно источник российского права.

Понятие же «истолкование» Конституционного Суда Российской Федерации ближе к понятию «толкование». Оно встречается лишь в одном виде решений Конституционного Суда Российской Федерации. Кроме того, в одном таком решении может содержаться лишь одно истолкование конкретной нормы. Оно обязательно. Возникает два вопроса:

1. Почему законодателем использовано понятие «истолкование», а не более традиционное «толкование»?

2. Нормативно ли истолкование самостоятельно, вне решения его содержащего?

На наш взгляд, предпочтение было отдано понятию «истолкование» в связи с тем, что толкование дается в любом решении Конституционного Суда Российской Федерации; толкований может быть несколько в одном решении: и Конституции Российской Федерации, и нормативных правовых актов, и международных договоров. Необходимо было выделить определенный вид толкования, имеющий особый юридический статус. Теперь таких «особых» видов толкования Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» содержит два:

– толкование Конституции Российской Федерации, данное в постановлении о толковании Конституции Российской Федерации;

– именуемое «истолкованием» толкование нормативного акта либо отдельных его положений, данное в постановлении о признании этого нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими

Конституции Российской Федерации в данном Конституционном Судом Российской Федерации истолковании.

Что же касается возможной нормативности истолкований самостоятельно, вне решения его содержащего, необходимо отметить, что все они содержатся только в нормативном виде решений Конституционного Суда Российской Федерации. Таким образом, самостоятельным характером истолкования Конституционного Суда Российской Федерации не обладают; нормативные истолкования в ненормативных решениях не содержатся.

Правовые позиции же Конституционного Суда Российской Федерации содержатся во всех его решениях. Но важно отметить, что законодатель не предусмотрел обязанность Конституционного Суда России придерживаться своих собственных правовых позиций. Так, Определением от 24 мая 2005 г. № 257-О¹ Конституционный Суд Российской Федерации отказал заявителю, гражданину А.А. Хорошенко, осужденному к пожизненному лишению свободы, в принятии к рассмотрению его жалобы на нарушение его конституционных прав, в том числе, ст. 125 и ст. 127 УИК РФ, исключающими возможность предоставления длительных свиданий лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы в течении первых десяти лет отбывания наказания, так как, согласно правовой позиции Конституционного Суда России, конституционные права заявителя не были нарушены оспариваемыми нормами. Но 15 ноября 2016 г. Постановлением № 24-П² по аналогичной жалобе осужденного к пожизненному лишению свободы Н.В. Королева, с учетом правовых позиций

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2005 г. № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» (документ официально опубликован не был) [Электр. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54788/

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 48 (часть III). Ст. 6839.

Европейского Суда по правам человека¹, Конституционный Суд России признает допустимой данную жалобу, а вышеуказанные нормы УИК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации.

Каких правовых позиций придерживаться в случае наличия нескольких противоречащих друг другу позиций Конституционного Суда Российской Федерации? Более поздних или выраженных в постановлениях? Как их отследить: во всех решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в любой части, по любым обращениям попутно может быть высказаны интересующие нас правовые позиции?

Важно также учитывать, что неисполнение непосредственно правовых позиций, которых может быть несколько и по различным вопросам в одном решении Конституционного Суда Российской Федерации, не влечет тех же юридических последствий, что и при неисполнении резолютивной части решений Конституционного Суда Российской Федерации. Например, в случае не отмены соответствующими государственными органами и должностными лицами по своей собственной инициативе аналогичных, признанной неконституционной нормы, нормативных правовых актов, конкретная ответственность российским законодательством не предусмотрена. Кроме того, все эти подлежащие исполнению правовые позиции содержатся в нормативных постановлениях.

Таким образом, позитивное содержание может иметь любое решение Конституционного Суда Российской Федерации, содержащее важные для правоприменителя правовые позиции, толкующие норму, восполняющие пробел в законодательном регулировании. Такие правовые позиции могут содержаться и в особом мнении судьи Конституционного Суда России². Но если они содержатся не в нормативных постановлениях Конституционного Суда

¹ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 9 (159).

² Проблемы общей теории *jus* / Отв. ред.: Лазарев В. В. М., 2012. С. 240; Кокотов А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 24.

Российской Федерации и выражены не непосредственно по предмету обращения, то они не обладают признаком обязательности – обязательным будет само решение, его содержащее, то есть резолютивная часть, например, об отказе в принятии жалобы или о соответствии оспариваемой нормы Конституции Российской Федерации.

Для того, чтобы такие правовые позиции не игнорировались, они, когда это возможно, должны быть частью нормативных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. Если бы, например, по вышеуказанной жалобе гражданина Г.В. Цицкишвили на нарушение его конституционных прав п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ было бы вынесено не «отказное» определение, а постановление о признании данной нормы не соответствующей Конституции России в связи с нарушением конституционного права на судебную защиту, а именно права на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции России, а также противоречия принципу состязательности и равноправия сторон, которое закреплено ст. 123 Конституции России, разночтений данной нормы различными правоприменителями не было бы. И конституционное право гражданина на судебную защиту в понимании Конституционного Суда Российской Федерации было бы действительно реализовано. Даже если бы законодатель это решение не исполнил бы.

Но не все значимые правовые позиции возможно облечь в постановление Конституционного Суда Российской Федерации. А если они содержатся, например, в особом мнении судьи Конституционного Суда России? Ведь оно не может по определению быть источником российского права, поскольку противоречит самому решению Конституционного Суда Российской Федерации, которое может являться таковым.

И эта проблема имеет разрешение: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации должен иметь в своей структуре отдельное подразделение, целью которого было бы отслеживание таких правовых позиций Конституционного Суда России, которые

было бы целесообразно в виде законодательных инициатив предлагать Правительству Российской Федерации для дальнейшей их реализации законодателем. Кроме того, непосредственно Правительство Российской Федерации является, согласно ст. 84, 105 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», субъектом, обладающим правом на обращение в Конституционный Суд России с запросом о толковании Конституции России, проверке конституционности нормативных актов органов государственной власти и договором между ними. Сам Конституционный Суд России не вправе по собственной инициативе разрешать эти вопросы. А потому в целях реализации его правовых позиций, Правительство Российской Федерации при активном содействии Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации должно активнее использовать вышеуказанное полномочие¹.

На сегодняшний день работа в этом направлении идет. В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2014 году было создано новое направление исследовательской работы, касающееся научных проблем имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации: отечественных и международных судов, юрисдикция которых признана российской правовой системой². Производятся мониторинг решений Конституционного Суда Российской Федерации, анализ структурных и общих недостатков в национальном законодательстве и правоприменительной практике в связи с его решениями, выработка рекомендаций по улучшению механизма реализации судебных решений, исследование правовых проблем развития институтов законодательной инициативы в связи с решениями Конституционного Суда Российской Федерации³. То есть и доктринальное сопровождение проводимой

¹ См.: Александрова М. А. Пути разрешения проблемы неисполнения актов Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2014. № 11. С. 35-39.

² Лазарев В. В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве: судебные речи. М., 2015. С. 15.

³ <http://www.izak.ru/news.html?id=584>

работы¹. Это очень важные направления деятельности, способные объединить усилия Конституционного Суда Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и правотворческих органов в приведении российского законодательства в стройную, непротиворечивую, понятную для правоприменителя систему, действенно функционирующую в государстве².

Уместно будет вспомнить, что как признак явного неблагополучия в жизни права русский юрист И.А. Ильин рассматривал такую ситуацию, при которой большая часть законодательства состоит из законов, которые лишены «санкций», или если правопорядок, установленный в нормах, фактически не реализуется на практике, или власть, поддерживающая в государстве осуществление прав, располагает слабым или недейственным «понудительным» аппаратом³. Право, как предостерег Р. Иеринг, является не просто мыслью, а живой силой. По этой причине богиня правосудия держит в одной руке весы, взвешивая право, а в другой меч, отстаивая право: «Меч без весов есть голое насилие, весы без меча – бессилие права. Тот и другой атрибуты дополняют друг друга, и действительное правовое состояние существует лишь там, где сила, с какой правосудие держит меч, не уступает искусству, с каким оно применяет весы»⁴.

¹ Лазарев В. В. Восприятие законодателем судебного права // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 163.

² См., напр.: Лазарев В. В. Создание отдела института законодательства по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации – стратегическая инновация в законотворчестве // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 386-389.

³ Ильин И. А. Философия права. Нравственная философия. Соч.: В 2 т. Т. I. М., 1993. С. 99.

⁴ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. С. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании был подвергнут анализу каждый вид решений Конституционного Суда Российской Федерации в части его относимости к правовой категории «источник права». Основным критерием такого отнесения стал в работе критерий наличия нормативной новизны в конкретном виде решений Конституционного Суда Российской Федерации. Остальными признаками источника права обладает большинство решений Конституционного Суда Российской Федерации:¹ они являются актами федерального органа государственной власти; действуют непосредственно; принимаются в строго установленном порядке; общеобязательны; обладают свойством окончательности; публикуются в официальных изданиях в полном объеме; государством обеспечивается их исполнение принудительной силой.

Нормативной новизной, на наш взгляд, обладают только постановления Конституционного Суда России:

- о толковании Конституции Российской Федерации;
- о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании;
- о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними;
- подтверждающие или отрицающие полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции;
- о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

¹ Не все решения Конституционного Суда Российской Федерации, например, подлежат обязательной публикации в официальных изданиях.

То есть, в настоящее время реализация следующих полномочий Конституционного Суда Российской Федерации влечет принятие им решений, обладающих, как следствие, нормативностью:

- признания нормативного правового акта или его части не соответствующими Конституции России;
- признания невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией России решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека;
- официального толкования Конституции России;
- обязательного истолкования нормативных правовых актов или их части, являющихся предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Необходимость в официальном толковании Конституции России возникает в двух случаях: когда логическое, историческое толкование конституции не дает ответа на интересующий вопрос; когда ответ, заложенный в конституции, имеет два и более одинаково допустимых варианта. В обоих случаях Конституционный Суд Российской Федерации своим решением изменяет правовое пространство России: в первом случае – давая расширительное толкование конституции, во втором – сужая правовое пространство, выбирая один из возможных вариантов и, как следствие, запрещая иные. Официальное толкование Конституции Российской Федерации всегда нормативно.

Аналогичные правовые последствия имеют место в отношении иных норм в случае вынесения Конституционным Судом России постановлений о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании.

Что же касается нормативной новизны постановлений о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними, то необходимо отметить, что из правового пространства государства «выводит» неконституционную норму

вне зависимости от ее официальной отмены соответствующим государственным органом или должностным лицом своим решением именно Конституционный Суд России. Неконституционная норма может быть так никогда и не отменена, но из правового оборота она, несмотря на это, удаляется с вынесением постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Решения судов, принятые на основе не отмененной в установленном порядке, но признанной Конституционным Судом Российской Федерации неконституционной нормы будут отменены вышестоящей судебной инстанцией со ссылкой в обосновании решений именно на соответствующее решение Конституционного Суда России.

В случае вынесения Конституционным Судом России постановления о невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией России решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, которое было принято на основании положений международного договора России в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, нормативная новизна решения заключается в том, что именно в связи с его принятием данные обязательные для России истолкования утрачивают силу.

К источникам российского права мы не относим постановления о признании или непризнании не вступивших в силу международных договоров России Конституции России; постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними; постановления о соответствии или несоответствии Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации; определения, заключения и иные решения по вопросам организации деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в связи с тем, что нормативной новизной они не обладают.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии/несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации и вопросов, выносимых на референдум Российской Федерации, автором

предложено после соответствующих изменений в законодательстве выносить в виде заключений, поскольку ни в одном из итоговых решений данной категории дел нормативная новизна не содержится.

Вопрос отнесения к источникам права определений Конституционного Суда Российской Федерации, в особенности, так называемых «определений с положительным содержанием» во многом нашел ответы благодаря новеллам Федерального конституционного закона от 03 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"»: ст. 47.1 определила, что подобные определения теперь выносятся в виде уже постановлений в письменном производстве вне публичного слушания по аналогии с предыдущими своими решениями. Кроме того, в вышеуказанных определениях Конституционный Суд Российской Федерации дублировал правовые позиции, высказанные им ранее в постановлениях.

Правовые позиции вне самого решения их содержащего нормативностью не обладают; обязательность всех решений Конституционного Суда Российской Федерации не влечет автоматически их нормативность. Законодателем выделены в отдельную категорию те правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, которые облачены в форму «истолкований», содержащихся в постановлениях о соответствии Конституции России нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом России истолковании – только они обладают нормативностью, но содержатся лишь в нормативных решениях и самостоятельно не рассматриваются.

В связи с нетождественностью нормативных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации с традиционными источниками права, на наш взгляд, их следует отнести к категории самостоятельных источников российского права, наряду с нормативно-правовыми актами, правовыми обычаями и другими. Все они должны быть объединены общим понятием – «нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации».

Федерации». Они в целом, как и Конституция России, являются источниками всех отраслей права. Отдельно взятые решения Конституционного Суда Российской Федерации могут иметь отраслевую принадлежность; часть из них имеют межотраслевое содержание; отдельные решения являются источниками всех отраслей российского права. Особенность нормативных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права заключается в их высшей, после Конституции Российской Федерации, юридической силе.

Понятие «нормативные постановления Конституционного Суда Российской Федерации» необходимо раскрыть в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г., а в качестве источников конкретной отрасли российского права, в связи с отсутствием на сегодняшний день нормативного правового акта об источниках российского права, закрепить в соответствующих разделах кодексов Российской Федерации, как это сделано в отношении других источников права.

Касаемо правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в иных его решениях, для обеспечения исполнения считаем необходимым Конституционному Суду Российской Федерации облекать их в тех случаях, когда это возможно, не в отказные определения, а в нормативные постановления. Но поскольку это возможно не всегда, полагаем, что важными задачами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации должны быть: отслеживание таких правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которые было бы целесообразно в виде законодательных инициатив предлагать Правительству Российской Федерации для дальнейшей их реализации законодателем; подготовка обращений Правительства Российской Федерации непосредственно в Конституционный Суд России с запросами о толковании Конституции России, проверке конституционности нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними, исходя из вышеуказанных правовых позиций.

Пути разрешения озвученных в диссертационном исследовании проблем современного российского права не являются консервативными, требуют внесения изменений в законодательство, но, на наш взгляд, они обоснованны и эффективны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**Книги**

1. Абушенко, Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе / Д. Б. Абушенко. – М. : Норма, 2002. – 176 с.
2. Авакьян, С. А. Конституция России : природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – М. : РЮИД. «Сашко», 2000. – 528 с.
3. Алексеев, П. В., Панин, А. В. Философия : учебник для вузов / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – М. : Теис, 1996. – 504 с.
4. Алексеев, С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
5. Баглай, М. В., Габричидзе, Б. Н. Конституционное право Российской Федерации : Учебник для вузов. – М. : Издательская группа ИНФРАМ – КОДЕКС, 1996. – 512 с.
6. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – 416 с.
7. Бержель, Ж.-Л. Общая теория права / Под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. Г. В. Чуршокова. – М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. – 576 с.
8. Берман, Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой – 2-е изд. – М. : Инфра-М – Норма, 1998. – 623 с.
9. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права / Н. А. Богданова. – М.: Юристъ, 2001. – 256 с.
10. Богдановская, И. Ю. Прецедентное право / И. Ю. Богдановская. – М. : Наука, 1993. – 239 с.
11. Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Гл. ред. : А. М. Прохоров. – М.-СПб., 1998. – 1456 с.
12. Бондарь, Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия : защита прав и свобод человека Конституционным Судом Российской Федерации / Н. С. Бондарь. – М. : Юстицинформ, 2005. – 592 с.

13. Бурков, А. Л. Судебная защита прав граждан от незаконных нормативных актов / А. Л. Бурков. – Екатеринбург : Урал. ун-та, 2005. – 180 с.
14. Василевич, Г. А., Остапович, И. Ю. Нормативность решений специализированных органов конституционного контроля в Российской Федерации, Республике Беларусь и Республики Казахстан : сравнительно-правовое исследование / Г. А. Василевич, И. Ю. Остапович. – Минск : Право и экономика, 2016. – 311 с.
15. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М. : Юридическая литература, 1976. – 264 с.
16. Венгеров, А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М. : Интерстиль, 1998. – 864 с.
17. Верещагин, А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты / А. Н. Верещагин. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 344 с.
18. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 гг.): Очерки теории и практики / Витрук Н. В. – М. : «Городец-издат», 2001. – 508 с.
19. Витрук, В. Н. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб пособие / В. Н. Витрук. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2005. – 527 с.
20. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании : монография / Н. А. Власенко. – М. : Инфра-М, МЗиСП, 2014. – 157 с.
21. Волкова, Н. С., Хабриева, Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент / Н. С. Волкова, Т. Я. Хабриева. – М. : Норма, 2005. – 176 с.
22. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : ВолГУ, 2004. – 102 с.
23. Гаджиев, Г. А., Пепеляев, С. Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда

Российской Федерации / Г. А. Гаджиев, С. Г. Пепеляев. – М. : ФБК-Пресс, 1998. – 592 с.

24. Гамбаров, Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров; под ред. и предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 816 с.

25. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – М. : Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

26. Голунский, С. А., Строгович, М. С. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.

27. Гражданский процесс : учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Городец, 2007. – 784 с.

28. Гражданское право. Т. 3. Учебник. Издание пятое, переработанное и дополненное / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 1999. – 624 с.

29. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М. : БЕК, 2002. – 816 с.

30. Гражданское право. Часть первая : учебник / Отв. Ред. В. П. Мозолин, А. И. Масляев. – М. : Юрист, 2003. – 523 с.

31. Гук, П. А. Судебный прецедент : теория и практика / П. А. Гук. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 128 с.

32. Гук, П. А. Судебный прецедент как источник права : монография / П. А. Гук; под науч. ред. Н. И. Матузова. – Пенза : Изд-во ГУП «Терновская типография», 2003. – 176 с.

33. Гуценко, К. Ф., Ковалев, М. А. Правоохранительные органы : учебник для юрид. вузов и факультетов / К. Ф. Гуценко, М. А. Ковалев; под ред. К. Ф. Гуценко, засл. юрист РФ, д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Зерцало, 1997. – 368 с.

34. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози; пер. с фр. В. А. Туманова. – М. : Международные отношения, 1998. – 400 с.
35. Дворкин, Р. О правах всерьез / Рональд Дворкин; пер. с англ М. Д. Лахути; ред. Л. Б. Макеева. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 392 с.
36. Денисов, С. А., Смирнов, П. П. Теория государства и права / С. А. Денисов, П. П. Смирнов; под ред. С. А. Денисова. – Конспект авторских лекций. Ч. 1. – Тюмень : Вектор БУК, 2000. – 279 с.
37. Дождев, Д. В. Римское частное право. Учебник для вузов / Д. В. Дождев; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма, 2004. – 784 с.
38. Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение. Учение о лице / Н. Л. Дювернуа; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 568 с.
39. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в древней России / Н. Л. Дювернуа. – С-Пб : Юридический центр Пресс, 2004. – 394 с.
40. Дябло, В. К. Судебная охрана конституций в буржуазных странах и в Союзе ССР / В. К. Дябло. – М. : РАНИОН, 1928. – 118 с.
41. Зивс, С. Л. Источники права / С. Л. Зивс. – М. : Наука, 1981. – 239 с.
42. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд России : доктрина и практика. Монография / В. Д. Зорькин. – М. : Норма. 2017. – 592 с.
43. Зорькин, В. Д. Конституционно-правовое развитие России / В. Д. Зорькин. – М. : Норма ИНФРА-М, 2011. – 720 с.
44. Зорькин, В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2007. – 400 с.
45. Зорькин, В. Д. Современный мир, право и Конституция / В. Д. Зорькин. – М. : Норма, 2010. – 543 с.
46. Иеринг, Р. Борьба за право / Р. Иеринг; пер. с нем. С. И. Ершова с 13-го нем. изд. – М. : Феникс, 1991. – 64 с.

47. Ильин, И. А. Философия права. Нравственная философия / И. А. Ильин. – Соч. в 2-х томах. Т. I. – М. : Московский философский фонд, изд-во «Медиум», 1993. – 512 с.
48. Иоффе, О. С., Шаргородский, М. Д. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 381 с.
49. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – Л. : Издательство Ленингр. ун-та, 1958. – 511 с.
50. Исаев, И. А. Власть и закон в контексте иррационального / И. А. Исаев. – М. : Юрист, 2006. – 478 с.
51. Источники российского права : вопросы теории и истории: учебн. пособие / К. Ф. Гуценко, В. И. Крусс, Н. Ф. Кузнецова, Е. В. Кулагина, и др.; отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Норма, 2005. – 336 с.
52. Карасевич, П. Л. Гражданское обычное право Франции в историческом его развитии / П. Л. Карасевич. – М. : Тип. А. И. Мамонтова и К, 1875. – 488 с.
53. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества / В. Н. Карташов. – В 2 т. Т. I. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – 547 с.
54. Касьянов, В. В., Нечипуренко, В. П. Социология права / В. В. Касьянов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2002. – 478 с.
55. Кельзен, Г. Чистое учение о праве Ганса Кельзена / Пер. С. В. Лезова, Ю. С. Пивоварова; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. – Вып. 1. – М. : Академия наук СССР, 1987. – 195 с.
56. Кечекьян, С. Ф. Теория государства и права / С. Ф. Кечекьян. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 534 с.
57. Клишас, А. А. Конституционная юстиция в зарубежных странах / А. А. Клишас. – М.: Международные отношения, 2004. – 288 с.
58. Коваленко, А. И. Общая теория государства и права / А. И. Коваленко. – М. : ТЕИС, 1996. – 115 с.
59. Колюшин, Е. И. Конституционное (государственное) право России / Е. И. Колюшин. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 381 с.

60. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации : В 2-х т. Т. 1 : Государственная власть. Местное самоуправление / Отв. ред. Б.С. Эбзеев. – М.: Юрист, 2000. – 587 с.
61. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» / С. А. Батова, О. В. Бойков, Г. А. Гаджиев и др.; под ред. В. И. Радченко, В. П. Кашепова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М. : Норма, 2000. – 328 с.
62. Конституционное право / В. В. Альхименко, В. Н. Бутылин, А. П. Герасимов, Н. Л. Гранат, и др.; отв. ред. А. Е. Козлов. – М. : БЕК, 1996. – 464 с.
63. Конституционное право. Энциклопедический словарь / Авт. кол.: С. А. Авакьян, К. Ф. Гуценко, А. И. Ковлер, М. Н. Марченко; отв. ред. С. А. Авакьян. – М. : Норма, 2000. – 688 с.
64. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 430 с.
65. Кросс, Р. Прецедент в английском праве / Руперт Кросс; под общ. ред. Ф. М. Решетникова. – М.: Юрид. лит. , 1985. 238 с.
66. Кряжков, В. А. Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика) / В. А. Кряжков. – М. : Формула права, 1999. – 766 с.
67. Кряжков, В. А., Лазарев, Л. В. Конституционная юстиция в Российской Федерации / В. А. Кряжков, Л. В. Лазарев. – М. : БЕК, 1998. – 462 с.
68. Кряжкова, О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда РФ : теоретические основы и практика реализации судами России / О. Н. Кряжкова. – М. : Формула права, 2006. – 152 с.
69. Кутафин, О. Е. Источники конституционного права Российской Федерации / О. Е. Кутафин. – М. : Юрист, 2002. – 348 с.
70. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М. : Юрист, 2001. – 448 с.

71. Лазарев, В. В. Законодатель как сторона в конституционном судопроизводстве : судебные речи / В.В. Лазарев. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 880 с.
72. Лазарев, В. В. Применение советского права / В. В. Лазарев; науч. ред. Б.С. Волков. – Казань : Изд-во Казанского университета, 1972. – 200 с.
73. Лазарев, Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л. В. Лазарев. – М. : ОАО Издательский дом «Городец»; «Формула права», 2003. – 528 с.
74. Лапаева, В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : Монография / В. В. Лапаева. – М. : Российская академия правосудия. 2012. – 580 с.
75. Лебедев, В. М. Судебная власть в современной России : проблемы становления и развития / В. М. Лебедев. – СПб. : Лань, 2001. – 384 с.
76. Лившиц, Р. З. Теория права / Р. З. Лившиц. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.
77. Лучин, В. О., Мазуров, А. В. Указы Президента РФ : Основные социальные и правовые характеристики / В. О. Лучин, А. В. Мазуров. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 330 с.
78. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Перевод с фр. С. В. Боботова, Д. И. Васильева; под ред. и со вступ. ст. С. В. Боботова. – М. : Универс, 1993. – 384 с.
79. Мадьярова, А. В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования / А. В. Мадьярова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 405 с.
80. Марченко, М. Н. Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – М. : Проспект, 2005. – 760 с.
81. Марченко, М. Н. Теория государства и права / М. Н. Марченко. – М. : Зерцало, 2001. – 624 с.

82. Марченко, М. Н., Дерябина, Е. М. Теория государства и права : учебник для бакалавров / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М. : Проспект, 2013. – 432 с.
83. Маунц, Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР) / Пер. с нем. канд. юрид. наук Ю.П. Урьяса; под ред. и с вступ. статьей д-ра юрид. наук проф. Г.С. Гурвича. – М. : Иностр. лит., 1959. – 596 с.
84. Митюков, М. А. Конституционное совещание 1993 года : рождение Конституции России : статьи, выступления, интервью, документы, дневниковые и блокнотные записи (1993-2012) / М. А. Митюков. – М. : Проспект. 2014. – 344 с.
85. Михайловский, И. В. Очерки философии права / И. В. Михайловский. – Т. 1. Томск : В. М. Посохин, 1914. – 632 с.
86. Мозолин, В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство / В. П. Мозолин. – М. : Юстицинформ, 2008. – 77 с.
87. Монтескье, Ш. О духе законов: Избр. произв / Ш. Монтескье; под общ. ред.: Баскин М.П. – М. : Госполитиздат, 1955. – 799 с.
88. Морщакова, Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы / Т.Г. Морщакова; Независимый экспертно-правовой совет. – М. : Р. Валент, 2004. – 264 с.
89. Неволин, К. А. Энциклопедия законовещения / К. А. Неволин. – С-Пб : С-Петербур. ун-т, 1997. – 399 с.
90. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 150 с.
91. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2001. – 552 с.
92. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2003. – 652 с.
93. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М. : Современный литератор, 2003. – 976 с.

94. Новицкий, И. Б. Источники советского гражданского права / И. Б. Новицкий. – М. : Юрид. лит., 1959. – 162 с.
95. Нормы права : теоретико-правовое исследование : Монография / Т. В. Губаева, Л. А. Гумеров, А. В. Краснов, и др.; отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов; Рос. акад. правосудия. – М. : РАП. 2014. – 164 с.
96. Нудель, М. А. Конституционный контроль в капиталистических государствах / М. А. Нудель. – М : Юрид. лит., 1968. – 223 с.
97. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : Инфа-М, 2010. – 592 с.
98. Овсепян, Ж. И. Правовая защита конституций. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах / Ж. И. Овсепян. – Ростов-Дон : «Литера-Д», 1992. – 320 с.
99. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Госиздательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 900 с.
100. Оршанский, И. Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному / И. Г. Оршанский. – СПб.: Типография А.Е. Ландау, 1879. – 459 с.
101. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – Т. 1-2. – М. : РОССПЭН, 2010. – 798 с.
102. Поленина, С. В. Законотворчество в Российской Федерации / С. В. Поленина. – М. : Институт государства и права, 1996. – 145 с.
103. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Котелевская И. В., Тихомиров Ю. А. – М. : Юринформцентр, 1999. – 381 с.
104. Проблемы общей теории *jus* : Учебник для магистрантов юридических вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень, А. Х. Саидов; Отв. ред. В. В. Лазарев. – М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2012. – 656 с.
105. Проблемы теории государства и права: Учебное пособие / Под ред. М.Н. Марченко. – М.: Юрист, 2005. – 656 с.
106. Пряхина, Т. М. Конституционная доктрина Российской Федерации / Т. М. Пряхина; науч. ред. В. О. Лучин. – М. : ЮНИТИ, 2006. – 322 с.

107. Пугачев, А. Н. Судебный конституционный контроль : учеб.-метод. комплекс для магистрантов юрид. спец / А. Н. Пугачев. – Новополюцк : ПГУ, 2009. – 388 с.
108. Рабцевич, О. И. Право на справедливое судебное разбирательство : международное и внутригосударственное правовое регулирование / О. И. Рабцевич. – М. : Лекс-Книга, 2005. – 318 с.
109. Российская юридическая энциклопедия / Авт. кол.: Т. Е. Абова, С. А. Авакьян, Г. Д. Алексеев; гл. ред. А. Я. Сухарев. – М.: Инфра, 1999. – 1100 с.
110. Рулан, Н. Юридическая антропология / Норбер Рулан; отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. – чл.-корр. РАН, проф. В.С. Нерсесянц; пер. с франц. под общ. ред. проф. А.И. Ковлера. – М. : Норма, 1999. – 310 с.
111. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, 2011. – 510 с.
112. Селезнев, Н. В. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти / Н. В. Селезнев. – М. : Издательство БЕК, 1998. – 60 с.
113. Словарь русского языка : В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. А-Й. – М. : Институт русского языка Академии наук СССР, 1957-1960. – 702 с.
114. Словарь синонимов русского языка / Под ред. З. Е. Александровой. – М. : Русский язык, 1986. – 600 с.
115. Современный словарь иностранных слов : ок. 20000 слов. – М. : Русский язык, 1992. – 740 с.
116. Социалистическое право / Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, Е. А. Лукашева и др.; под ред. В. С. Гулиева; АН СССР, Институт государства и права. – М. : Юридическая литература, 1973. – 585 с.
117. Судебная практика в современной правовой системе России : монография / Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев, А. В. Габов и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. – М. : Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 432 с.

118. Сырых, В. М. Логические основания общей теории права / В. М. Сырых. – В 2-х т. Т.2 Логика правового исследования. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2004. – 560 с.

119. Тарановский, Ф. В. Учебник энциклопедии права / Ф. В. Тарановский. – Юрьев : Типография К. Маттисена, 1917. – 554 с.

120. Теория государства и права : учебник для вузов / Под общ. ред. проф. О. В. Мартышина. – М. : Норма, 2007. – 496 с.

121. Теория государства и права: учебное пособие для вузов / Под ред. Корельского В. М., Перевалова В. Д. 2-е изд., изд. и доп. – М. : Инфра-М, 2002. – 616 с.

122. Теория государства и права : учебник для бакалавров / Под ред. Т. Н. Радько, В. В. Лазарева, Л. А. Морозовой. – М. : Проспект, 2015. – 496 с.

123. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – СПб. : «Лань», 1998. – 224 с.

124. Унковский, М. А. О неясности законодательства, как общественном бедствии, и о ближайших путях к ее устранению / М. А. Унковский. – СПб. : Типография В. Тимофеев, 1913. – 230 с.

125. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Пер. с англ.; под ред. М. Калантаровой. – М. : Прогресс, 1993. – 286 с.

126. Хабриева, Т. Я. Конституционная реформа в современном мире : монография / Т.Я. Хабриева. – М : Наука РАН. 2016. – 320 с.

127. Хачатуров, Р.Л. Становление права (на материале Киевской Руси) / Р. Л. Хачатуров. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1988. – 260 с.

128. Хвостов, В. М. Общая теория права : Элементарный очерк / В. М. Хвостов. – Изд. 6-е. – М. : Типография Вильде, 1914. – 160 с.

129. Цвайгерт, Л., Кетц, Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : В 2 т., Т. 1. Основы / Пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 480 с.

130. Черданцев, А. Ф. Вопросы толкования советского права / А. Ф. Черданцев. – Свердловск : Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1972. – 192 с.
131. Черданцев, А. Ф. Толкование советского права (теория и практика) / А. Ф. Черданцев. – М. : Юрид. лит., 1979. – 168 с.
132. Чернов, С. Н. Конституционно-правовой статус Республики Карелия / С. Н. Чернов. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 379 с.
133. Чичерин, Б. История политических учений / Б.Н. Чичерин; подгот. текста, вступ. ст. и коммент.: И.И. Евлампиев. – В 5 т. Т. 1. Рус. Христ. гуманит. акад. – С-Пб. : Издательство Рус. Христианской гуманит. акад. , 2006 – 719 с.
134. Чиркин, В. Е. Элементы сравнительного государственоведения / В. Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 1994. – 152 с.
135. Шебанов, А. Ф. Форма советского права / А. Ф. Шебанов. – М. : Юридическая литература, 1968. – 213 с.
136. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – В 2-х т. Т. 2. Вып. 2,3,4. – М. : Юридический колледж, 1995. – 363 с.
137. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : издание бр. Башмаковых, 1914. – 335 с.
138. Эбзеев, Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд / Б. С. Эбзеев. – М. : Закон и право : Изд. «ЮНИТИ», 1997. – 349 с.
139. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации : монография / Б. С. Эбзеев. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2013. – 656 с.
140. Eddey, K. The English Legal System : monograph / K. Eddey – L., – 1987. – 196 p.
141. Kelsen, H. General Theory of Norms / H. Kelsen. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 465 p.
142. Vanderlinden, J. Contribution en forme de mascarade à une théorie des sources du droit au départ d'une source délicieuse // Revue trimestrielle de droit civil. – Paris, 1995. – A. 94, № 1. – P. 69-84.

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 9. Ст. 851.
2. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Венская конвенция «О праве международных договоров» от 23 мая 1969 г. // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть третья. 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья. 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 № 46. Ст. 4532.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

12. Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. № 3. 2003.

13. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

14. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

15. Закон Республики Дагестан от 16 апреля 1997 г. № 8 «О нормативных правовых актах Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 1997. № 4. Ст. 1050.

16. Федеральный закон от 04 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.

17. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

18. Закон Свердловской области от 10 марта 1999 г. № 4-ОЗ «О правовых актах в Свердловской области» // Собрании законодательства Свердловской области. 1999 г. № 3. Ст. 148.

19. Федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.

20. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (1 ч.). Ст. 4916.

21. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2102.

22. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

23. Федеральный конституционный закон № 5 от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004 г. № 27. Ст. 2710.

24. Федеральный конституционный закон от 03 ноября 2010 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 45. Ст. 5742.

25. Федеральный конституционный закон от 04 июня 2014 г. № 9-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 23. Ст. 2922.

26. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"» от 14 декабря 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51. Ст. 7229.

27. Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О конституционном Суде Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 1 (Часть I). Ст. 2.

28. Федеральный закон от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 17. Ст. 2455.

29. Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2930.

30. Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации» от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. № 298. 30 января 2014 г.

31. Доктрина развития науки: одобрена указом Президента Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 884 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 3005.

32. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 05 декабря 2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

33. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 марта 2012 г. по делу «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

34. Постановление Европейского Суда по правам человека от 04 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

35. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека от 30 июня 2015 г. по делу «Хорошенко против России» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015 г. № 9 (159).

36. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 06 августа 2003 г. № 106п2003 [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_29105.htm

37. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О Судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2.

38. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 05 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

39. Определение Верховного Суда РФ от 21 апреля 2015 г. по делу № 307-КГ14-4737 [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB;n=424834#0](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=424834#0)

40. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 "О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР", от 25 августа 1991 г. № 90 "Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР" и от 6 ноября 1991 г. № 169 "О деятельности КПСС и КП РСФСР", а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1993. № 11. Ст. 400.

41. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 апреля 1995 г. № 2-П «По делу о толковании статей 103 (часть 3), 105 (части 2 и 5), 107 (часть 3), 108 (часть 2), 117 (часть 3) и 135 (часть 2) Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 16. Ст. 1451.

42. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 "О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики", Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 "О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных

формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта", Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 "Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа", Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 "Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3424.

43. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 № 12-П «По делу о толковании статьи 136 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 45. Ст. 4408.

44. Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1995 г. № 15-П «По делу о толковании части 2 ст. 137 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 49. Ст. 4868.

45. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года "О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 9. Ст. 828.

46. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 апреля 1996 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 "О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации" и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа

Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 19. Ст. 2320.

47. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года "О внесении изменений в закон Российской Федерации "Об акцизах"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 5202.

48. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края » // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 455.

49. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 февраля 1997 г. № 14-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Владимирской области о толковании пункта "н" части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации» [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_433.htm

50. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 1997 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. Ст. 1602.

51. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07 октября 1997 г. № 88-О «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 42. Ст. 4900.

52. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 1997 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности Постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 г. № 1090-1 ГД "О некоторых вопросах применения Федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и от 11 октября 1996 г. № 682-П ГД "О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.

53. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01 декабря 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1997. № 50. Ст. 5711.

54. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года "Об органах исполнительной власти в Республике Коми"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 4. Ст. 532.

55. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 1998 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положения ч. 2 ст. 31 Закона СССР от 24 июня 1981 г. "О правовом положении иностранных граждан в СССР" в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 9. Ст. 1142.

56. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с

запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 19. Ст. 3142.

57. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. 1998. Ст. 3004.

58. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03 ноября 1998 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 4 Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации" в связи с запросами Волгоградской областной Думы, Дмитровского районного суда Московской области и жалобой гражданина В.А. Мостипанова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 45. Ст. 5603.

59. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 1998 № 28-П «По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 52. Ст. 6447.

60. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года "О банках и банковской деятельности" в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1999. № 10. Ст. 1254.

61. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. №7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 17. Ст. 2205.

62. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728.

63. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 29. Ст. 3117.

64. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2000. № 50. Ст. 4943.

65. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 июля 2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД "О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 3059.

66. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 05 июля 2001 г. № 135-О [Электронный ресурс] документ официально

опубликован не был. Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=15213#0>

67. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02 апреля 2002 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления» и Закона Корякского автономного округа «О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе» в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 14. Ст. 1374.

68. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2003 г. № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 3 статьи 56 УПК РФ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060.

69. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона "Об акционерных обществах", статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО "Медиа-Мост" и ЗАО "Московская Независимая Вещательная Корпорация"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 3102.

70. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобам граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

71. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 марта 2004 г. № 145-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Проня Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части четвертой статьи 47, пунктом 2 части первой статьи 53, статьями 74, 85 и 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

72. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

73. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2005 г. № 17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона "О трудовых пенсиях в Российской Федерации"» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479.

74. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

75. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2005 г. № 257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части третьей статьи 125 и

части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54788/

76. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 г. № 383–О «По жалобе гражданина Силаева Виталия Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1254722/>

77. Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации с связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 932.

78. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 ноября 2007 г. № 799–О–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мозгова Станислава Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685218/>

79. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 ноября 2007 г. № 827-О-П «По ходатайству главы Екатеринбурга об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 2006 года № 542-О по запросу Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ "О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и

признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации", а также жалобе главы города Екатеринбурга на нарушение теми же законоположениями конституционного права на местное самоуправление» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 53. Ст. 6675.

80. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06 марта 2008 г. № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2092.

81. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 01 апреля 2008 г. № 194-О-П «По жалобе администрации муниципального образования "Балтийский городской округ" Калининградской области и окружного Совета депутатов того же муниципального образования на нарушение конституционных прав и свобод Законом Калининградской области "Об организации местного самоуправления на территории Балтийского городского округа" и частью 4 статьи 27 Федерального конституционного закона "О судебной системе Российской Федерации", а также по жалобе граждан Н.А. Горшениной, Н.И. Кабановой и других на нарушение их конституционных прав названным Законом Калининградской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 18. Ст. 2093.

82. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при

проведении государственного контроля (надзора)" в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 31. Ст. 3763.

83. Определении от 15 января 2009 года Конституционного Суда Российской Федерации № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", статей 10 и 11 Федерального закона "О статусе военнослужащих", статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» [Электронный ресурс] документ официально опубликован не был. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690938/#1690938>

84. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2009 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части второй статьи 250, статьи 321.1 Налогового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 3 статьи 41 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева и Московского авиационного института (государственного технического университета)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3383.

85. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 13. Ст. 1527.

86. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав

человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2015. № 30. Ст. 4658.

87. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта "б" части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 48 (часть III). Ст. 6839.

88. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом министерства юстиции Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 5. Ст. 866.

89. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2017. № 12. Ст. 1779.

Диссертации

1. Бастен, И. С. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источники конституционного права России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Бастен Ирина Сергеевна. – Челябинск, 2003. – 230 с.

2. Бибик, О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бибик Олег Николаевич. – Омск, 2005. – 228 с.

3. Богатова, О. В. Нормативный правовой акт как источник права (теоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Богатова Оксана Викторовна. – М., 2004. – 185 с.

4. Богмацера, Э. В. Правотворческий процесс и роль в нем судебной практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Богмацера Эдуард Викторович. – М., 2007. – 206 с.

5. Гурова, Т. В. Актуальные проблемы теории источников права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Гурова Татьяна Владимировна. – Самара, 2000. – 188 с.

6. Дорохова, А. Б. Роль судебного прецедента в правовой системе (сравнительно-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дорохова Анна Борисовна. – М., 2001. – 212 с.

7. Захаров, В. В. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Захаров Владимир Валерьевич. – Пенза, 2004. – 233 с.

8. Карапетян, С. А. Источники конституционного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Карапетян Саак Альбертович. – Ростов-на-Дону, 1998. – 170 с.

9. Курова, Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации в системе источников российского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Курова Наталья Николаевна. – Белгород, 2011. – 189 с.

10. Мадаев, Е. О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мадаев Евгений Олегович. – Иркутск, 2012. – 254 с.

11. Максимовская, И. Н. Конституционный Суд в государственном правовом механизме России : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Максимовская Иулитта Николаевна. – Чебоксары, 2006. – 215 с.

12. Манукян, А. Г. Толкование норм права : виды, система, пределы действия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Манукян Артем Генрихович. – СПб, 2006. – 177 с.

Авторефераты диссертаций

1. Волкова, Н. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам парламентского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.02 / Волкова Наталья Сергеевна. – М., 2002. – 23 с.

2. Гаврилов, Д. А. Правоприменительное толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 / Гаврилов Дмитрий Анатольевич. – Саратов, 2000. – 24 с.

3. Никонов, М. А. Судейское усмотрение : уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.09 / Никонов Максим Андреевич. – М., 2014. – 32 с.

Электронные ресурсы

1. Адвокатская палата Камчатского края. Разъяснения по вопросу допроса адвоката в качестве свидетеля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://advokatkamchatka.ru/advokat/faqs/121-2011-06-29-23-36-00.html>

2. Бланкенагель, А., Левин, И. Г. В принципе нельзя, но можно!.. Конституционный Суд России и дело об обязательности решений Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=6726>

3. Бондарь, Н. С. Европейский конституционализм в аспекте национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикции (Рабочие

материалы к Международному форуму по конституционному правосудию, 18-20 ноября 2010 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravo.ru/Новости.view/42653

4. Выступление Председателя ВАС РФ А.А. Иванова на Третьих Сенатских Чтениях в Конституционном Суде Российской Федерации 19 марта 2010 года «Речь о прецеденте» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/info/Reading/Pages/ThirdReading.aspx>

5. Гаганов, А. А. Прецедентное право или Конституционный Суд в роли законодателя? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytcs/precedentnoe-pravo-ili-konstitucionnyy-sud-v-rolizakonodatelya>

6. Законопроект о нормативных правовых актах в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=127365>

7. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2016 году по состоянию на 06 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/ReportKS2016.aspx>

8. История создания и функционирования отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izak.ru/news.html?id=584>

9. Колесов, Ю. Интервью с председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации Антоном Ивановым. Суды должны понимать истинную цель сделок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2005/218/13/139704.html>

10. О нормативных правовых актах Российской Федерации: пояснительная записка к законопроекту № 96700088–2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru>.

11. Синюков, В. Н., Синюкова, Т. В. О типологической принадлежности российского права к евразийскому правовому пространству [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eni.kz/repository/repository2014/o-tipologicheskoi-prinadlezhnosti.pdf>

12. Hans, J. Moskau will Urteile umgehen [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/russland-im-namen-moskaus-1.2565368>

Статьи

1. Авакьян, С. А. Нормативное значение решений конституционных судов / С. А. Авакьян // Вестник Моск. Ун-та. – 2004. – Сер 11: Право. – № 4. – С. 25-40.

2. Авакьян, С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 8. – С. 5-8.

3. Александров, А. С. Интерпретация и право // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса. Сб. материалов международной научной конференции / А. С. Александров. – Санкт-Петербург. 30-31 октября. 2009 г. Издательский дом «Петрополис», 2010. – С. 9-23.

4. Александров, Н. Г. Понятие источника права / Н. Г. Александров // Ученые труды ВИЮН. Вып. VIII. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – С. 47-54.

5. Александрова, М. А. Конституционный Суд Российской Федерации как «позитивный законодатель» / М. А. Александрова // Актуальные проблемы теории и истории государства и права. Сб. научных статей. – Великий Новгород. 2012. – Вып. IV. – С. 16-22.

6. Александрова, М. А. Конституционный Суд Российской Федерации как современная модель конституционного правосудия / М. А. Александрова // Российский судья. – 2010. – № 3. – С. 21-25.

7. Александрова, М. А. Правовой статус решений Конституционного Суда Российской Федерации / М. А. Александрова // Юридический мир. – 2015. – № 4. – С. 10-14.
8. Александрова, М. А. Проблема определения понятия правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и ее юридической силы / М. А. Александрова // Правовед. – 2013. – Выпуск 9. – С. 35-44.
9. Александрова, М. А. Пути разрешения проблемы неисполнения актов Конституционного Суда Российской Федерации / М. А. Александрова // Российский судья. – 2014. – № 11. – С. 35-39.
10. Александрова, М. А. Путь разрешения многолетнего спора о юридическом статусе решений Конституционного Суда Российской Федерации / М. А. Александрова // Вестник НовГУ. – 2014. – № 83. – С. 60-63.
11. Александрова, М. А. Решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека : проблема приоритета / М. А. Александрова // Российский судья. – 2017. – № 7. – С. 50-54.
12. Александрова, М. А. Решения Конституционного Суда РФ как источник уголовного и уголовно-процессуального права / М. А. Александрова // «20 лет уголовному кодексу РФ : проблемы применения и перспективы развития». Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. А.Т. Дугин, О.Е. Калпинская. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, 2017. – 192 с. – С. 9-11.
13. Александрова, М. А. Юридический статус решений Конституционного Суда РФ : взгляд судей / М. А. Александрова // Правовед : межвуз. науч. сб. : НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016. – Вып. 12. – С. 3-5.
14. Алешкова, М. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: правовая природа и формы их осуществления / М. А. Алешкова // Российский судья. – 2013. – № 8. – С. 6-9.

15. Анисимов, А. П. Научная доктрина как источник права / А. П. Анисимов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 6. – С. 78-84.
16. Анишина, В. И. Правовые позиции Конституционного Суда России / В. И. Анишина // Российская юстиция. – 2000. – № 7. – С. 11-12.
17. Анишина, В. И. Применение постановлений Конституционного Суда РФ судами общей юрисдикции / В. И. Анишина // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 2-5.
18. Анишина, В. И. Правовая природа актов судебного правотворчества / В. И. Анишина // Журнал российского права. – 2006. – № 10. – С. 124-133.
19. Апт, А. Ф., Кененов, А. А. К вопросу об элементах и структуре советского права / А. Ф. Апт // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1973. – № 3. – С. 50-55.
20. Апт, Л. Ф. Об элементах структуры нормативного акта / А. Ф. Апт // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 27-32.
21. Арановский, К. В. О письменном производстве в конституционной юстиции России / К. В. Арановский // Журнал конституционного правосудия. – 2011. – № 2 (20). – С. 18-24.
22. Баглаева, Е. Е. Некоторые проблемы применения судебных правовых позиций, подлежащих обязательному учету / Е. Е. Баглаева // Адвокат. – 2016. – № 3. С. 29-38.
23. Байтин, М. И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ / М. И. Байтин // Государство и право. – 2006. – № 1. – С. 5-11.
24. Белкин, А. А. Текстуально-правовые конфликты в Конституции Российской Федерации 1993 года и проблемы их преодоления / А. А. Белкин // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. – М.: Изд-во Центра Конституционных исследований МОНФ, 1998. – С. 25-32.
25. Белых, В. С. Судебный прецедент как источник правового регулирования: спорные вопросы теории и практики / В. С. Белых // Закон. – 2012. – № 5. – С. 185-191.

26. Боброва, Т. М. Проверка Конституционным Судом РФ конституционности законов в процедуре письменного производства (2012 и 2012 гг.) / Т. М. Боброва // Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных стран. – С. 1580-1587.
27. Богданова, Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права / Н. А. Богданова // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 3. – С. 66-67.
28. Божьев, В. К вопросу о состязательности в российском уголовном процессе / В. К. Божьев // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 47-55.
29. Бондарь, Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 35-46.
30. Бондарь, Н. С. Конституция России: стабильность и (или?) динамизм / Н. С. Бондарь // Юридический мир. – 2013. – № 12. – С. 10-20.
31. Бондарь, Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд / Н. С. Бондарь // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 28-33.
32. Бондарь, Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источник права / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75-85.
33. Бородина, Т. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на пересмотр судебных решений и приговоров / Т. Г. Бородина // Российский судья. – 2013. – № 6. – С. 46-48.
34. Бошно, С. В. Прецедент, закон и доктрина (опыт социолого-юридического исследования) / С. В. Бошно // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 72-78.
35. Бошно, С. В. Соотношение понятий источник и форма права / С. В. Бошно // Юрист. – 2001. – № 10. – С. 15-22.
36. Ван Хук, М. Конституционные суды и делиберативная демократия / М. Ван Хук // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 135-149.

37. Варламова, И. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: юридическая природа, техника выявления, проблемы имплементации в правовую систему / И. В. Варламова // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и С.Е. Андреева. – М.: Формула права, 2001. – С. 140-148.

38. Васильев, Р. Ф. О понятии правового акта / Р. Ф. Васильев // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1998. – № 5. – С. 3-25.

39. Васильева, Т. А. Понятие и признаки судебного прецедента как источника права / Т. А. Васильева // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3. – С. 294-296.

40. Вересова, Н. А. Конституционный прецедент в странах романо-германской группы права / Н. А. Вересова // Власть. – 2006. – № 11. – С. 77-79.

41. Виноградова, П. А. Порядок разрешения коллизий конституционного и конвенционного толкования / П. А. Виноградова // Российская юстиция. – 2015. – № 11. – С. 30-33.

42. Витрук, Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение / Н. В. Витрук // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 95-102.

43. Витрук, Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по поставленному вопросу (поставленным вопросам) референдума / Н. В. Витрук // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 2. – С. 10-12.

44. Гаджиев, Х. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Х. Гаджиев // Право и жизнь. – 2000. – № 26. – С. 79-85.
45. Гаджиев, Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права / Г. А. Гаджиев // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 81-95.
46. Гаджиев, Г. А. Ratio decidendi в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации / Г. А. Гаджиев // Конституционное правосудие. – 1999. – № 2. – С. 4-7.
47. Галесник, Л. С. Нормы права и практика коммунистического строительства / Л. С. Галесник // Вопросы общей теории советского права. Сборник статей. М.: Госюриздат, 1960. – С. 6-43.
48. Галмаи, Г. Опыт конституционного правосудия в Венгрии / Г. Галмаи // Государство и право. – 1993. – № 9. – С. 63-73.
49. Гатауллин, А. Г. Юридическая природа правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов российской Федерации / А. Г. Гатауллин // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 46-48.
50. Гошуляк, В. В. Решения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации как источник права / В. В. Гошуляк // Законодательство и экономика. – 2007. № 9. – С. 9-18.
51. Гранат, Н. Л. Источники права / Н. Л. Гранат // Юрист. – 1998. – № 9. – С.6-12.
52. Гурова, Т. В. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права России / Т. В. Гурова // Атриум. – 1997. – № 3. – С. 6-9.
53. Джавакян, Г. З. Правотворческая активность Конституционного Суда Российской Федерации: юридизация политики или политизация конституционного правосудия? / Г. З. Джавакян // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 3. – С. 64-69.

54. Дивин, И. М. К вопросу о признании судебного прецедента источником права в отечественной правовой системе / И. М. Дивин // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 89-92.
55. Дивин, И. М. Судебная практика как источник современного права России / И. М. Дивин // Закон. – 2011. – № 4. – С. 97-102.
56. Добрынин, Н. М. Конституционная реформа в России: миф или очевидность / Н. М. Добрынин // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 9. – С. 2-8.
57. Дудко, И. Г. Юридическая природа постановлений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / И. Г. Дудко // Журнал российского права. – 2005. – № 1. – С. 26-32.
58. Ершов, В. В. Юридическая природа правовых позиций суда / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2013. – № 6 (86). – С. 37-47.
59. Ершов, В. В. Правосудие, правопонимание и правотворчество в условиях глобализации с позиций легизма и «широкого» понимания права / В. В. Ершов // Российское правосудие. – 2011. – № 12. – С. 5-16.
60. Ефимичев, П. С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного Суда РФ / П. С. Ефимичев // Журнал российского права. – 2000. – № 1. – С. 26-33.
61. Жуйков, В. М. К вопросу о судебной практике как источнике права / В. М. Жуйков // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 78-90.
62. Захаров, В. В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права / В. В. Захаров // Журнал российского права. – 2006. – № 11. – С. 25-31.
63. Зверев, Д. В. Новые источники гражданского процессуального права в свете Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Д. В. Зверев // В сб.: Европейская интеграция и развитие цивилистического процесса в России. – М.: РАП, 2006. – С. 17-22.

64. Зорькин, В. Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия : новые вызовы и перспективы / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-12.
65. Зорькин, В. Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 14-23.
66. Зорькин, В. Д. Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять / В. Д. Зорькин // Закон. – 2006. – № 11. – С. 5-9.
67. Зорькин, В. Д. Предел уступчивости / В. Д. Зорькин // Российская газета – № 5325 (246) – 29 октября 2010 г.
68. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3-9.
69. Зорькин, В. Д. Судить по Конституции и совести / В. Д. Зорькин // Журнал российского права. – 2003. – № 9. – С. 3-13.
70. Иванов, С. А. Судебные постановления как источник трудового права / С. А. Иванов // В кн.: Судебная практика как источник права / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М.: ИГП РАН, 1997. – С. 24-33.
71. Интервью с председателем Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Ивановым / А. А. Иванов // Законодательство. – 2010. – № 1. – С. 5-9.
72. Кажлаев, С. А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации / С. А. Кажлаев // Журнал российского права. – 2004. – № 9. – С. 26-33.
73. Калинин, А. Ю., Комаров С.А. Форма (источник) права как категория в теории государства и права / А. Ю. Калинин // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 3-10.
74. Карнишина, Е. В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как доктринальные источники и основы конституционно-правового регулирования / Е. В. Карнишина // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 75-79.

75. Кашанина, Т. В. «Эволюция форм права» / Т. В. Кашанина // *Lex russica*. – 2011. – № 1. – С. 34-53.
76. Кельзен, Г. Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 2, окончание) / Г. Кельзен // *Право и политика*. – 2006. – № 9. – С. 5-18.
77. Кечекьян, С. Ф. О понятии источника права: Труды юридического факультета / С. Ф. Кечекьян // *Ученые записки МГУ: Тр. Юрид. фак. Вып. 116, Кн.2*. – М.: Изд-во: Моск. ун-та, 1946. – С. 3-25.
78. Кечекьян, С. Ф. Советское социалистическое право и его источники / С. Ф. Кечекьян // *Труды Юбилейной сессии... Акад. общ. наук. Москва. Сессия 1947, октябрь*. – М., 1947. – С. 166-175.
79. Ковалева, Л. А. Место доктрины в системе источников права / Л. А. Ковалева // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 3. – С. 82-83.
80. Ковтун, Н. Н. Акты конституционного правосудия как вектор формирования современной уголовно-процессуальной политики. Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса / Н. Н. Ковтун // *Сб. материалов международной научной конференции. Санкт-Петербург: 30-31 октября. 2009 г. Издательский дом «Петрополис», 2010*. – С. 157-170.
81. Ковтун, Н. Н. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по уголовно-процессуальным вопросам: проблемы законодательной техники и практического применения / Н. Н. Ковтун // *Государство и право*. – 2001. – № 11. – С. 99-106.
82. Кокотов, А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации / А. Н. Кокотов // *Журнал российского права*. – 2013. – № 5. – С. 90-101.

83. Кокотов, А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 21-24.
84. Кокотов, А. Н. О прямом действии Конституции Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 12. – С. 1511-1516.
85. Колабухов, Н. А. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации / Н. А. Колабухов // Российский судья. – 2012. – № 4. – С. 17-21.
86. Корнев, А. В. Разъяснения пленумов высших судов по вопросам судебной практики как специфическая форма судебного правотворчества в России / А. В. Корнев // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2014. – № 1. – С. 21-30.
87. Котелевская, И. В. Закон и подзаконный акт / И. В. Котелевская // Журнал рос. права. – 2000. – № 2. – С. 5-12.
88. Крылов, Б. С. О некоторых решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Б. С. Крылов // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1997. – № 2. – С. 43-45.
89. Кряжков, В. А. Толкование Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации: практика и проблемы / В. А. Кряжков // Вестник Конституционного Суда. – 1997. – № 3. – С.4-9.
90. Кряжкова, О. Н. К вопросу об истории возникновения понятия «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» / О. Н. Кряжкова // Право и политика. – 2003. – № 1 (37). – С. 30-35.
91. Кряжкова, О. Н. О месте правовых позиций Конституционного Суда РФ в правовой системе России / О. Н. Кряжкова // Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под ред. В.Ф. Воловича. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 96-102.

92. Кряжкова, О. Н. Перемены в российском конституционном правосудии: ожидавшиеся, ожидаемые, неожиданные / О. Н. Кряжкова // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 41-51.
93. Кузьменко, А. В. Акты высших судебных органов в системе источников трудового права / А. В. Кузьменко // Известия вузов. Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 247-249.
94. Кузьмин, А. Г. Правовые позиции «высших» судов Российской Федерации как источник российского права / А. Г. Кузьмин // Российская юстиция. – 2013. – № 6. – С. 47-50.
95. Курбатов, А. Я. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации / А. Я. Курбатов // Закон. – 2004. – № 6. – С. 75-79.
96. Курбатов, А. Я. Конституционный Суд РФ: проблемы с компетенцией требуют решения / А. Я. Курбатов // Закон. – 2011. – № 2. – С. 115-122.
97. Курис, Э. О стабильности конституции, источниках конституционного права и мнимом всемогуществе конституционных судов / Э. Курис // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3. – С. 92-102.
98. Кучин, М. В. Нормотворческая деятельность судебных органов Российской Федерации и судебный прецедент / М. В. Кучин // Право и политика. – 2000. – № 5. – С. 4-14.
99. Лазарев, В. В. Восприятие законодателем судебного права / В. В. Лазарев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 158–169.
100. Лазарев, В. В. Лоббирование правотворческих решений / В. В. Лазарев // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 216-223.
101. Лазарев, В. В. Лоббизм в конституционном производстве / В. В. Лазарев // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 24-34.
102. Лазарев, В. В. Нормативная природа судебного прецедента / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2012. – № 4. – С. 92-99.

103. Лазарев, В. В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве / В. В. Лазарев // Российское правосудие. – 2012. – № 4. – С. 6-15.

104. Лазарев, В. В. Прецеденты Конституционного Суда / В. В. Лазарев // Актуальные проблемы теории и практики конституционного правосудия (Выпуск VII): Сборник научных трудов. – Казань, 2012. – С. 318-331.

105. Лазарев, В. В. Решения Конституционного Суда РФ как источник права / В. В. Лазарев // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М.: Статут, 2006. – Вып. 1. – С. 25-30.

106. Лазарев, В. В. Создание отдела института законодательства по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации – стратегическая инновация в законотворчестве / В. В. Лазарев // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 386-389.

107. Лазарев, В. В. Толкование права : классика, модерн и постмодерн / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 15-28.

108. Лазарев, Л. В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права / Л. В. Лазарев // Журнал российского права. – 1997. – № 11. – С. 3-13.

109. Лафитский, В. И. Конституционный надзор в США / В. И. Лафитский // Очерки конституционного права иностранных государств. – М. : Спартак, 1999. – С. 272-285.

110. Лукьянова, Е. А. Конституция в судебном переплете / Е. А. Лукьянова // Законодательство. – 2000. – № 12. – С. 47-58.

111. Маврин, С. П. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России / С. П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 6. – С. 1-6.

112. Мазуренко, А. П. Правотворческая политика: понятие и соотношение со смежными юридическими категориями / А. П. Мазуренко // Государство и право. – 2010. – № 4. – С. 12-20.

113. Малиновский, А. А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) / А. А. Малиновский // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 1. – С. 3-6.

114. Марокко, Н. А. О правовой природе решений Конституционного Суда Российской Федерации / Н. А. Марокко // Российский судья. – 2006. – № 6. – С. 3-5.

115. Марченко, М. Н. Вторичные источники романо-германского права: прецедент, доктрина / М. Н. Марченко // Вестник Московского Университета. Сер. 11, Право. – 2000. – № 4. – С. 52-63.

116. Марченко, М. Н. Источники права: понятие, содержание, система и соотношение с формой права / М. Н. Марченко // Вестник Московского Университета. Сер. 11, Право. – 2002. – № 5. – С. 3-16.

117. Марченко, М. Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие форм проявления / М. Н. Марченко // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 96-107.

118. Марченко, М. Н. Характерные черты и особенности романо-германского права / М. Н. Марченко // Государство и право. – 2016. – № 3. – С. 5-11.

119. Медушевский, А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы / А. Медушевский // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. – С. 13-41.

120. Миколенко, Я. Источники гражданского права / Я. Миколенко // Советская юстиция. – 1938. – № 20-21. – С. 28-34.

121. Митюков, М. А. Конституционные суды постсоветских государств: проблемы исполнения решений / М. А. Митюков // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 3 (40). – С. 70-76.

122. Митюков, М. А. Парламентское право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / М. А. Митюков //

Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1996. – № 3 (16) – 4 (17). – С. 39-41.

123. Михалева, Н. В. Судебная практика судов общей юрисдикции как источник права (роль судебных постановлений по конкретным делам и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в формировании и обеспечении единства судебной практики) / Н. В. Михалева // Судебная практика как источник права. – М. : Юрист, 2000. – с. 131-140.

124. Мицкевич, А. В. Правотворческое значение нормативного акта / А. В. Мицкевич // Советское государство и право. – 1965. – № 11. – С. 49-57.

125. Мокосеева, М. А. К вопросу о сходствах и различиях между правовой позицией и решением Конституционного Суда РФ / М. А. Мокосеева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 128-133.

126. Мокосеева, М. А, Бакун, А. С. Решение органа конституционной юстиции как норма права / М. А. Мокосеева, А. С. Бакун // Вестник Марийского университета. – 2016. – Т. 2. – № 2 (6). – С. 76-78.

127. Морщакова, Т. Г. Десять лет на страже Конституции / Т. Г. Морщакова // Время МН. – 9 августа 2001.

128. Морщакова, Т. Г. Интервью с заместителем Председателя Конституционного Суда РФ Т.Г. Морщаковой / Т. Г. Морщакова // Законодательство. – 1999. – № 5. – С. 2-7.

129. Морщакова, Т. Г. Судебные недостатки / Т. Г. Морщакова // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 41. – С.10-16.

130. Нарутто, С. Конституционный Суд РФ: изменения в статусе и процедурах (2009 и 2010 годы) / С. Нарутто // Хозяйство и право. – 2011. – № 9. – С. 3-16.

131. Невинский, В. В. Конституционный Суд Российской Федерации и правотворчество в России / В. В. Невинский // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 63-72.

132. Непомнящих, Е. В. Понятие правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Е. В. Непомнящих // Законодательство и экономика. – 2003. – № 10. – С. 7-10.

133. Нерсисянц, В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (О правоприменительной природе судебных актов) / В. С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права: Сборник статей. – М.: РАН. Институт государства и права, 1997. – С. 34-41.

134. Нерсисянц, В. С. У российских судов нет правотворческих полномочий / В. С. Нерсисянц // Судебная практика как источник права. – М., Юрист, 2000. – С. 107-112.

135. Никифоров А. В. Использование правовых доктрин при квалификации уклонения от уплаты налогов / А. В. Никифоров // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 11. – С. 123-125.

136. Никишин В. В. Доктрина и судебный прецедент как источники зарубежного экологического права / В. В. Никишин // Российский судья. – 2011. – № 4. – С. 30-31.

137. Ображиев, К. В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения / К. В. Ображиев // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 98-103.

138. Ображиев, К. В. Решения Конституционного Суда РФ в системе формальных (юридических) источников российского уголовного права / К. В. Ображиев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 6. – С. 12-17.

139. Овсепян, Ж. И. Конституционное судебно-процессуальное право: у истоков отрасли права, науки и учебной дисциплины / Ж. И. Овсепян // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 196-212.

140. Ордина, О. Н. К вопросу о совершенствовании доктринальных нормативных правовых актов / О. Н. Ордина // Административное право и процесс. – 2014. – № 12. – С. 36-38.

141. Остапович, И. Ю. Конституционный Суд Российской Федерации и единство судебной практики / И. Ю. Остапович // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 1 (13). – С. 48-53.
142. Остапович, И. Ю. О нормативности решений органов конституционного контроля в Российской Федерации / И. Ю. Остапович // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Право. – 2015. – № 2 (21). – С. 37-48.
143. Павликов, С. Г. О доктрине как источнике права / С. Г. Павликов // Государство и право. – 2013. – № 6. – С. 18-25.
144. Павлушкин, А. В., Павловский А. С. Современное правотворчество: новые возможности для общества и государства / А. В. Павлушкин, А. С. Павловский // Журнал российского права. – 2015. – № 3. – С. 146-154.
145. Пашенцев, Д. А. Судебный прецедент как источник права в правовой системе России / Д. А. Пашенцев // Современное право. – 2011. – № 4. – С. 77-80.
146. Петров, А. А. Правовая позиция Конституционного Суда РФ как предмет законодательной регламентации / А. А. Петров // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 21. – С. 25-27.
147. Петрушев, В. А. О доктринальном толковании права судьями Конституционного Суда РФ / В. А. Петрушев // Конституционное и муниципальное право. – № 16. – 2008. – С. 21-22.
148. Петрушев, В. А. О юридической природе постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ / В. А. Петрушев // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 11. – С. 27-30.
149. Петрушев, В. А. Юридическая природа актов судебного толкования права / В. А. Петрушев // Академический юридический журнал. – 2000. – № 1. – С. 53-54.
150. Пиголкин, А. С. Толкование норм права и правотворчество : проблемы соотношения / А. С. Пиголкин // Закон : создание и толкование. – М. : Спарк, 1998. – С. 65-75.
151. Пиголкин, А. С., Казьмин, И. Ф., Рахманина, Т. Н. Инициативный проект Закона «О нормативно-правовых актах Российской Федерации» /

А. С. Пиголкин, И. Ф. Казьмин, Т. Н. Рахманина // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 76-86.

152. Подольный, Н. А. Конфликт доктрин в уголовном процессе России / Н. А. Подольный // Lex Russica. – 2010. – № 3. – С. 660-671.

153. Поляков, С. Б. Судебное правотворчество: проявление демократизма или отступление от принципа разделения властей? / С. Б. Поляков // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 341-348.

154. Приходько, И. Д. Об учете правовой доктрины при толковании и применении арбитражными судами права / И. Д. Приходько // Арбитражная практика. – 2008. – № 7. – С. 65-73.

155. Пряхина, Т. М., Розанова, Е. В. Решения Европейского Суда по правам человека в правовой системе России / Т. М. Пряхина // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2010. – № 2. – С. 81-85.

156. Пудовочкин, Ю. Е. Источники уголовного права Российской Федерации / Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 64-75.

157. Пферсманн, О. Ономастический софизм: изменять, а не познавать (о толковании конституции) / О. Пферсманн; пер. с фр. М. В. Антонова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 4. – С. 104-132.

158. Радько, Т. Н., Медведева, Н. Т. Позитивизм как научное наследие и перспектива развития права в России / Т. Н. Радько, Н. Т. Медведева // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 5-12.

159. Разумович, Н. Н. Источники и форма права / Н. Н. Разумович // Советское государство и право. – 1988. – № 3. – С. 20-27.

160. Решетникова, И. В. Судебная реформа в сфере гражданской юрисдикции / И. В. Решетникова // Хозяйство и право. – 1997. – № 3. – С. 62-71.

161. Родионова, О. М. Развитие научных представлений об источниках права (на примере источников гражданского права) / О. М. Родионова // Известия ВУЗов. Сер. Правоведение. – 2005. – № 3. – С. 130-143.

162. Романов, М. Л. Нормативная характеристика решений Конституционного Суда Российской Федерации / М. Л. Романов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2008. – № 1. – С. 154-150.
163. Рябко, А. И., Василенко, О. Н. Актуальные проблемы онтологии форм права / А. И. Рябко, О. Н. Василенко // Философия права. – 2000. – № 2. – С. 60-69.
164. Саликов, М. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие и система / М. С. Саликов // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 49-59.
165. Сауляк, О. П. Правотворческий потенциал судебных актов / О. П. Сауляк // Администратор суда. – 2009. – № 3. – С. 21-25.
166. Сауляк, О. П. Судебная практика как источник российского права (материальный и формальный аспекты проблемы) / О. П. Сауляк // Государство и право. – 2009. – № 11. – С. 5-10.
167. Сивицкий, В. А., Терюкова Е.Ю. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации / В. А. Сивицкий, Е. Ю. Терюкова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 73-79.
168. Синцов, Г. В. Проблемы применения в судебной практике правовых позиций, содержащихся в решениях Конституционного Суда РФ / Г. В. Синцов // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 39-41.
169. Синюков, С. В. О понятии правотворчества / С. В. Синюков // Известия Саратовского университета. – 2011. – Т. 11. – Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 2. – С. 114-116.
170. Смирнов, Л. В. Деятельность судов как источник права / Л. В. Смирнов // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 50-54.
171. Смолькова, И. В., Преловский, П. О. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для уголовного судопроизводства / И. В. Смолькова, П. О. Преловский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25. – № 5. – С. 870-878.

172. Смолькова, И. В., Преловский, П. О. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по поводу уголовного судопроизводства – судебные прецеденты? / И. В. Смолькова, П. О. Преловский // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26. – № 1. – С. 129-133.

173. Соколов, Т. В. Решения и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: сущность, виды и соотношение / Т. В. Соколов // Право и политика. – 2013. – № 12. – С. 1707-1719.

174. Сорокин, В. В. Судебная практика как источник права: за и против / В. В. Сорокин // Сибирский юридический вестник. – 2002. – № 3. – С. 10-12.

175. Страшун, Б. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права / Б. Страшун // Конституционное правосудие. – 2001-2002. – № 4, 5. – С. 154-167.

176. Татаринов, С. А. Постановления Конституционного Суда РФ в системе источников конституционного права / С. А. Татаринов // Государственная власть и права человека / Отв. ред. В.Ф. Волович. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 130-132.

177. Тимошина, Е. В. Судья как новый суверен: волюнтаристская теория Мишеля Тропера / Е. В. Тимошина // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2016. – № 2. – С. 50-61.

178. Топорнин, Б. Конституционный Суд РФ – эффективный фактор развития права / Б. Топорнин // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С.30-35.

179. Тропер, М. Ответ Отто Пферсманну / М. Тропер // Российский ежегодник теории права / под ред. А.В. Полякова. – СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2012. – № 4 – С. 273–291.

180. Тропер, М. Проблема толкования и теория верховенства конституции / М. Тропер; пер. с фр. О. Лысенковой // Сравнительное конституционное обозрение. – 2005. – № 4 (53). – С. 171–181.

181. Тропер, М. Реалистическая теория толкования / М. Тропер; пер. с фр. О. Лысенковой // Российский юридический журнал. – 2006. – № 2. – С. 7–19.

182. Туманов, В. А. Пять лет конституционной юстиции в России: уроки, проблемы, перспективы / В. А. Туманов // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – № 6. – С. 11-12.
183. Фоков, А. П. Конституционный Суд Российской Федерации: правовые позиции о способе реализации решений Европейского суда по правам человека / А. П. Фоков // Российский судья. – 2014. – № 2. – С. 3-9.
184. Хабриева, Т. Я. Конституционные реформы в современном мире / Т. Я. Хабриева // Вестник РАН. – 2016. – № 7. – С. 579-586.
185. Хабриева, Т. Я. Реформирование Конституции Российской Федерации: возможность и необходимость / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 20-32.
186. Худолей, К. М. Природа решений конституционных судов о толковании конституционных положений / К. М. Худолей // Вестник Пермского Университета. – 2012. – Вып. 2 (16). – С. 80-88.
187. Чашин, А. Н. Доктрина как источник уголовно-процессуального права России (на примере учения об основаниях прекращения уголовного дела) А. Н. Чашин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 2(32). – С. 129-133.
188. Шершень, Т. В. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на развитие семейного законодательства / Т. В. Шершень // Журнал «Законы России: опыт, анализ, практика». – 2016 г. – № 8. – С. 44-49.
189. Шиткина, И. О признании судебной практики источником российского права / И. О. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013. – № 4. – С. 73-77.
190. Эбзеев, Б. С. Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы / Б. С. Эбзеев // Государство и право. – 1998. – № 5. – С. 5-12.
191. Яковлев, В. Ф. О ходе реализации Федеральной целевой программы развития судебной системы России на 2002 - 2006 годы, итогах работы в 2002 году и новых задачах системы арбитражных судов (Доклад Председателя

Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации В.Ф. Яковлева на совещании председателей арбитражных судов 19 февраля 2003 г.) / В. Ф. Яковлев // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2003. – № 4. – С. 16-22.

192. Яковлев, Н. М. Значение решений Конституционного Суда РФ в реализации правозащитных функций прокурора в судопроизводстве / Н. М. Яковлев // Российский судья. – 2005. – № 5. – С. 30-34.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица 1. Результаты проведенного 20 мая 2014 года опроса 28 судей Новгородского областного и Новгородского районного суда по вопросам отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации или их части к источникам российского права и к одному из видов источников права.

Ответы на вопросы, выбранные респондентами	Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ
1 Решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть не являются источниками российского права в формально-юридическом аспекте	7
2 Решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть являются источниками российского права в формально-юридическом аспекте:	93
2.1 как судебный прецедент	
2.2 как нормативный правовой акт	23
2.3 как правовая доктрина	0
2.4 как самостоятельный источник российского права	19
2.5 другое (прецедентное значение, судебная практика, нормативно-доктринальная природа)	46
	12

Приложение Б

Таблица 2. Результаты проведенного 20 мая 2014 года опроса 28 судей Новгородского областного и Новгородского районного суда по вопросу определения конкретных видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также его правовых позиций как источников российского права.

Виды решений Конституционного Суда Российской Федерации как источники российского права в формально-юридическом аспекте	Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ
1 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними	86
2 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними	89
3 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации	75
4 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации	75
5 Постановления, подтверждающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	82
6 Постановления, отрицающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	86
7 Постановления о признании нормативного акта или его части соответствующим Конституции Российской Федерации	86
8 Постановления о признании нормативного акта или его части не соответствующим Конституции Российской Федерации	89

9 Постановления о толковании Конституции Российской Федерации	82
10 Заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	57
11 Заключение о не соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	57
12 Все определения	57
13 Часть определений	0
14 Иные решения Конституционного Суда Российской Федерации	57 (все остальные без сключения)
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права	Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ
1 Все правовые позиции как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права	25
2 Часть правовых позиций, имеющих самостоятельное значение в качестве источника российского права	0

Приложение В

Таблица 3. Результаты проведенного 27 января 2017 года опроса 21 судьи Новгородского районного суда по вопросам отнесения решений Конституционного Суда Российской Федерации или их части к источникам российского права и к одному из видов источников права.

<p style="text-align: center;">Ответы на вопросы, выбранные респондентами</p>	<p style="text-align: center;">Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ</p>
<p>1 Решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть не являются источниками российского права в формально-юридическом аспекте</p>	<p>0</p>
<p>2 Решения Конституционного Суда Российской Федерации или их часть являются источниками российского права в формально-юридическом аспекте:</p> <p>2.1 как судебный прецедент</p> <p>2.2 как нормативный правовой акт</p> <p>2.3 как правовая доктрина</p> <p>2.4 как самостоятельный источник российского права</p> <p>2.5 другое (без уточнения респондентами)</p>	<p style="text-align: center;">100</p> <p style="text-align: center;">9,5</p> <p style="text-align: center;">9,5</p> <p style="text-align: center;">0</p> <p style="text-align: center;">76</p> <p style="text-align: center;">5</p>

Приложение Г

Таблица 4. Результаты проведенного 27 января 2017 года опроса 21 судьи Новгородского районного суда по вопросу определения конкретных видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, а также его правовых позиций как источников российского права.

Виды решений Конституционного Суда Российской Федерации как источники российского права в формально-юридическом аспекте	Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ
1 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними	90
2 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними	90
3 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации	90
4 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации	90
5 Постановления, подтверждающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	81
6 Постановления, отрицающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	81
7 Постановления о признании нормативного акта или его части соответствующим Конституции Российской Федерации	90
8 Постановления о признании нормативного акта или его части не соответствующим Конституции Российской Федерации	90
9 Постановления о толковании Конституции Российской Федерации	90
10 Постановления о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека	81

11 Постановления о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека	90
12 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации	81
13 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации	81
14 Заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	81
15 Заключение о не соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	81
16 Все определения	90
17 Часть определений	0
18 Иные решения Конституционного Суда Российской Федерации	81 (все остальные без исключения)
Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права	Процент респондентов, проголосовавших за данный ответ
1 Все правовые позиции как имеющие самостоятельное значение в качестве источника российского права	19
2 Часть правовых позиций, имеющих самостоятельное значение в качестве источника российского права, а именно:	0

Приложение Д

Таблица 5. Признаки нормативности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации

Виды решений Конституционного Суда Российской Федерации	неперсонифицированность	неоднократность применения	общезначительность	публичность	формальная определенность	обеспеченность гос. принуждением	нормативная новизна
1 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними ¹	+	+	+	+	+	+	–
2 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании	+	+	+	+	+	+	+
3 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними	+	+	+	+	+	+	+
4 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров	+	–	+	+	+	+	–

¹ Первые три вида решений включают постановления, принятые Конституционным Судом Российской Федерации по обращениям на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов, поскольку все итоговые решения по данным категориям дел в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. определены со ссылкой на ст. 87 вышеуказанного закона.

Российской Федерации							
5 Постановления о несоответствии Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации	+	-	+	+	+	+	-
6 Постановления, подтверждающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	+	+	+	+	+	+	+
7 Постановления, отрицающее полномочие соответствующего органа государственной власти издать акт или совершить действие правового характера, послужившие причиной спора о компетенции	+	+	+	+	+	+	+
8 Постановления о толковании Конституции Российской Федерации	+	+	+	+	+	+	+
9 Постановления о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека	+	+	+	+	+	+	-
10 Постановления о невозможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека	+	+	+	+	+	+	+
11 Постановления о соответствии Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации	+	-	+	+	+	+	-
12 Постановления о несоответствии	+	-	+	+	+	+	-

Конституции Российской Федерации вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации							
13 Заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	-	-	+	+	+	+	-
14 Заключения о не соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления	-	-	+	+	+	+	-
15 Определения	+-	+-	+	-	-	+	-
16 Решения по вопросам внутренней организации деятельности Конституционного Суда Российской Федерации	-	+-	+	-	-	+	-
17 Решения с предложениями, вносимыми в порядке реализации права законодательной инициативы	-	-	+	-	-	+	-
18 Послания Федеральному Собранию/информационно-аналитические отчеты о содержании и исполнении его решений	-	-	+	-	-	+	-

Приложение Е.

Анкеты социологического исследования от 20 мая 2014 г.

Участниками социологического исследования, проведенного диссертантом 20 мая 2014 г., стали 28 судей: 11 судей Новгородского областного суда и 17 судей Новгородского районного суда. Респондентам были предложены два вопроса:

1. Какие решения Конституционного Суда Российской Федерации, на Ваш взгляд, являются источником российского права в формально-юридическом аспекте?

2. В случае, если Вы признаете за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника российского права в формально-юридическом аспекте, то к какому виду источников права Вы их относите?

Судьи имели возможность выбрать один из предложенных вариантов ответов или указать свой самостоятельно. Опрос проводился на условиях анонимности.

Все анкеты датированы; анкеты судей Новгородского районного суда имеют штамп Новгородского районного суда; анкеты судей Новгородского областного суда имеют сопроводительное письмо председателя Новгородского областного суда, И.Н. Самылиной, от 03 июня 2014 г. с указанием количества заполненных анкет.

Приложение Ж.

Анкеты социологического исследования от 27 января 2017 г.

Участниками социологического исследования, проведенного диссертантом 27 января 2017 г., стали 21 судья Новгородского районного суда. Респондентам были предложены два вопроса:

1. Какие решения Конституционного Суда Российской Федерации, на Ваш взгляд, являются источником российского права в формально-юридическом аспекте?

2. В случае, если Вы признаете за решениями Конституционного Суда Российской Федерации статус источника российского права в формально-юридическом аспекте, то к какому виду источников права Вы их относите?

Судьи имели возможность выбрать один из предложенных вариантов ответов или указать свой самостоятельно. Варианты предложенных диссертантом ответов были дополнены, в сравнении с социологическим исследованием от 20 мая 2014 г., с учетом изменений в законодательстве. Опрос проводился на условиях анонимности.

Анкеты не датированы и имеют штамп Новгородского районного суда с указанием даты.